ISSN 1998-6785

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

2016 № 1

ОЙКУМЕНА

Регионоведческие исследования

№ 1 (36)

научно-теоретический журнал

Выходит 4 раза в год

Основан в 2006 г.

Тема номера: Острова Тихого океана как объект комплексных историко-географических исследований

От редактора рубрики **5**

Латушко Ю.В. Экологические и культурные факторы развития сложного общества на Гавайях **8**

Латушко Ю.В., Ганзей К.С., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Киселёва А.Г., Прокопец С.Д., Пшеничникова Н.Ф. Историко-географическое исследование островов залива Петра Великого (на примере острова Рикорда) **23**

Ганзей К.С., Киселёва А.Г., Родникова И.М., Пшеничникова Н.Ф. Современное состояние и антропогенная трансформация геосистем островов залива Петра Великого **40**

Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е. Свидетельства контактов государства Бохай и Японии в раннем средневековье **50**

Давлетшин А.И. Происхождение и развитие социально-политических терминов в двух традиционных полинезийских обществах – нукерия и рапануи **57**

Историческое регионоведение

Павлов П.Ю., Землянский В.Л. Политический кризис в Приморье и Приамурское Народное собрание в июне 1922 г. **68**

Бакшутов С.Н. Высшее милицейское образование на Дальнем Востоке России на рубеже XX–XXI вв.: источниковая основа исследования **77**

Социальные и демографические структуры

Никитенко В.Н. Детерминанты укоренения населения на российском Дальнем Востоке **87**

Перелыгин С.В. Государственная политика России по управлению демографическими процессами на Дальнем Востоке в 1991–2015 гг. **92**

Культурные и идеологические факторы регионализации

Тощенко Ж.Т. Территориальные различия жизненного мира россиян: общее и особенное **102**

Левченко Н.В. Экологическое образование: классификация теоретико-методологических подходов **109**

Щекунцова О.С., Рубан Д.А. Туристический образ региона в электронном пространстве: опыт комплексной оценки **117**

Владивосток
2016

Мировая система и международные регионы

Журбей Е.В. Югославский кризис и позиция администрации Дж. Буша (июнь 1991 г. – январь 1993 г.) **128**

Золотухин И.Н., Туманов Ю.В. Арктический азимут тропической страны **145**

Научные сообщения

Авилов Р.С. «Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей **159**

Редакционная коллегия:

Т.Г. Римская (главный редактор), Беом-Шик Шин, В.А. Бурлаков, А.В. Винокурова, Г. Кристофферсен, М.Г. Ганопольский, А.Н. Демьяненко, Е.В. Журбей (ответственный редактор), И.Н. Золотухин, М.А. Калугина, В.Н. Караман, А.А. Киреев, Л.И. Кирсанова, В.В. Кожевников, А.М. Кузнецов, Ю.В. Латушко, Д.А. Литошенко, А.Л. Лукин, Ю.А. Наумов, С.В. Севастьянов, А.Г. Филипова, О.И. Шестак, С.Е. Ячин.

Учредитель: Государственное образовательное учреждение высшего образования "Владивостокский государственный университет экономики и сервиса".

Журнал входит в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации

Адрес редакции: 692000, Приморский край, г. Находка, ул. Озерная, д. 2.
Официальный сайт журнала: http://www. ojkum. ru
E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru

Редактор электронной верстки: В.Н. Караман
Графическое оформление: Я.А. Барбенко, В.Н. Караман, В.В. Постников.
Корректор: Е.В. Абрамова

Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.
Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации – серия ПИ № ФС77–30578, выданное 12.12.2007 г.

OJKUMENA

Regional researches

№ 1 (36)

scientific-theoretical journal

Issued 4 times a year

Founded in 2006

THE THEME: ISLANDS OF THE PACIFIC OCEAN AS AN OBJECT OF COMPLEX HISTORICAL AND GEOGRAPHICAL RESEARCH

From the editor of the heading **5**

Latushko Yu.V. Environmental and cultural factors of the development of complex society in Hawai'i **8**

Latushko Yu.V., Ganzej K.S., Lyashhevskaya M.S., Piskareva Ya.E., Kiselyova A.G., Prokopets S.D., Pshenichnikova N.F. Historical and geographical researches of Peter the Great Bay Islands (Rikord Island case) **23**

Ganzej K.S., Kiselyova A.G., Rodnikova I.M., Pshenichnikova N.F. Present state and anthropogenic transformation of geosystems of Peter the Great Bay Islands **40**

Astashenkova E.V., Piskareva Ya.E. Evidence of contact Bohai State and Japan in the early Middle Ages **50**

Davletshin A.I. Origin and development of social and political terms in two Polynesian languages Nukeria and Rapanui **57**

HISTORICAL REGIONAL STUDIES

Pavlov P.Yu., Zemlyanskij V.L. The political crisis in Primorye and of the Priamursky National assembly in June 1922 ..... **68**

Bakshutov S.N. Militia higher education in the Russian Far East at the turn of the XX – XXI centuries: analysis of research sources **77**

SOCIAL AND DEMOGRAPHIC STRUCTURES

Nikitenko V.N. Acceleration determinants population the Russian Far East **87**

Perelygin S.V. State policy of Russia on management of demographic processes in the Far East 1991–2015 ..... **94**

CULTURAL AND IDEOLOGICAL FACTORS OF REGIONALIZATION

Toshchenko Zh.T. Territorial differences in the life-world of Russians: general and special **102**

Levchenko N.V. Environmental education: the classification of theoretical-methodological approaches **109**

Shcekuntsova O.S., Ruban D.A. Tourism image of region in the e-space: an experience of complex evaluation **117**

Vladivostok
2016

World system and international regions

Zhurbey E.V. The Yugoslavian crisis and the position of the administration of George. W. Bush (June 1991 – January 1993) **128**

Zolotukhin I.N., Tumanov Yu.V. Arctic azimuth of the tropical country **145**

Scientific reports

Avilov R.S. The «test mobilizations» of troops in Priamurskiy Military District in 1896 as a way to appreciate the mobilization readiness of military forces **159**

Editorial board:

T.G. Rimskaya (Editor-in-chief), Beom-Shik Shin, V.A. Burlakov, A.V. Vinokurova, G. Christoffersen, M.G. Ganopolskij, A.N. Demyanenko, E.V. Zhurbey (Editor), I.N. Zolotukhin, M.A. Kalugina, V.N. Karaman, A.A. Kireev, L.I. Kirsanova, V.V. Kozhevnikov, A.M. Kuznetsov, Yu.V. Latushko, D.A. Litoshenko, A.L. Lukin, Yu.A. Naumov, S.V. Sevastyanov, A.G. Filipova, O.I. Shestak, S.E. Yachin.

Founder: State educational institution of the higher education "Vladivostok state university of Economics and Service".

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific journals recommended by VAK in the Ministry of Education and Science of Russian Federation

Address: 2 Ozernaja St., Nakhodka 692000, Primorskyi krai, Russia.
Official site of journal: http://www. ojkum. ru
E-mail: oikomene@rambler. ru; ojkum@rambler. ru

Electronic computer is made up by V.N. Karaman
Graphic registration: J.A. Barbenko, V.N. Karaman, V.V. Postnikov.
Corrector E.V. Abramova

Authors' points of view on the problems under investigation do not necessarily coincide with those of the Editorial Board.

Journal is registered by Federal service on supervision in sphere of mass communications, connection and cultural heritage protection.
Certificate on registration of the journal ser. PI № FS77–30578, given by 12.12.2007.

От редактора рубрики

На просторах Тихого океана в разных климатических зонах расположены тысячи больших и малых островов. Значительная их часть вулканического происхождения – это вершины больших подводных гор, часто действующих вулканов, которые, соединяясь воображаемой линией, образуют, так называемое, огненное кольцо, разграничивающее океанические и материковые платформы. Встречаются в Тихом океане и сравнительно небольшие приматериковые острова, которые в недалёком прошлом были неотъемлемой частью материка, возле которого они расположены. В тёплых субэкваториальных и экваториальных водах мы видим как острова в буквальном смысле становятся памятником многовековой деятельности морских беспозвоночных – коралловых полипов, возникая как бы из ниоткуда. Такие острова называют атоллами. При всём разнообразии, важнейшей географической особенностью островных территорий является их сравнительная изолированность от материковой суши. Это обстоятельство в совокупности с высокой интенсивностью проявления экстремальных природных процессов позволяет рассматривать мелко- и среднемасштабные острова как модельные природные геосистемы. Будучи достаточно экстремальными по условиям обитания, они почти не оставляли человеку права на ошибку. Если принять за аксиому тезис о том, что культура – это внебиологический способ адаптации людей к природному окружению, то можно с уверенностью говорить об её островном своеобразии. Социальные институты, формы контроля над территорией и ресурсами, материальная и духовная культура, в конечном счёте, определяли адаптивный потенциал островных сообществ Тихого океана, что с кросс-культурной точки зрения даёт богатый материал для научных исследований как фундаментального, так и прикладного характера.

В настоящем выпуске будет освещён ряд сюжетов научного изучения островных территорий Тихого океана, рассмотренных на фоне общих проблем современной островной и прибрежной антропологии. Последнюю мы предлагаем понимать предметно максимально широко как корпус наук, изучающих изменчивость человека во времени и пространстве. Вместе с тем, по вполне понятным причинам, акцент нашего выпуска будет всё-таки социо-гуманитарным. Здесь же отметим, что мы не претендуем на тотальный анализ проблемы, скорее это предложение к дальнейшему диалогу и проверка актуального состояния исследовательского поля.

Исходя из вышесказанного, мы расположили материалы выпуска в географической и хронологической последовательности. Начнём мы с приматериковых островов залива Петра Великого. Усилия археологов, антропологов, географов, ботаников позволяют сегодня говорить о характере освоения данных территорий на самых ранних этапах, а также оценить текущую экологическую, хозяйственную и иные составляющие их развития.

На примере о. Рикорда показаны результаты междисциплинарных исследований специалистов в области географии и археологии. По сути это обобщённые данные нескольких полевых сезонов. Остров является частью архипелага императрицы Евгении и интересен тем, что в геологическом прошлом в цепи островов залива Петра Великого он был таковым даже в те времена, когда более крупные острова по соседству (Русский, Попова) являлись частью полуострова Муравьёва-Амурского. Обладая островным положением, данная территория, тем не менее, не

была значительно изолирована от материка. Поэтому стратегия её освоения человеком была типичной для прибрежной адаптации древних и традиционных обществ. Остров использовался сезонно, являясь частью большей культурно-экологической системы. Можно с уверенностью говорить, что уже, как минимум, в железном веке человек начал освоение данной территории. Второй этап освоения связан с ранним средневековьем. На основе палинологических и радиоуглеродных методов были реконструированы природные условия во время освоения острова древними сообществами. Полученные комплексные данные по использованию острова традиционными культурами согласуются с закономерностями ландшафтного строения островов, которые также изложены в настоящей статье.

Важным вопросом для специалистов является проблема скорости восстановления антропогенно нарушенных ландшафтов и то, как это могло влиять на культурную адаптацию островных обществ. Есть несколько устойчивых мифов. Один из них рисует нам образ рачительного природопользования древними людьми и современными традиционными культурами, которые существуют в гармонии с окружающей средой. Эти «золотые дикари» брали от природы только то, что удовлетворяло их скромные и простые потребности. Нам кажется, что ситуация на деле могла быть и иной. Стратегия ресурсной эксплуатации приматериковых островов могла строиться на тотальном истреблении ресурсов с последующим переходом к тактике «заповедных лет», когда территорию на какое-то время оставляли. В пользу этого сценария говорят следующие факты: данная, назовём её «приматериковой», стратегия известна нам даже на океанических островах, например, в Полинезии ряд территорий подвергся значительной депопуляции ввиду не столько природных катастроф, сколько антропогенных причин. Наиболее известным случаем в этом ряду является пример острова Пасхи. То есть, заселив остров, люди очень быстро исчерпывали его ресурсный потенциал. Особенно это заметно на изолированных территориях, где значительный демографический рост шёл рука об руку с развитием сложной социо-политической организации при невозможности сколь-нибудь скорого исхода или дальнейшего продвижения на новые земли. В результате местная политэкономия значительно ускоряла потребление как базовых, так и престижных ресурсов, приводя общество к коллапсу или даже катастрофе. Почему же на приматериковых островах данная стратегия имела менее драматичные последствия? Ответ здесь очевиден - близость материка позволяла диверсифицировать культурную специализацию, кроме того, такая близость значительно ускоряла скорость восстановления природных ландшафтов.

Данный аргумент хорошо согласуется с выводами статьи, посвящённой изучению современного состояния и антропогенной трансформации геосистем островов залива Петра Великого. В ней рассмотрены основные закономерности современной ландшафтной дифференциации островов Попова, Рикорда, Рейнеке, Большой Пелис, Стенина. Активное антропогенное влияние на геосистемы островов привело к сведению типичной для них растительности, обеднению флор сосудистых растений и лишайников, замещению видов естественных местообитаний видами, устойчивыми к антропогенному влиянию, активизации плоскостной эрозии почвенного покрова и падению ландшафтного разнообразия. С другой стороны, введение режима особо охраняемых природных территорий оказывает положительное влияние на восстановление и сохранение геосистем на островах Большой Пелис и Стенина. Скорость их восстановления (иногда даже с увеличением ландшафтной сложности) достаточно высока - в течение жизни всего одного поколения.

Изолированность островных территорий обуславливается не только естественными факторами, это ещё и культурно обусловленный процесс. Развитие морских транспортных технологий – важный элемент анализа освоения островных территорий. На протяжении разных этапов человеческой истории такие технологии развивались крайне неравномерно в разных частях ойкумены. Но почти общим правилом стало их значительное развитие у прибрежных народов, особенно с появлением у них сложных обществ (например, сложных вождеств и/или ранних государств). Свидетельствам контактов государства Бохай и Японии в раннем средневековье посвящена следующая статья тематического выпуска. На основе анализа летописных, эпиграфических, археологических источников её авторы показывают, что в регионе Японского моря уже в раннем средневековье сложилась устойчивая морская коммуникация.

В западной антропологии накоплен большой опыт анализа долговременной эволюции сложных островных обществ Тихого океана. Классической здесь стала работа М. Салинза, посвящённая связи социальной стратификации с ландшафтной спецификой отдельных островов Полинезии (1958). Разделяя подход классиков, в статье «Экологические и культурные факторы развития сложного общества на Гавайях» даётся анализ отдельных аспектов культурной экологии древнего гавайского общества. Предпринята попытка показать взаимозависимость социальной структуры, демографии, хозяйственного освоения, истоков административно-территориального деления, потестарно-политической организации гавайского общества и ландшафтной специфики архипелага.

Продуктивная идея связи культурной сложности и геоморфологии островов находит подтверждение и со стороны лингвистики. В работе «Происхождение и развитие социально-политических терминов в двух традиционных полинезийских обществах - нукерия и рапануи» рассматривается эволюция терминов ранга и лидерства в двух во многом полярных обществах полинезийского мира - западного «аутлайера» атолла Нукурия и самого восточного и изолированного вулканического острова Пасхи. Кроме того, автор обращается к нетривиальной проблеме адаптивного потенциала полинезийской культуры, выраженного в её языках.

Ю.В. Латушко

УДК 395.3; 902/904; 911.2

Латушко Ю.В.
Latushko Yu.V.

Экологические и культурные факторы развития сложного общества на Гавайях

Environmental and cultural factors of the development of complex society in Hawai'i

Статья посвящена отдельным аспектам культурной экологии древнего гавайского общества. Показана связь социальной структуры, демографии, хозяйственного освоения, истоков административно-территориального деления, потестарно-политической организации гавайского общества с ландшафтной спецификой архипелага.

Ключевые слова: *Тихий океан, Гавайские острова, сложное общество, антропология, география, ландшафтное строение, культура*

◆

The article deals with certain aspects of the cultural ecology of ancient Hawaiian society. The connection between social structure, demography, economic development, initial administrative-territorial division, political organization of society with Hawaiian archipelago landscape characteristics are shown.

Key words: *Pacific, Hawai'i, complex society, anthropology, geography, landscape structure, culture*

Гавайские острова являются уникальным объектом исследования как одни из самых изолированных островов мира, на которых ещё до открытия архипелага Дж. Куком сложились эталонные трёхуровневые социо-политические системы, часто именуемые сложными вождествами. Из всех островов Полинезии именно Гавайи обладали максимальной социальной стратификацией. Тот факт, что социальные и политические процессы доконтактных Гавайев были связаны с их экологической спецификой, также стал общим местом в работах большинства археологов и антропологов. В настоящей статье нам бы хотелось показать эту связь, дав довольно подробное (с точки зрения учёного-гуманитария) ландшафтное описание территории. Нам кажется это важным, так как характер и этапы заселения островов, базовые принципы административно-территориального устройства, социальной структуры, престижной и жизнеобеспечивающей экономики, военной активности и др. имели не всегда прямую, но очевидную взаимосвязь с гавайской экологией. Данный тезис может быть легко подтверждён археологическими, этно-историческими и фольклорными материалами.

В 1958 г. в свет вышла книга М. Салинза, посвящённая проблеме социальной стратификации в Полинезии **[31]**. Автор отметил тот факт, что социальная структура полинезийских обществ сильно зависела от

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)* **E-mail**: latushko@mail.ru

ландшафтных особенностей тех или иных островных групп. Крайними полюсами выступали небольшие общества атоллов, с одной стороны, и большие стратифицированные общества вулканических островов, с другой. Первые имели сравнительно эгалитарную структуру, термин «вождь» там мог обозначать людей, которые внешне почти не обособлены от рядовых общинников. То есть оппозиция «вождь-простолюдин» была чисто терминологической. Наоборот, на вулканических островах вожди имели длинные генеалогии и составляли отдельную, экономически обособленную, страту. И. Голдман **[22]**, опираясь на работы лингвиста Р. Грина, предположил, что термины «высшего ранга» у полинезийцев – наследие общей протополинезийской культуры (они этимологически близки в большинстве языков Полинезии), тогда как термины «низшего достоинства» сильно варьируются между собой и отражают локальную адаптацию. То есть основанная на экономических факторах социальная стратификация сформировалась как ответ на различные средовые (экологические) ограничения отдельных островов. Данные археологии, лингвистики и культурной истории подтверждают сказанное. Так, Т. Эрл полагал, что из всех полинезийских обществ максимальной сложности достигли доконтактные Гавайи **[14, 15]**. Стоит отметить, что долгое время за рамки салинзовской схемы (уровней социополитической интеграции в Полинезии) вызывающе выпадала Новая Зеландия – самые большие в Полинезии вулканические острова, на которых, тем не менее, так и не возникло сложных вождеств. Но впоследствии представители школы «раннего государства» нашли логическое объяснение и этому обстоятельству **[7]**. Если коротко, то объяснение это состояло в идеях «социального формата» и ресурсного оптимума. Важна не сама по себе численность населения, сложность ландшафтов и т.п., а их конкретное соотношение. Нехватка ресурсов (пресной воды, суши, пищи, сырья, пригодного для производства предметов первой необходимости и др.) на атоллах резко ограничивала развитие вертикальных социополитических структур (в таких условиях ни один клан не мог позволить другому доминировать, отсюда вырабатывались практики «островной демократии» при принятии важнейших управленческих решений), впрочем, как и рост численности населения. С другой стороны, избыток ресурсов приводил к невозможности их монополизации отдельными влиятельными группами. В итоге власть маорийского вождя оказывалась властью военного предводителя того или иного клана. Все они, конечно, конкурировали между собой, но клановыми центрами на Новой Зеландии очень рано стали отдельные па – укреплённые поселения в центре территории, границы которой лежали в пределах дневного пешего перехода. Такая пространственная модель хоть и была сложной (двухуровневой), но всё-таки не переходила порога простых вождеств (схема «хутор-район»). Иной была ситуация на Гавайях, где к периоду контакта с европейцами сложились, как минимум, трёхуровневая система (схема «хутор-район-округ»).

Ниже приводим важные, с нашей точки зрения, географические характеристики Гавайских островов.[1]

Гавайские острова расположены в центральной части Тихого океана между 19° и 22° с.ш. В их состав входит более 120 островов, рифов и скал. Основная обитаемая площадь приходится на 8 островов **[6]**. Они размещаются на южной оконечности Гавайско-Императорской разломной зоны. Общая площадь обитаемой части архипелага около 17 тыс. кв. км. Движение Тихоокеанской тектонической плиты в северо-западном направлении привело к смещению магматических источников на

[1] Географический обзор Гавайских островов подготовлен Ганзеем К.С. в рамках проекта РГНФ № 15-31-01290 «Культурная эволюция островных обществ Тихого океана»

юго-восток и прекращению выходов магмы на островах севернее о. Мауи **[33]**. Наибольшее распространение имеет вулканогенный рельеф, сформированный в основном лавовыми потоками **[29]**.

Климат Гавайских островов формируется, главным образом, под действием северных пассатов, для него характерен незначительный ход температуры воздуха в пределах суток, месяцев и года, что связано с высокими значениями суммарной солнечной радиации и влиянием тёплых океанических масс. Самым тёплым месяцем является август (+27°С), холодным – январь (+22°С). Осадки выпадают неравномерно. На островах, где нет высоких гор, их количество составляет 560–700 мм/год, в горных районах – 250–11300 **[8]**.

Почвы Гавайских островов характеризуются высоким разнообразием, что связано с возрастом суши, неравномерным развитием вулканической активности и климатической дифференциацией. Наиболее распространены андисоли – вулканические пепловые почвы **[12]**.

На Гавайях насчитывается около 1700 видов сосудистых растений, из них 90–95% – эндемики **[24]**. В прибрежной зоне преобладает кустарник. Леса в основном приурочены к северо-восточному побережью. Сухие леса занимают ограниченные участки на высотах 250–900 м. Влажные вечнозелёные леса приурочены к северо-восточным склонам с количеством осадков более 2500 мм/год. Выше 1800–2000 м представлен субальпийский пояс с редколесьями и кустарниками **[11]**. На островах Гавайи и Мауи верхняя граница распространения лесных ландшафтов ограничена линией температурной инверсии, выше которой облачность не поднимается и количество осадков резко уменьшается **[21]**.

Расположение Гавайских островов в центральной части Тихого океана и проявление активных геодинамических процессов привели к формированию сложной ландшафтной структуры. Ведущее значение в формировании геолого-геоморфологической структуры островов принадлежит вулканической деятельности, при этом формируются своеобразные ландшафтные катены. На Гавайских островах доминирует эффузивный вулканизм с излиянием жидкой высокоподвижной базальтовой лавы, которая может растекаться на значительные расстояния. Здесь также проявляется стромболианский тип вулканизма, который характеризуется извержением более вязкой лавы за счёт повышенного содержания газов. Активное излияние жидких лавовых потоков привели к закономерному доминированию на всех островах ландшафтов лавовых потоков *(табл. 1)*. Например, на о. Гавайи, где в настоящее время вулканическая активность имеет наибольшие масштабы, 92,88 % площади сформированы ландшафтами склонов, предгорий и равнин лавовых потоков, сложенных базальтами. Для остальных островов этот показатель несколько ниже, что связано с прекращением вулканической деятельности, развитием процессов эрозии и формированием невулканических ландшафтов. Так, на островах Мауи, Ланаи, Оаху и Кахоолаве субдоминантой выступает аллювиальный род ландшафтов, который распространён в долинах водотоков и на равнинных участках вдоль побережья. Для о. Ниихау субдоминирует подрод ландшафтов эоловых литифицированных песчаных отложений, которые сформировались в результате активного разрушения рифового известняка и вулканогенных продуктов под действием ветра **[3]**.

Поступление вулканического материала оказывает влияние на процесс почвообразования, прослеживается прерывистость почвенных процессов. Почвенный покров Гавайских островов отличается значительным разнообразием, которое увеличивается от острова к острову при продвижении с юго-востока на северо-запад. Так, самый древний

Таблица 1.
Доминирующие генетические типы рельефа и литология поверхностных отложений ландшафтов Гавайских островов

Остров	Доминирующий род ландшафтов	Доминирующий подрод ландшафтов	Площадь (%)
Гавайи	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	92,88
Мауи	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	74,33
	Аллювиальные отложения	Грубообломочный материал	11,59
Кахоолаве	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	78,93
	Аллювиальные отложения	Грубообломочный материал с выходами базальтов	17,28
Ланаи	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	76,38
	Аллювиальные отложения	Грубообломочный материал	15,46
Молокаи	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	41,92
		Сложенные трахитами	29,82
Оаху	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	51,41
	Аллювиальные отложения	Грубообломочный материал	28,27
		Грубообломочный материал с выходами базальтов	11,85
Кауаи	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	47,86
	Вулканогенный и склоновый материал	Сложенный туфами	30,12
Ниихау	Лавовые потоки	Сложенные базальтами	56,97
	Эоловые отложения	Литифицированные песчаные отложения	12,71

Источник: составлено К.С. Ганзеем

о. Кауаи характеризуется наивысшим разнообразием представленных типов почв на Гавайях **[12]**.

В виду субширотного простирания Гавайских островов в зоне северных пассатов отмечается асимметрия растительности и почв между склонами разных экспозиций. Сухие леса распространены исключительно на подветренных юго-восточных склонах, влажные леса на переувлажнённых северо-восточных. Также климатические различия вызывают почвенную асимметрию. Для ландшафтных катен северо-восточных макросклонов характерны ультисоли – текстурно-дифференцированные почвы тёплого, гумидного климата, для юго-западных макросклонов – аридисоли – слаборазвитые пустынные почвы.

Для островных территорий важнейшим фактором, определяющим значение ландшафтного разнообразия, является его площадь. Малые острова более однородны, имеют меньшее разнообразие горных пород и форм рельефа. Увеличение площади приводит к усложнению ландшафтной структуры. Кроме того, большое значение имеет возраст острова: на более древних – формируется большее число биогеоценозов, развивается более сложный почвенный покров. Ещё один фактор, обусловливающий увеличение ландшафтного разнообразия на крупных островах – развитие системы поверхностного стока. По мере увеличения площади острова увеличивается густота речной сети, а при уменьшении

Таблица 2.
Количественные показатели ландшафтной структуры Гавайских островов (в порядке уменьшения площади островов)

Остров	Простые характеристики					Сложные характеристики			
	Площадь острова, км^2	Кол-во ландшафтных контуров	Кол-во видов природно-территориальных комплексов	Среднее кол-во контуров на 1 вид природно-территориального комплекса	Средняя площадь контура	Индекс дробности ландшафтных контуров	Коэффициент сложности	Коэффициент ландшафтной раздробленности	Индекс Маргалефа
Гавайи	10433	6197	154	40,24	1,68	0,59	3680,90	0,02	16,54
Мауи	1883,7	1432	113	12,67	1,32	0,76	1088,61	0,07	14,85
Оаху	1546,5	1243	120	10,36	1,24	0,80	999,06	0,08	16,20
Кауаи	1430,5	1183	96	12,32	1,21	0,83	978,32	0,08	13,08
Молокаи	673,5	926	95	9,75	0,73	1,37	1273,16	0,11	14,43
Ланаи	364	701	80	8,76	0,52	1,93	1350,00	0,14	13,40
Ниихау	179,9	310	65	4,77	0,58	1,72	534,19	0,32	12,33
Кахоолаве	115,5	382	47	8,13	0,30	3,31	1263,41	0,26	9,69
СРЕДНЕЕ	2078,33	1546,75	96,25	13,38	0,95	1,41	1395,96	0,14	13,81

Источник: составлено К.С. Ганзеем

площади ниже критического уровня долинные ландшафты могут отсутствовать **[2]**.

На Гавайских островах показатели индекса Маргалефа *(табл. 2)*, отражающие ландшафтное разнообразие, имеют устойчивую взаимосвязь с площадью острова. Максимальные значения отмечаются на крупных островах. Коэффициент корреляции между площадью островов и ландшафтным разнообразием на Гавайских островах составляет 0,61 **[4]**.

Кроме ландшафтного разнообразия высокую степень зависимости от площади острова имеет коэффициент сложности ландшафтного рисунка. Наивысшие значения отмечаются на крупных островах, что отражает типичную закономерность – высокую зависимость между количеством ландшафтных контуров на острове и его площадью. Аналогичная тенденция характерна и для показателя ландшафтной раздробленности. Из *таблицы 2* видно, что при увеличении площади повышается ландшафтная раздробленность территории, которая обусловлена большим количеством индивидуальных ландшафтов.

Давайте рассмотрим, как именно взаимодействовали культурный и природный ландшафты Гавайев в доисторическое и раннеисторическое время. Начать здесь нужно с заселения островов полинезийцами. Этот процесс был волнообразным. Первые люди появляются здесь в се-

редине I тыс. н.э. Поиск прародины гавайцев стоит в тесной связи с проблемой колонизации всей восточной Полинезии. Ещё в 1823 г. преподобный Уильям Эллис в беседах с местными жителями пытался выяснить вопрос их происхождения: «Относительно происхождения своего народа среди местных жителей распространённым мнением является то, что первые жители были созданы на островах и являлись потомками богов, которые некогда здесь обитали; или же, что они пришли из страны, называемой ими Таити (по-гавайски Kahiki – Ю.Л.). Среди народа более распространённым и популярным является мнение, что их предки прибыли на каноэ с Таити» **[17, с. 323–324]**. Сходное сообщение находим и у Дэвида Мало, который помимо прочего указывал на название одного из округов о. Мауи – Каики-нуи **[30, с. 6]**. Последовательными сторонниками концепции колонизации Гавайев с Таити или других островов группы Общества были П. Бак **[1]**, Э. Барроуз **[9]**, К. Эмори **[18]** и др. В доказательство приводились данные лингвистики, фольклористики и физической антропологии **[32]**. В ходе лингвистических реконструкций использовался метод глоттохронологии. Выяснилось, что базовый гавайский словарь имеет 76% общих слов с таитянским (или на 24% различён), 71% – новозеландским, 70% – маркизским, 64% – рапануйским. С более отдалёнными языками западной Полинезии, а именно Самоа и Тонга, гавайский язык имеет соответственно 59% и 49% общих базовых слов **[16]**. Дивергенцию словарей рассчитывали с опорой на археологические данные. В середине 1950-х гг. одним из самых древних датированных (по изотопу углерода) памятников на Гавайских островах считался дюнный памятник в Сауф Пойнт (H 1, о. Гавайи) – 950 г. ± 200 лет **[25]**.

Генеалогии гавайских вождей также указывали на Таити, как на возможную прародину гавайцев. Согласно им, вождь по имени Моихеке был отвергнут женой и переселился с Таити на Гавайи примерно в конце I – начале II тысячелетия нашей эры **[5, с. 320]**. В генеалогических преданиях гавайских вождей сохранилось имя жреца с Таити – Паао. Около 1275 г. он предпринял вояж на Гавайи, где застал картину «падения нравов» – местные вожди не чурались вступать в браки с женщинами из низших слоёв общества, что, по мнению Паао, сильно подрывало их репутацию. Традиция приписывает Паао введение таких краеугольных составляющих гавайской идеологической системы как: 1) человеческие жертвоприношения, 2) коронация вождей поясом из красных птичьих перьев (такой же обычай бытовал и на о. Раиатеа) и 3) новый тип святилищ хеиау. Данный сюжет может указывать на сравнительно простую организацию общества первых гавайских колонистов и последовавшие затем перемены.

В 1960-х гг. теория колонизации Гавайев с островов Общества подверглась критике. Её пересмотр был связан с утверждением новой концепции заселения Полинезии, предложенной К. Эмори и Й. Синото **[19]**, основанной на новых данных полинезийской археологии. На долгие годы этот сценарий стал господствующим. Утверждалось, что Гавайские острова заселялись в ходе не одной, а двух больших миграционных волн, причём таитянской волне (около 1200 г.) предшествовала волна маркизская (около 750 г.). В 1966 г. данные археологии были подкреплены лингвистической моделью Р. Грина **[23]**. Он объяснял большой процент совпадений гавайского и таитянского языков поздними влияниями последнего. Теория Р. Грина стала естественным продолжением археологических находок, датировки которых на тот момент оказались самыми древними именно для Маркизских островов. Первым острую критику подобного суждения высказал Биггс (1972) **[**цит. по **26, с. 19]**. Он призвал не искать простых решений для сложной проблемы колонизации Полинезии. Любой упрощённый взгляд на заселение региона с последо-

Таблица 3.
Хронологическое сопряжение культурных и экологических факторов развития Гавайев

годы	демография	экология/хозяйство	полития
800 (?)	1-ый скачок численности населения (от сотен к тысячам человек)	прибрежные наветренные долины освоены, начало движения во внутренние районы	появление надобщинного уровня управления (центральное поселение – зависимые поселения) – формирование простыхвождеств
1200–1400	2-ой скачок численности населения (от тысяч к десяткам тысяч), «формативный период» по Т. Эрлу	движение в горные наветренные районы	начало формирования трехуровневой организации (сложных вождеств)
1400–1500	максимальный рост численности населения (сотни тысяч)	рост ирригации на западе и в центре архипелага, интенсификация богарного земледелия на о. Гавайи	начало усобиц между гавайскими вождествами
1500–1650	снижение численности населения, «период консолидации» по Т. Эрлу	рост храмового строительства, использование «кулакоу» (аридных подветренных территорий, откуда получали строительные материалы)	оформление крупныхполитий в масштабе острова
1650–1790	максимальное снижение численности населения в доконтактное время, «период завоевания» по Т. Эрлу	интенсификация «маука» (земель низкого с/х качества) на Большом острове (Гавайи)	острая конкуренция между четырьмя верховными кланами островов Кауаи, Мауи, Оаху и Гавайи. Формирование предпосылок перехода к государственному уровню.
1791–1820	небольшой рост численности населения, относительно предыдущего этапа, «период завоевания» по Т. Эрлу	снижение и последующее прекращение использования земель «маука» на о. Гавайи	резкое усиление Камеамеа I и объединение всего архипелага под его властью. Завершение процесса формирования государства в результате реформ управления и «культурной революции». Начало христианизации и вестернизации.

Источник: составлено автором на основе **[14]**.

вательностью от А к В, от В к С, при которой движение осуществляется только в одном направлении, будет неверным. Вскоре появились и археологические доказательства. Ими стали материалы памятника Беллоуз (018), расположенного на о. Оаху и датированного примерно IV веком н.э. **[25]**.

Добавим к этому, что в восточной Полинезии многие территории остаются археологической terra incognita. Сегодня лучшие в экологическом плане зоны Гавайских островов представляют собой полностью антропогенные ландшафты, занятые современной застройкой. Археологи работают в маргинальных зонах, которые, скорее всего, не очень подходили и древнему населению. Существуют и технические проблемы, связанные с датировкой дюнных гавайских памятников по изотопам углерода (плохая сохранность и небольшое количество датируемого материала, диффузия слоёв, связанная с дюнной природой памятников, разброс и неточность датировок, порождённые несовершенством самого метода радиоуглеродного анализа и т.п.).

Мы можем предполагать, что гавайские первопоселенцы обладали сравнительно развитой техникой мореплавания, что называется по факту своего прибытия. По мнению К. Эмори, строительство большого

Рис. 1. Основные экологические зоны на о. Молокаи
Источник: составлено автором на основе **[14]**.

океанского каноэ и организация перехода за сотни морских миль были под силу лишь вождям. Только вожди могли распоряжаться ресурсами, необходимыми для строительства, снаряжения и навигации океанских судов, вмещавших большое количество людей с их одомашненными растениями и животными, и доставить всё это на удалённые в географическом отношении Гавайи **[18, с. 30]**.

Археологические данные сегодня позволяют смоделировать этапы роста и усложнения гавайского общества. Первые насельники появились здесь около середины I тыс. н.э. Сначала люди селились на наиболее плодородных землях речных долин. Границами владений были естественные преграды в виде гор и моря. Численность первых колонистов едва ли превышала несколько сотен человек **[15, с. 78]**. Огромное значение для них имел рыбный промысел. Прибрежные общины, специализировавшиеся на рыбной ловле, строили «рыбные храмы» (коа). Земледелие развивалось на плодородных аллювиальных почвах долин. Основными культурами были традиционные для Полинезии ямс, батат и таро.

Вероятно, около 800 г. н.э. произошёл один из первых скачков численности населения, когда оно стало исчисляться не сотнями, а тысячами человек *(таблица 3)*. С этого времени простые вождества можно чётко фиксировать археологически. По мере хозяйственного освоения прибрежных долин, кардинально изменялась среда обитания. В результате человек стал осваивать и другие экологические зоны – сначала сухие подветренные районы, а потом и труднодоступные внутренние горно-лесистые районы маука.

Проиллюстрировать вышесказанное можно примером хозяйственного освоения разных экологических зон о. Молокаи *(рис. 1)*. Площадь этого острова составляет 676 км², он состоит из трёх экологических зон: 1) северо-восточной – глубоких, расположенных амфитеатром, наветренных долин; 2) юго-восточной – подветренных горных отрогов с небольшими долинами и широкими рифовыми низменностями; 3) западной аридной зоны **[27, с. 215]**. Раньше всего человек освоил прибрежные районы – долины Халава, Ваилау, Пелекуну и Ваиколу (зоны 1 и 2). В зоне 1 активно развивалось ирригационное хозяйство, главной сельскохозяйственной культурой здесь было таро (Colocasia esculenta). Зона 2 с её сравнительно небольшими долинами была менее пригодна для данного вида земледелия, но зато здесь располагались 73 искусственные рыбные запруды. Позднее всего была освоена зона 3. Основная часть населения сосредотачивалась в зонах 1 и 2. Зона 3 была слабозаселённым районом, так как почти не пригодна для ведения сельского хозяйства,

но там сосредотачивались большие запасы скальной породы. В каменоломнях зоны 3 добывалось сырьё, необходимое для изготовления тёсел и других орудий труда, а позднее – строительства больших храмовых комплексов. Кроме того, эксплуатировались рыбные ресурсы её прибрежных участков.

Следующий скачок численности населения пришёлся примерно на 1200–1400 гг. Возможно это было связано со второй большой волной колонистов. Стремительный рост численности населения в XIII–XIV вв. **[13]** проходил параллельно с изменениями в хозяйственной и социальной структуре. Вырубка лесов под сельскохозяйственные угодья усиливала эрозию почв, благодаря чему ценность прибрежных долин с их плодородными аллювиальными почвами стремительно возрастала.

Усложнение социальной организации происходило в условиях острой конкуренции семейных групп за ресурсы. Возросшая роль вождей, как организаторов хозяйственной жизни населения, приводила к увеличению их удельного веса в обществе. Т. Эрл называл этот этап гавайской доистории «формативным периодом» образования сложных иерархических структур, в результате чего позднее возникло единое Гавайское королевство **[14]**.

Совершенствование сельскохозяйственной техники (внедрение удобрений, прополка полей, строительство дамб) позволяло вождям сосредотачивать в своих руках большие излишки, которые укрепляли их власть и давали им средства для дальнейшего расширения её объёма. К концу формативного периода вождества повели между собой борьбу за расширение своих владений.

С рубежа XIV–XV вв. и до конца XV столетия шло формирование региональных политий, вышедших за пределы локальных территориальных образований («период консолидации»). В это время под власть верховных вождей попадают территории, объединявшие большое число прибрежных и внутренних долин. Численность населения таких образований начинает исчисляться десятками тысяч человек. Борьба между вождями за новые территории становилась непримиримой, о чём свидетельствует факт появления на границах политий – в районах частых вооружённых стычек – буферных зон без поселений **[10]**. При этом на Гавайях почти не отмечено фортификационного строительства (которое имело место, например, в Новой Зеландии или на «запретном» Тонга).

Важным археологическим индикатором усложнения социальной структуры доконтактных Гавайев служит монументальная архитектура. Примерно с рубежа XIV–XV вв. на всех крупных островах архипелага начинают воздвигаться большие храмовые комплексы – хеиау луакини. В. Валери **[34]**, проанализировав этноисторические данные, установил, что гавайцы использовали частично совпадающие между собой в функциональном и архитектурном планах системы классификации хеиау, следствием чего было существование всевозможных запутанных местных терминов. Он предложил условно разделять гавайские храмы на две категории: те, что связаны с войной, или хеиау кауа, и те, что использовались для обрядов «производства роста» или плодородия – хеиау хо'оулуулу. Первые считались величественными храмами луакини и служили нуждам вождей. В них приносились человеческие жертвы. Храмы плодородия (Хале-о-Лоно) были посвящены богу Лоно – покровителю земледелия. К числу храмов, которые использовались как общинниками, так и вождями, относились также храмы рыболовства и храмы домохозяйств, располагавшиеся по соседству с мужскими домами хале муа.

Хронология развития гавайской храмовой архитектуры остаётся археологически не очень хорошо изученной, устные же предания свя-

зывали возникновение хеиау луакини с деятельностью верховных вождей на протяжении последних пятисот лет доистории. Такие храмы, как Алеалеа на о. Гавайи и Канеани на о. Оаху имели сравнительно сложную разновременную конструкцию, что свидетельствует о частой перестройке храмов и их расширении в предконтактный и раннеконтактный периоды. Можно сказать, что основная дифференциация хеиау по функциям, типам, размерам проходила в период между 1400 и 1800 гг., что совпадает по времени с завершением формирования сложных вождеств и началом перехода к ранней государственности.

Само появление храмов луакини отражало новую социальную роль вождей. Они должны были явить всему обществу силу и величие верховного правителя и его клана. Вместе с тем, храмы были не только символами побед отдельных вождей, но и величия общества в целом. Верховный вождь становился знаковой персоной, символом единства всей земли, находившейся под его контролем.

Для создания больших храмов требовались значительные усилия. Так, объём каменной насыпи самого крупного храма луакини на о. Молокаи – Илиили опаэ – составляет 15750 м^3 **[27, с. 216]**. По подсчётам М. Колба, для создания самого большого хеиау луакини на о. Мауи – Пииланихале (с объёмом каменной насыпи около 18000 м^3) – потребовалось около 130 тысяч человекодней (при расчётной продолжительности рабочего дня в 10 часов) **[28]**.

Пространственное распределение и типология храмов отражают территориальную и общественную иерархию Гавайев. Самые крупные храмы, посвящённые богу войны Ку, указывают на административные центры, в которых проживали верховные вожди. Хале-о-Лоно часто были связаны с вождями более низкого уровня – алии-аи-ахупуа. Меньшие по размеру сельскохозяйственные храмы могут служить индикаторами пространственного распределения домохозяйств общинников и указывают на низовой территориальный уровень.

Максимальной численности населения Гавайи достигли примерно к концу XV в. (по разным оценкам от 160 до 800 тысяч человек) **[13]**. Наиболее приемлема цифра в 250–300 тысяч. Если учесть, что площадь пригодных для ведения сельского хозяйства районов, в которых сосредотачивалась основная масса жителей, составляла лишь 10–20% от общей площади архипелага, то мы получим впечатляющую цифру плотности населения (порядка 90–180 человек на км^2) **[7, с. 267]**.

Следующим этапом в развитии гавайских вождеств было их оформление в пределах целых островов («период унификации» XVI – сер. XVII вв.). В это время начинается широкомасштабное строительство ирригационной сети на западных и центральных островах архипелага (на востоке происходит интенсификация богарного земледелия с применением удобрений), тогда как темпы строительства крупных храмов луакини замедляются. К концу «периода унификации» образовались четыре враждующие между собой политии островов Кауаи, Мауи, Оаху и Гавайи. Власть верховных правителей Мауи, Оаху и Кауаи распространялась на ряд соседних островов. В таком виде гавайское общество подошло к контакту с Западом.

Вожди играли особую роль в жизни гавайского общества на всех его этапах как организаторы хозяйственной и ритуальной жизни. В ходе конкуренции за статус и контроль над ресурсами возник механизм аккумуляции прибавочного продукта с последующей его инвестицией в развитие традиционной политэкономии. В результате централизации ко времени контакта с европейцами каждое из четырёх сложных гавайских вождеств насчитывало от 10 до 100 тысяч человек. Вождества включали в себя, как минимум, три иерархических уровня. Гавайская

элита подразделялась на два основных статусных слоя – высших и низших вождей (с соответствующими брачными, ритуальными и экономическими паттернами). Браки высших вождей (верховного правителя и его ближайших родственников) были по большей части эндогамными, что обуславливалось стремлением обладать как можно более высоким рангом, легитимирующим правление, однако политическая реальность часто требовала заключения союзов с вождями низших рангов (из необходимости создания и/или поддержки тех или иных альянсов). Общинники стояли вне политической иерархии. В раннеконтактный период, в ходе восстаний или военных действий, границы вождеств постоянно менялись. Подобные вождества могли занимать территорию от одного округа моку (округа Кау и западная часть Пуны на о. Гавайи при Кеоуа Куахуула в 1782–1790 гг.) до пяти островов – нуи (владение Кахекили, включавшее в себя о-ва Молокаи, Ланаи, Кахоолаве, Оаху и большую часть о. Мауи в 1783–1794 гг.). Хрупкий внутренний баланс сил был нарушен с появлением критических военных технологий европейцев в руках вождя с о. Гавайи – Камеамеа (впоследствии названного Великим).

Итак, в случае с Гавайями мы видим, как минимум, два пика взрывного роста численности населения. Первый разрешился экстенсивным образом – путём движения части населения во внутренние районы – из зоны удобных наветренных долин в сторону подветренных отрогов. Движение шло за счёт включения всё новых секторов в обособленную территориальную единицу ахупуаа («район»). Образно этот процесс можно сравнить с нарезанием ломтиков пирога – от края к вершине. Со временем отдельные ахупуаа дробились, ломтики воображаемого пирога становились всё тоньше. Следующий взрывной рост численности населения уже не мог разрешиться простым экстенсивным способом, и именно в это время на Гавайях был достигнут ресурсный оптимум за счёт интенсификации традиционной политэкономии. По аналогии с «неолитической», данный процесс можно назвать «организационной» революцией. Появилась трёхуровневая система управления и перераспределения благ (по схеме: или-ахупуаа-моку(нуи)): кланы верховных вождей обособились от простолюдинов в замкнутые, с внутренней ранговой сегментацией группы и возглавили это движение.

Таким образом, гавайский пример можно рассматривать как модельный для среднемасштабных изолированных (океанических) островов со сложной ландшафтной структурой. На них существовали необходимые экологические условия (ресурсный оптимум) для формирования сложной централизованной социо-политической системы общества со значительной социальной стратификацией. Более того, известные исторические примеры хорошо согласуются с данным тезисом. Так, из этно-исторических источников мы знаем, что именно восточные гавайские вожди организовали и возглавили экспансию на запад архипелага, и именно они во времена Камеамеа добились максимального успеха в деле политической централизации. Достаточно ещё раз взглянуть на таблицы 1 и 2 с целью сопоставить характер, удельную сложность и разнообразие ландшафтов Большого острова (о. Гавайи) и, например, самого западного обитаемого острова – Кауаи. Вожди острова Гавайи могли получить необходимые ресурсы двумя путями – интенсификацией сельского хозяйства на засушливых с плохими почвами землях за счёт огромных трудовых вложений общинников (ирригация на Большом острове была практически невозможна), либо завоевав более благоприятные с экологической точки зрения западные территории. Мобилизовав необходимые для экспансии ресурсы, получив критические военные технологии от европейцев (ввиду выгодной логистики севера-западного побережья о. Гавайи), вожди Большого острова лавиной двинулись на

запад. У них не было большой проблемы убедить в этом своих воинов. В результате за несколько лет (на рубеже XVIII и XIX вв.) все острова архипелага вплоть до Кауаи были завоёваны. Немного позднее верховный правитель Кауаи был также вынужден признать свой вассалитет. Дальнейшее развитие Гавайев было уже тесно связано с европейским влиянием. Антропогенное преобразование островных ландшафтов ускорилось ввиду государственной централизации и внешней экономической конъюнктуры («сандаловой лихорадки»). Этот же процесс стал причиной глубокого кризиса традиционного гавайского общества на протяжении первой половины XIX в.

Экологическая детерминированность социо-политического развития гавайского типа представляется универсальной для всех сходных по параметрам вулканических островов Тихого океана. В качестве гипотезы, (которую нужно проверять эмпирически в ходе дальнейших изысканий) выскажем идею, что степень жёсткости данной связи будет коррелировать со степенью изолированности отдельных островов. Поэтому при попытке построить универсальную модель связи экологических и культурных факторов в долговременной эволюции островных территорий мы неизбежно придём к необходимости строить её на соотношении двух основных переменных – ландшафтной сложности и пространственной изоляции.

◆

Литература

1. Бак П. (Те Ранги Хироа) Мореплаватели солнечного восхода. М.: Издательство географической литературы, 1959. 268 с.

2. Ганзей К.С., Иванов А.Н. Ландшафтное разнообразие Курильских островов // География и природные ресурсы. 2012. № 2. С. 87–94.

3. Ганзей К.С. Особенности проявления ландшафтообразующих процессов на Курильских и Гавайских островах // География и природные ресурсы. 2014. № 2. С. 132–139.

4. Ганзей К.С. Оценка ландшафтного разнообразия вулканически активных островов // Известия РАН. Серия географическая. 2014. № 2. С. 61–70.

5. Токарев С.А. (отв. ред.) Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988. С. 132–134, 318–322.

6. Atlas of Hawaii. Third ed. Honolulu: UH Press, 1998. 333 p.

7. Bakel M.A. van The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) Early State Economics. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. P. 265–290.

8. Blumenstock D.I., Price S. Climate of the State: Hawaii // A Natural History of the Hawaiian Islands. Honolulu: UH Press, 1994. P. 93–114.

9. Burrows E.G. Breed and Border in Polynesia // American Anthropologist. 1939. Vol. 41. № 1. P. 1–21.

10. Cordy R.H. A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands. – New York: Academic Press, 1981. 360 p.

11. Cuddihy L.W. Vegetation zones of the Hawaiian Islands // Conservation biology in Hawai'i. Honolulu: Univ. of Hawaii Cooperative National Park Resources Studies Unit, 1989. P. 27–37.

12. Deenik J., McClellan A.T. Soils of Hawaii // Soil and Crop Management. 2007. № 20. P. 1–12.

13. Dye T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii // New Zealand Journal of Archaeology. 1992. Vol. 14. P. 113–128.
14. Earle T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
15. Earle T.K. Hawaiian Islands (AD 800–1824) // Civilizational Models of Politogenesis. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 73–86.
16. Elbert S.H. Internal Relationships of Polynesian Languages and Dialects // Southwestern Journal of Anthropology. 1953. Vol. 9. P. 147–173.
17. Ellis W. A Narrative of a Tour through Hawaii or Owhyhee. Honolulu: Advertiser Publishing Co., 1963. 490 p.
18. Emory K.P. Origin of the Hawaiians // Journal of the Polynesian Society. 1959. Vol. 68. № 1. P. 29–35.
19. Emory K.P. and Sinoto Y.H. Age of sites in the South Point Area, Ka'u, Hawaii // Pacific Anthropological Records 8. Honolulu, 1969.
20. Fletcher III C.H., Murray-Wallace C.V., Glenn C.R., et.al. Age and Origin of Late Quaternary Eolianite, Kaiehu Point (Moornomi), Molokai, Hawaii // Journal of Coastal Research. Vol. 42. 2005. P. 97–112.
21. Giambelluca T.W., Schroeder T.A. Climate // Atlas of Hawai'i. Third edition. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1998. P. 49–59.
22. Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
23. Green R. Linguistic Subgrouping within Polynesia: the Implication for Prehistoric Settlement // Journal of the Polynesian Society. 1966. Vol. 75. № 1. P. 6 –38.
24. John H.S. Endemism in the Hawaiian flora, and a revision of the Hawaiian species of Gunnera (Haloragidaceae) // A Natural History of the Hawaiian Islands. Honolulu: UH Press, 1994. P. 271–291.
25. Kirch P.V. The Chronology of early Hawaiian Settlement // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. IX. № 2. P. 110–119.
26. Kirch P.V. Rethinking East Polynesian Prehistory // Journal of the Polynesian Society. 1986. Vol. 95. № 1. P. 9–40.
27. Kirch P.V. Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii // World Archeology. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206–221.
28. Kolb M.J. Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i // Current Anthropology. 1994. Vol. 35. P. 521–547.
29. Macdonald G.A. Landforms // Atlas of Hawai'i. Sec. ed. Honolulu: UH Press, 1983. P. 34–37.
30. Malo D. Hawaiian Antiquities // Bishop Museum Special Publication 2. Honolulu: Bishop Museum Press, 1951. 240 p.
31. Sahlins M.D. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.
32. Simmons R.T., Graydon J.J. A Blood Group Genetical Survey of Eastern and Central Polynesia // American Journal of Physical Anthropology. 1957. Vol. 15. P. 357–366.
33. Tilling R.I., Heliker C., Swanson D.A. Eruptions of Hawaiian volcanoes: past, present and future: U.S. Geol. Surv. General Inf. Product. 2010. Vol. 117. 63 p.
34. Valeri V. Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawai'i. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 446 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Bak P. (Te Rangi KHiroa) Moreplavateli solnechnogo voskhoda. M.: Izdatel'stvo geograficheskoj literatury, 1959. 268 s.

2. Ganzej K.S., Ivanov A.N. Landshaftnoe raznoobrazie Kuril'skikh ostrovov // Geografiya i prirodnye resursy. 2012. № 2. S. 87–94.
3. Ganzej K.S. Osobennosti proyavleniya landshaftoobrazuyushhikh protsessov na Kuril'skikh i Gavajskikh ostrovakh // Geografiya i prirodnye resursy. 2014. № 2. S. 132–139.
4. Ganzej K.S. Otsenka landshaftnogo raznoobraziya vulkanicheski aktivnykh ostrovov // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 2014. № 2. S. 61–70.
5. Tokarev S.A. (otv. red.) Mify narodov mira. T. 2. M.: Sovetskaya ehntsiklopediya, 1988. S. 132–134, 318–322.
6. Atlas of Hawaii. Third ed. Honolulu: UH Press, 1998. 333 p.
7. Bakel M.A. van The Political Economy of an Early State: Hawaii and Samoa Compared // Claessen H.J.M., Van de Velde P. (Eds.) Early State Economics. – New Brunswick and London: Transaction Publishers, 1991. P. 265–290.
8. Blumenstock D.I., Price S. Climate of the State: Hawaii // A Natural History of the Hawaiian Islands. Honolulu: UH Press, 1994. P. 93–114.
9. Burrows E.G. Breed and Border in Polynesia // American Anthropologist. 1939. Vol. 41. № 1. P. 1–21.
10. Cordy R.H. A Study Prehistoric Social Change: the Development of Complex Societies in the Hawaiian Islands. – New York: Academic Press, 1981. 360 p.
11. Cuddihy L.W. Vegetation zones of the Hawaiian Islands // Conservation biology in Hawai'i. Honolulu: Univ. of Hawaii Cooperative National Park Resources Studies Unit, 1989. P. 27–37.
12. Deenik J., McClellan A.T. Soils of Hawaii // Soil and Crop Management. 2007. № 20. P. 1–12.
13. Dye T., Komori E. A Pre-censal Population History of Hawaii // New Zealand Journal of Archaeology. 1992. Vol. 14. P. 113–128.
14. Earle T.K. How chiefs come to power: The Political Economy in Prehistory. Stanford (Cal.): Stanford University Press, 1997. 220 p.
15. Earle T.K. Hawaiian Islands (AD 800–1824) // Civilizational Models of Politogenesis. Moscow: Center for Civilizational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences, 2000. P. 73–86.
16. Elbert S.H. Internal Relationships of Polynesian Languages and Dialects // Southwestern Journal of Anthropology. 1953. Vol. 9. P. 147–173.
17. Ellis W. A Narrative of a Tour through Hawaii or Owhyhee. Honolulu: Advertiser Publishing Co., 1963. 490 p.
18. Emory K.P. Origin of the Hawaiians // Journal of the Polynesian Society. 1959. Vol. 68. № 1. P. 29–35.
19. Emory K.P. and Sinoto Y.H. Age of sites in the South Point Area, Ka'u, Hawaii // Pacific Anthropological Records 8. Honolulu, 1969.
20. Fletcher III C.H., Murray-Wallace C.V., Glenn C.R., et.al. Age and Origin of Late Quaternary Eolianite, Kaiehu Point (Moornomi), Molokai, Hawaii // Journal of Coastal Research. Vol. 42. 2005. P. 97–112.
21. Giambelluca T.W., Schroeder T.A. Climate // Atlas of Hawai'i. Third edition. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1998. P. 49–59.
22. Goldman I. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970. 612 p.
23. Green R. Linguistic Subgrouping within Polynesia: the Implication for Prehistoric Settlement // Journal of the Polynesian Society. 1966. Vol. 75. № 1. P. 6 –38.
24. John H.S. Endemism in the Hawaiian flora, and a revision of the Hawaiian species of Gunnera (Haloragidaceae) // A Natural History of the Hawaiian Islands. Honolulu: UH Press, 1994. P. 271–291.
25. Kirch P.V. The Chronology of early Hawaiian Settlement // Archeology and Physical Anthropology in Oceania. 1974. Vol. IX. № 2. P. 110–119.
26. Kirch P.V. Rethinking East Polynesian Prehistory // Journal of the Polynesian Society. 1986. Vol. 95. № 1. P. 9–40.

27. Kirch P.V. Monumental architecture and power in Polynesian chiefdoms: a comparison of Tonga and Hawaii // World Archeology. 1990. Vol. 22. № 2. P. 206–221.

28. Kolb M.J. Monumentality and the Rise of Religious Authority in Precontact Hawai'i // Current Anthropology. 1994. Vol. 35. P. 521–547.

29. Macdonald G.A. Landforms // Atlas of Hawai'i. Sec. ed. Honolulu: UH Press, 1983. P. 34–37.

30. Malo D. Hawaiian Antiquities // Bishop Museum Special Publication 2. Honolulu: Bishop Museum Press, 1951. 240 p.

31. Sahlins M.D. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. 306 p.

32. Simmons R.T., Graydon J.J. A Blood Group Genetical Survey of Eastern and Central Polynesia // American Journal of Physical Anthropology. 1957. Vol. 15. P. 357–366.

33. Tilling R.I., Heliker C., Swanson D.A. Eruptions of Hawaiian volcanoes: past, present and future: U.S. Geol. Surv. General Inf. Product. 2010. Vol. 117. 63 p.

34. Valeri V. Kingship and Sacrifice: Ritual and Society in Ancient Hawai'i. Chicago: University of Chicago Press, 1985. 446 p.

УДК 911.2; 551.799; 902/904; 903.4

Латушко Ю.В., Ганзей К.С., Лящевская М.С., Пискарева Я.Е., Киселёва А.Г., Прокопец С.Д., Пшеничникова Н.Ф.
Latushko Yu.V., Ganzej K.S., Lyashhevskaya M.S., Piskareva Ya.E., Kiselyova A.G., Prokopets S.D., Pshenichnikova N.F.

Историко-географическое исследование островов залива Петра Великого (на примере острова Рикорда)

Historical and geographical researches of Peter the Great Bay Islands (Rikord Island case)

На примере о. Рикорда показаны результаты междисциплинарных исследований специалистов в области географии и археологии. Изучено современное состояние природной среды острова, определены этапы её становления со среднего голоцена. Обнаружены два разновременных археологических памятника и установлено, что уже в железном веке человек начал освоение данной территории. Второй этап освоения связан с ранним средневековьем. На основе палинологических и радиоуглеродных методов реконструированы природные условия во время освоения острова древними сообществами. Полученные комплексные данные по использованию острова традиционными культурами согласуется с закономерностями ландшафтного строения островов.

Ключевые слова: *остров Рикорда, междисциплинарное исследование, средний-поздний голоцен, Янковская археологическая культура,*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 15-05-01419) и РГНФ (проект № 15–31-01290 «Культурная эволюция островных обществ Тихого океана»).

ГАНЗЕЙ Кирилл Сергеевич, к.г.н., директор Информационно-картографического центра Тихоокеанского института географии ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** geo2005.84@mail.ru

ЛАТУШКО Юрий Викторович, к.и.н., заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** latushko@mail.ru

ЛЯЩЕВСКАЯ Марина Сергеевна, к.г.н., старший научный сотрудник, Лаборатория палеогеографии Тихоокеанского института географии ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** lyshevskay@mail.ru

ПИСКАРЕВА Яна Евгеньевна, к.и.н., научный сотрудник, Центр политической антропологии Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** 7yana7@mail.ru

КИСЕЛЁВА Алёна Геннадьевна, к.б.н., старший научный сотрудник, Лаборатория биогеографии и экологии Тихоокеанского института географии ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** alena_kiseleva@mail.ru

ПРОКОПЕЦ Станислав Данилович, к.и.н., младший научный сотрудник, Центр островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** stas842005@mail.ru

ПШЕНИЧНИКОВА Нина Фёдоровна, к.б.н., старший научный сотрудник, Лаборатория биогеографии и экологии, Тихоокеанского института географии ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** n.f.p@mail.ru

раннее средневековье, растительность, почвенный покров, современные ландшафты

◆

The case of Rikord Island demonstrates the results of interdisciplinary research of geographers and archaeologists. The modern condition of the natural environment of the island, the stages of its formation from the middle Holocene are examined. Discovered two archaeological sites of different periods and found that in the Iron Age man started development of this area. The second period of island utilization is related to the early Middle Ages. On the basis of palynological and radiocarbon dating methods reconstructed natural environment during the period of island development by ancient communities. These integrated data of use the Island by traditional cultures agrees with laws of the structure of the island landscapes.

Key words*: Rikord Island, interdisciplinary study, mid-late Holocene, Yankovskaya archaeological culture, the early Middle Ages, vegetation, soil cover, modern landscapes.*

Важнейшими особенностями островных территорий являются их большая или меньшая изолированность от материковой суши и размерность. Это обстоятельство в совокупности с высокой интенсивностью проявления экстремальных природных процессов позволяет рассматривать острова с одной стороны как модельные природные геосистемы, с другой как территории, где процесс культурной эволюции был в высочайшей степени специализирован. Анализ развития хозяйственной и культурной деятельности человека на островах во времени и пространстве невозможен без учёта их ландшафтной структуры.

Объединение усилий антропологов, географов и др. учёных может служить залогом комплексного анализа эволюции островных обществ, уточнения соотношения природных и культурных факторов социальной эволюции и проблемы адаптации относительно изолированных человеческих коллективов. Выполнение исследований по данной тематике позволяет выявить и/или уточнить особенности социокультурной эволюции островных обществ исходя из условий пространственной дифференциации, характера изменения ландшафтного разнообразия и значимости ранее установленных ландшафтных закономерностей для островов, расположенных в разных природно-климатических зонах Тихого океана, с разной историей и интенсивностью хозяйственного использования.

Такая работа должна строиться по междисциплинарному принципу и на первых парах может состоять из серии «кейсов» – комплексных исследований отдельных островов Тихого океана в разных природно-климатических и географических зонах методами и методиками, апробированными в смежных научных дисциплинах.

Согласно концепции М. Салинза **[20]**, вариативность островных культур исторически являлась результатом трансформации социумов в ходе адаптации к условиям естественной среды: чем больше продуктов и ресурсов участвовало в обмене, тем выше была социальная стратификация общества. Наличие ресурсов напрямую зависит от ландшафтной дифференциации островов, что отражено в эмпирических закономерностях в рамках теории островного ландшафтоведения: большая простота строения ландшафтов океанических островов площадью до 5 км2; правило связи размера острова и разнообразия его ландшафтной структуры; высоты острова и его площадь определяет сложность ландшафтной дифференциации **[5]**.

Таким образом, междисциплинарное комплексное кросс-культурное исследование островных территорий с целью определения исторических форм их освоения, реконструкцией систем жизнеобеспече-

ния и поселения, определением особенностей соционормативной культуры и т.д. в связке с характером ландшафтной структуры и естественной историей островов обладает безусловной научной значимостью.

В качестве первого примера мы выбрали наименее изолированные и культурно тесно связанные с материком объекты – острова залива Петра Великого. Методологически первым шагом к достижению заявленной нами цели стала апробация историко-географического подхода при изучении островных систем на примере о. Рикорда. Его выбор был обусловлен рядом причин: остров является самым удалённым от материковой суши в заливе Петра Великого, где имеются постоянные источники пресной воды (лимитирующий фактор освоения территории не только в древности, но и в современное время); отсутствие сколь-нибудь полной информации об истории освоения острова в древности и средневековье; отсутствие палеогеографических данных о местных особенностях развития природной среды.

Археологические исследования на островах залива Петра Великого были начаты ещё академиком А.П. Окладниковым в 50-х гг. В 80-х г. ближние к Владивостоку острова (Русский, Рейнеке, Попов) были обследованы Г.Л. Силантьевым **[17; 18]**, а острова, расположенные в Хасанском районе (Большой Пелис, Матвеева, Дурново и др.), А.В. Гарковик **[3]**. Изучение островных территорий (в частности о. Русского) возобновилось в начале 2000-х гг. в связи с проведением охранных работ **[2; 13; 14; 15]**. Наибольшее число обнаруженных археологических памятников на островах залива Петра Великого (о-ва Русский, Попова, Фуругельма и др.) относится к янковской археологической культуре эпохи палеометалла. Поселения янковской культуры принадлежали охотникам, рыболовам и собирателям. Острова залива с его богатейшими морскими ресурсами служили не только источником пищи, но и давали сырьё для изготовления одежды, освещения и обогрева жилищ. При этом близость островов залива к материковой суше давала возможность сохранять тесные контакты с поселениями, расположенными на континенте.

Объект и методы. Начиная с 2009 г. сотрудниками ТИГ ДВО РАН были начаты полевые исследования о. Рикорда, а в 2014 г. экспедиционные работы были проведены совместно с ИИАЭ ДВО РАН. Для разных типов ландшафтов были сделаны геоботанические описания, морфологические описания почв и собраны гербарные образцы сосудистых растений. Из генетических горизонтов почв были взяты образцы на радиоуглеродный и спорово-пыльцевой анализы. Осуществлено ландшафтное картографирование в масштабе 1:25000 на основе принципов структурно-генетической классификации ландшафтов с применением программного пакета ArcGis 10.1.

Остров Рикорда, площадью 4,85 км^2, расположен на юге архипелага Императрицы Евгении. Остров относятся к Фрунзенскому району гор. Владивостока и расположен в 25 км от его континентальной части. Современные очертания островов залива Петра Великого сформировались около 7–4 тыс. л.н. По геологическому строению все острова залива входят в Муравьево-Дунайскую структурно-формационную зону с развитием нижне- и верхнепермского вулканического складчатого комплекса **[16]**. Рельеф на о. Рикорда низкогорный с абсолютными высотами в северной части острова не более 179 м, в южной – 95 м. Северная и южная части острова соединены между собой перешейком шириной около 300 м.

Для всех островов залива Петра Великого характерен муссонный тип климата. Согласно данным с ближайшей метеостанции, расположенной на о. Русский, среднегодовое количество осадков составляет около 800 мм/год (85% приходится на летний период). Среднегодовая температура воздуха около +6°С. Самым холодным месяцем является

январь (–16–17°С), тёплым – август (+20–21°С) **[11]**. Озёр на острове нет. В северной части выделяется три долины, где в период летних осадков формируются водотоки. Не исключено, что в период зимней межени они пересыхают.

Флора о. Рикорда представлена 466 видами из 94 семейств и 197 родов; основу растительности составляет лесной тип, производный от хвойно-широколиственных лесов **[12]**. Почвенный покров острова представлен зональными для Восточной буроземно-лесной области почвами – бурозёмами **[4]**. Почвы характеризуются рядом специфических черт, обусловленных атмосферным и прибойно-импульверизационным увлажнением. Они проявляются в слабокислой, иногда нейтральной и слабощелочной реакции почвы и повышенном гумусонакоплении **[6]**.

На островах залива Петра Великого представлены Дальневосточные бореальные и суббореальные средне- и южно-таёжные притихоокеанские ландшафты с характерной муссонной циркуляцией воздушных масс **[8]**. В.Т. Старожиловым (2009) на о. Рикорда был выделен низкогорный грабово-широколиственный вид ландшафтов с верхнепермскими вулканитовыми среднего состава комплексом **[19]**.

Результаты исследований. ***Растительный покров.*** Преобладающим типом растительности о. Рикорда является полидоминантный широколиственный лес из липы амурской (*Tilia amurensis*), ясеней носолистного и маньчжурского (*Fraxinus rhynchophylla*, *F. mandshurica*), граба сердцелистного (*Carpinus cordata*), клёнов мелколистного, ложно-Зибольдова и зеленокорого (*Acer mono*, *A. pseudosieboldianum*, *A. tegmentosum*), дуба монгольского (*Quercus mongolica*), калопанакса семилопастного (*Kalopanax septemlobus*), бархата амурского (*Phellodendron amurensis*), ильма разрезного (*Ulmus laciniata*), ивы козьей (*Salix caprea*), трескуна амурского (*Ligustrina amurensis*), калины Саржента (*Viburnum sargentii*), однопокровницы амурской (*Arisaema amurensis*), синюхи китайской (*Polemonium chinense*), волжанки двудомной (*Aruncus dioicus*), лука охотского (*Allium ochotense*), лилии двурядной (*Lilium distichum*), адиантума стоповидного (*Adiantum pedatum*), недоспелки копьевидной (*Cacalia hastata*), лимонника китайского (*Schisandra chinensis*), винограда амурского (*Vitis amurensis*) и др. Из представителей хвойных единично встречается пихта цельнолистная (*Abies holophylla*) (высота до 2 м). На вершинах и труднодоступных местах развит кустарниковый ярус из жимолости Рупрехта (*Lonicera ruprechtiana*), чубушника тонколистного (*Philadelphus tenuifolius*), малины боярышниковолистной (*Rubus crataegifolius*) с лианами актинидии острой (*Actinidia kolomicta*). На обезлесенных участках преобладают травяно-кустарниково-полукустарниковые сообщества (гмелинополынники, леспедечники, мискантусники). Влажные и заболоченные луга встречаются на перешейке, на восточном побережье в северной части и на западном побережье в южной части острова. Они составлены оноклеей чувствительной (*Onoclea sensibilis*), вейником Лангсдорфа (*Calamagrostis langsdorfii*), геранью восточной (*Geranium orientale*), красодневом Миддендорфа (*Hemerocallis middendorfii*), рябчиком уссурийским (*Fritillaria ussuriensis*), валерьяной амурской (*Valeriana amurensis*), купеной приземистой (*Polygonum humile*), болотницей Вихуры (*Elocharis wichurae*), белокрыльником болотным (*Calla palustris*), кровохлёбкой мелкоцветковой (*Sanquisorba parviflora*) и др. Вдоль побережья представлены галофитные супралиторальные, петрофитные группировки и приморские луга из колосняка мягкого (*Leymus mollis*), крестовника лжеарникового (*Senecio pseudoarnica*), чины японской (*Latyrus japonicus*), подорожника камчатского (*Plantago camtchatica*), полыни побережной (*Artemisia littoricola*),

гвоздики китайской (*Dianthus chinensis*), дудника Гмелина (*Angelica gmelinii*), шиповника морщинистого (*Rosa rugosa*) и др.

Пространственная дифференциация почвенного покрова обусловлена разнообразием растительности, рельефом, крутизной и экспозицией склонов. По гребням водоразделов распространены неполноразвитые бурозёмы, профиль которых включает подстилку O, мощностью не более 1–2 см, аккумулятивно-гумусовый горизонт AY (5–7 см), подстилающийся каменисто-щебнистым делювием плотных пород. Наиболее распространёнными являются бурозёмы типичные, формирующиеся под полидоминантными широколиственными лесами на северных и южных склонах средней крутизны. Их профиль: O-AY-BM-BMC как правило маломощный и сильнокаменистый, почвообразующие породы вскрываются на глубине 30–35 см. Под лесом с хорошо развитым травяным напочвенным покровом формируются бурозёмы тёмные с высоко гумусированным профилем: O-AU-AUBM-BM-BMC. Ограниченные площади на выположенных склонах с замедленным водообменном занимают бурозёмы оподзоленные с характерным осветлением подгумусовой части профиля и наличием следов оглеения в иллювиальном горизонте: O-AYe-BMg-BMC. К нижним частям восточных склонов под разреженным криволесьем с развитым кустарниково-полукустарниковым ярусом приурочены бурозёмы тёмные иллювиально-гумусовые. Они также характеризуются маломощным и сильноскелетным профилем, но выделяются глубокой гумусированностью, о чём свидетельствуют серые тона окраски минерального иллювиально-гумусового горизонта: O-AU-BMhi-BM-BMC. На абразионных уступах с многочисленными выходами на дневную поверхность скальных пород формируются примитивные почвы: O-AYC. На низменных приморских участках распространены засолённые маршевые почвы. На заболоченных бессточных ложбинах в гористой части острова под осоково-разнотравными лугами формируются лугово-болотные почвы (O-AY-Bg-G) в комплексе с торфяниками.

Современная ландшафтная структура о. Рикорда сформирована 30 природно-территориальным комплексом *(рис. 1, 2)*. Доминантой на острове являются ландшафты пологих склонов (51 % площади острова), субдоминируют ландшафты склонов средней крутизны (23 %), сложенные базальтами, диабазами и их туфами, валунно-галечными туфоконгломератами с высокосомкнутыми полидоминантными широколиственными лесами на тёмных и типичных бурозёмах (4; 11 здесь и далее классификационный номер ландшафта *(рис. 1, 2)*. На нижних частях восточных макросклонов вдоль побережья протягивается полоса кустарниково-полукустарниковых гмелинополынно-мискантусово-разнотравных сообществ на тёмных бурозёмах (6; 13), также встречаются широколиственные криволесные леса и на тёмных иллювиально-гумусовых бурозёмах (5; 12).

Более 5% площади острова сформировано ландшафтами прибрежных низменностей, сложенных конгломератами, песчаниками, алевролитами. На перешейке в центральной части острова представлены влажные разнотравные луга на луговых задернованных почвах (17), в южной части острова на прибрежных низменностях преобладают заболоченные осоково-разнотравные луга на лугово-болотных почвах в комплексе с торфяниками (18). Ландшафты субгоризонтальных террасовидных поверхностей, сложенные базальтами, долерито-базальтами, диабазами и их туфами, валунно-галечными туфоконгломератами (4% площади острова) покрыты высокосомкнутыми полидоминантыми широколиственными лесами из граба, липы, ясеня, клёнов на тёмных и типичных бурозёмах (19), в северной части острова встречаются широколиственные криволесные леса на тёмных иллювиально-гумусовых бу-

розёмах (20). На глинистых алевролитах формируются заболоченнные осоково-разнотравные луга на лугово-болотных почвах в комплексе с торфяниками (21) *(рис. 1, 2)*.

Для днищ долин временных и постоянных водотоков, сложенных аллювиальными гравийно-галечными отложениями, и овражно-балочных комплексов с супесчано-щебнистыми отложениями характерно распространение высокосомкнутых полидоминантных широколиственных лесов на тёмных и типичных бурозёмах (22; 25), а также кустарниково-полукустарниковых сообществ на тёмных бурозёмах (23; 27). Для восточного и южного побережий острова типично распространение ландшафтов абразионно-денудационных уступов с гравийно-галечными отложениями с разреженными травянистыми супралиторальными группировками на камнях, частично на маршевых почвах (29).

Развитие природной среды в среднем-позднем голоцене. Результаты спорово-пыльцевого анализа почвенных разрезов о. Рикорда показали, что в среднем голоцене (4530±180, ЛУ–7127; 3810±110, ЛУ–7562), в более тёплых климатических условиях по отношению к современным, на склонах произрастал липово-широколиственный лес с калопанаксом семилопастным, ясенем, ильмом горным, грабом сердцелистным, берёзой даурской (*Betula davurica*) и другими породами с папоротниково-полынно-разнотравным покровом. На побережье был развит дубово-широколиственный лес с калопанаксом, берёзой, липой и другими породами с папоротниково-полынно-разнотравным покровом. В первой половине позднего голоцена (1550±110 ЛУ–7563) из-за более холодных климатических условий в составе лесной растительности склонов значительно увеличилась роль берёз, в том числе, появилась берёза кустарниковая (*B. fruticosa*), сократилось участие липы, и несколько возросла доля дуба. В напочвенном покрове преобладали папоротниково-полынно-разнотравные сообщества. На побережье видовой состав дубняков становится более бедным, но возможно в древостое присутствовала сосна густоцветковая (*Pinus densiflora*), о чём свидетельствует высокий процент содержания её пыльцы в спорово-пыльцевых спектрах. В травянистом ярусе также доминировали папоротниково-полынно-разнотравные сообщества. С наступлением кратковременного потепления (Малый оптимум голоцена, VIII–XIII вв.) распространение получает полидоминантный широколиственный лес из акантопанакса сидячецветкового (*Eleuterococcus sessiliflorus*), дуба, лимонника, аралии высокой (*Aralia elata*), берёзы и других пород с папоротниково-полынным разнотравьем. Во время Малого ледникового периода (XII–XIX вв.) климат был более холодный и влажный по сравнению с современным. По оценкам Т. Ямамото **[21; 22]**, температура и лета, и зимы была на 1–2°С ниже, чем в настоящее время. Летние сезоны были более дождливыми. Эти изменения были связаны с ослаблением субтропического тихоокеанского антициклона и смещением климатических зон к югу. В растительном покрове на склонах преобладал дубово-липовый лес, возможно с участием сосны густоцветковой и папоротниково-полынно-осоково-разнотравным покровом. На восточном побережье, подверженном действию сильных ветров, преобладали кустарниковые полынно-разнотравные сообщества, на западном – дубняки с кустарниковым ярусом из калины, бузины кистистой (*Sambucus racemosa*), лимонника, акантопанакса сидячецветкового, лещины (*Corylus* sp.) и других пород с папоротниково-полынным разнотравьем. В XX в. наблюдается стабильное потепление, повлиявшее на становление современной растительности о. Рикорда.

В археологическом плане о. Рикорда изучен мало. По сообщению В.В. Осецкого (начальника отдела по государственной охране объектов культурного наследия федерального значения департамента культуры

Приморского края) в средней части о. Рикорда ранее были обнаружены два археологических памятника, предварительно названных стоянками. Однако точной хронологической и культурной привязки для этих памятников нет. Их расположение, время существования и культурную принадлежность предстоит выяснить. В результате выполнения ***археологических исследований*** на о. Рикорда было обнаружено ещё два памятника, получивших нумерацию Рикорда-3 и Рикорда-4.

Археологический памятник Рикорда-3 представляет собой древнюю стоянку, расположенную на морской террасе в небольшой бухте на северной оконечности острова, напротив о. Рейнеке *(рис. 1, 3)*. С одной стороны памятник ограничен руслом небольшого пресного ручейка, а со стороны моря – обрывом. Дневная поверхность слабонаклонная, поросшая зарослями полыни Гмелина (проективное покрытие до 90%) с включением малины боярышниковолистной, шиповника Максимовича (*R. maximowicziana*); в травостое – герань, щавель (*Rumex* sp.), спаржа шобериевидная (*Asparagus schoberioides*), мискантус (*Miscanthus* sp.), чертополох курчавый (*Carduus crispus*), зорька сверкающая (*Lychnis fulgens*). Следов древних западин, каких-либо других сооружений на поверхности памятника не выявлено. Определены его границы и площадь – около 200 м².

На территории памятника заложено два археологических шурфа, площадью 1 м². Под дёрном, мощностью около 15 см, начинался культурный слой: тёмно-серый с буроватым оттенком суглинок, неравномерный по мощности (30–40 см). В нижней части слоя присутствовал крупный песок и единичные слабо окатанные обломки породы размером от 0,5–1 до 2,5 см. В культурном слое встречались включения частиц древесного угля и фрагментов лепной керамики, преимущественно стенок сосудов.

Из шурфов получено 18 фрагментов керамики: 15 стенок сосудов, 2 венчика, 1 дно *(рис. 4)*. Всё это обломки лепных сосудов, толщиной 0,5–0,8 см. Керамика невысокого качества, глиняное тесто содержит многочисленные (до 40%) примеси песка, преимущественно крупнозернистого. Тесто изделий рыхлое, черепок легко крошится и ломается. Поверхность фрагментов окатана, не видно следов лощения или заглаживания. Цвет черепков коричневый или оранжевый, в изломе – чёрный. Обжиг изделий происходил в окислительной среде. Керамика, обнаруженная на поселении, недостаточно диагностична. Можно лишь отметить такую важную деталь, как отсутствие орнаментированных фрагментов, что нехарактерно, например, для неолитической посуды. Предварительно можно предположить, что керамика поселения Рикорда-3 относится к янковской археологической культуре. Хронология этой археологической культуры остаётся дискуссионным вопросом: от IX–V вв. до н.э. **[**по **1, С. 190]** до XII–I вв. до н.э. **[**по **10, С. 156]**.

Вероятно, стоянка являлась временным прибежищем, в пользу чего свидетельствует малонасыщенность культурного слоя артефактами.

Археологический памятник Рикорда-4 был обнаружен на западном побережье, в северной части острова, в обнажении абразионного берегового уступа, высотой 1.5–2 м *(рис. 1, 5)*. Поверхность берегового уступа слабоволнистая, крутизна 50. Растительность представлена преимущественно злаками. В обнажении древнего берегового уступа, основание которого расположено на границе пляжной зоны, в 5 м от уреза воды прослеживались остатки древнего жилища. Мощность заполнения жилища составила 10–40 см. Погребённый культурный слой представлен гумусированной мелкозёмистой массой (серовато-коричневый суглинок) с содержанием древесных углей и артефактов (осколки керамической посуды). Фундамент жилища состоит из камней и валу-

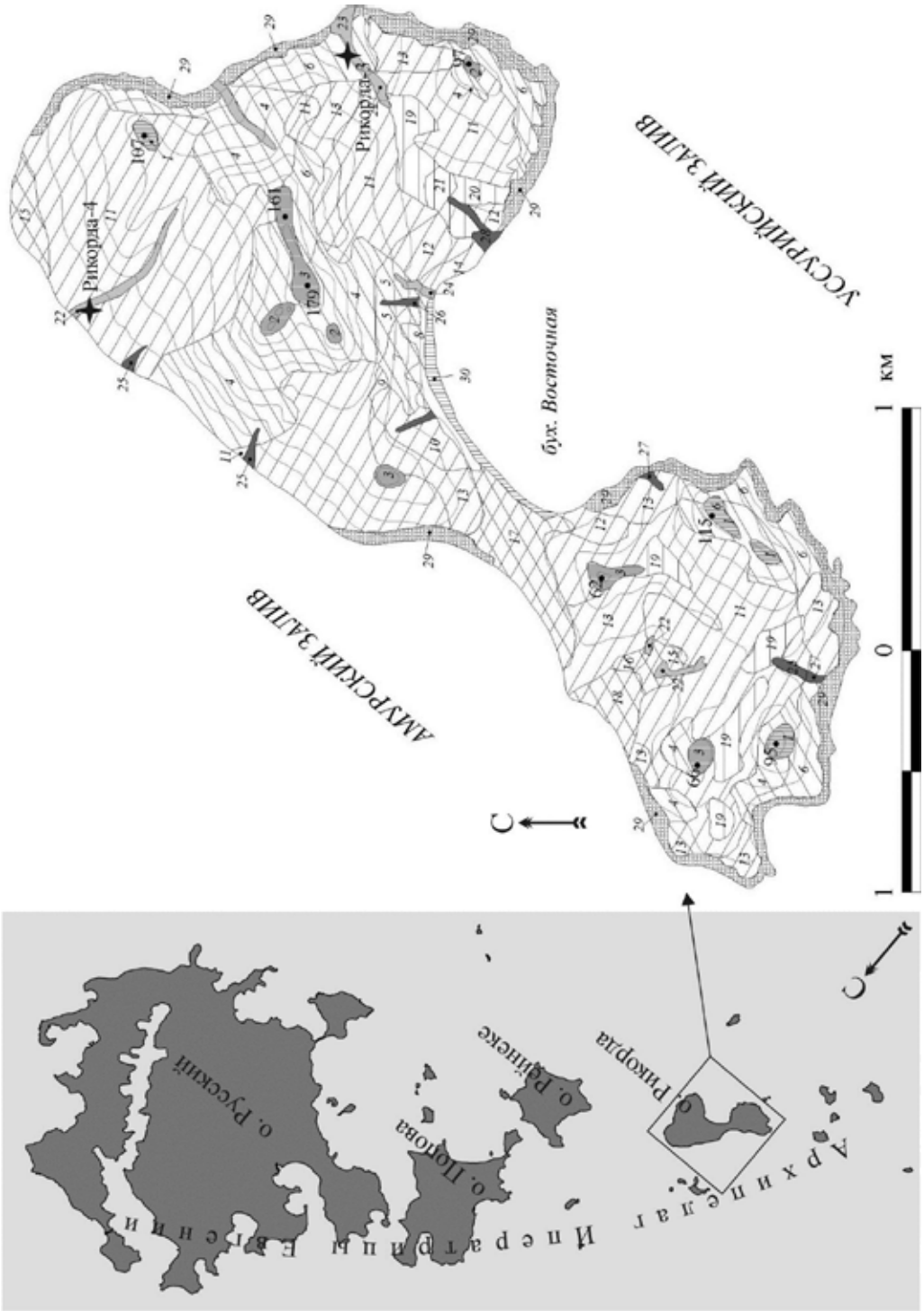

Рис. 1. Ландшафтная карта о. Рикорда (условные обозначения см. на рис. 2).
Источник: составлено К.С. Ганзем, А.Г. Киселевой, Н.Ф. Пшеничниковой.

Геолого-геоморфологическое строение / Почвенно-растительный покров	Вершинные и привершинные: Гребневидные	Вершинные и привершинные: Выположенные	Склоновые: Средней крутизны	Склоновые: Подножие	Субгоризонтальные: Прибрежных пониженностей	Субгоризонтальные: Террасовидные	Долинные: Дна долин временных и постоянных водотоков	Долинные: Окраско-балочных комплексов	Прибрежные: Абразионных уступов	Прибрежные: Зоны плавней	Площадь (км.кв/%)
Высокомощные полизонитные из грабы, липы, ясеня, кленов на тёмных и типичных буроземах	2		4	9	15	19	22	23			2,9939 /61,48
Криволесье из дуба монгольского, барбариса, микромелиса, бархата на темных и типичных буроземах							0,0496	0,0146			
Бурозёмы, дерново-бурозёмы, дерново и их туры, дерново-глеевые грубогумусированные	0,0196		5	11		20					0,2044 /4,21
Бурозёмы, дерново-бурозёмы, дерново и их туры, дерново-глеевые грубогумусированные	0,7568		7	12	0,0684	0,1583		0,0029			
Грунтовая и грунтово-луговая мелкая грунтовогумусированная	0,0355	0,0718	0,0426	0,0872		0,0363					0,1126 /2,32
Кустарниково-разнотравные сообщества из разнотравья, лесолесья, гвоздики, гетеронипуса с выходы коренных пород на неконтрастных буроземах	0,0409	3									
Кустарниково-полукустарничковые лишайнико-мохнатуко-разнотравные сообщества на тёмных буроземах			6	10	16		23	27			0,8515 /17,54
Влажные разнотравные на луговых задернованных почвах			0,3075	0,0576	0,4543	0,0083	0,015	0,0088			
Петрофитные на примитивных почвах			8	14	17	0,1398	24	28			0,1398 /2,88
Суплиторальные группировки на камнях, частично на марщевых почвах и петрофитные группировки на примитивных почвах			0,0401	0,02			0,0067	0,0125			0,0793 /1,63
Заболоченные осоково-разнотравные луга на луговых-болотных почвах в комплексе с торфяниками					16	21			26	0,3755	0,3755 /7,74
Без растительного и почвенного покровов					0,0547	0,0159					0,0705 /1,45
Площадь (км.кв/%)	0,0409/ 0,84	0,0914/ 1,88	1,0968/ 22,66	0,0826/ 1,7	0,0617 /1,27	2,4712/ 50,59	0,2712/5,59	0,1944/ 4,01	0,0159/ 0,33	0,3755/ 7,74	4,8535 /100

Рис. 2. Ландшафтная классификация, условные обозначения к ландшафтной карте (см. рис.1) и количественные параметры ландшафтной структуры о. Рикорда
Источник: составлено К.С. Ганзем, А.Г. Киселевой, Н.Ф. Пшеничниковой.

Рис. 3. Топографический план памятника Рикорда-3
Источник: составлено Я.Е. Пискаревой.

нов (диаметром до 20–25 см), плотно уложенных и сцементированных глинисто-песчаным материалом желтовато-бурого цвета. Толщина слоя от 20 см (в восточной части разреза) до 50 см (в западной). Ниже заполнения жилища прослеживалась прослойка гумусированного мелкозёма тёмно-серого до чёрного цвета мощностью до 10 см, с включением углей и мелкофрагментированной керамики.

Было обнаружено 6 фрагментов керамических сосудов. Из них два выпали из слоя и оцениваются как подъёмный материал, поскольку точно установить уровень их залегания не удалось. Первый – это венчик сосуда с налепным валиком, орнаментированным овальными насечками *(рис. 6:1)*. Черепок светло-коричневого цвета на внешней поверхности и серого на внутренней. Следует отметить, что на внутренней поверхности присутствуют параллельные бороздки, которые могут свидетельствовать об изготовлении сосуда на круге. Предварительно можно сказать, что это изделие относится, скорее всего, к мохэской археологической культуре. Второй – это стенка лепного сосуда янковской археологической культуры, с частично сохранившимся орнаментом в виде прочерченной горизонтальной линии и отпечатков зубчатого инструмента. Изделие ярко-оранжевого цвета с крупными примесями в тесте *(рис. 6:2)*.

За пределами жилища найден фрагмент неорнаментированной стенки сосуда ярко-оранжевого цвета. Изделие, вероятно, относится к янковской археологической культуре. Наиболее интересная находка – три фрагмента от одного сосуда (венчик и две стенки), которые залегали на бортике жилища *(рис. 6:3)*. Сосуд имел воронкообразную горловину и округлые плечики, изнутри под краем венчика располагался неглубокий желобок. Поверхность ёмкости заглажена, очевидно, что сосуд изготавливался на круге: на внешней и внутренней поверхности присутствуют параллельные бороздки. На внутренней поверхности есть мощный

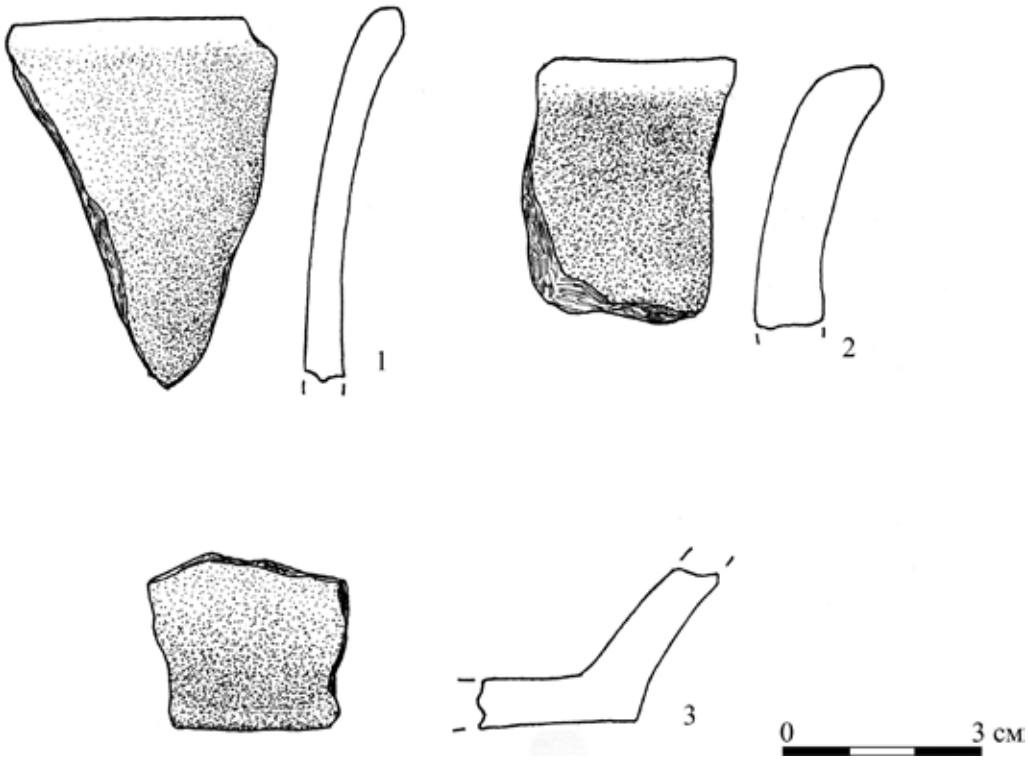

Рис. 4. Керамика памятника Рикорда-3
Источник: подготовлено И.В. Гридасовой.

пищевой нагар. Изделие предварительно можно отнести к периоду раннего средневековья. Фрагмент ещё одного кругового сосуда найден в яме внутри жилища. Поверхность слегка подлощена, присутствует орнамент в виде коротких прочерков *(рис. 6:4)*.

На основе первичного осмотра разреза можно предположить, что здесь находилось древнее жилище. Вероятно, постройка имела каркасно-столбовую конструкцию, была выстроена на фундаменте в углублённом котловане. Возможно, данное поселение также относится к сезонным, но другого характера: жилище использовалось рыболовами как временное пристанище, которые сюда регулярно возвращались в течение нескольких лет. Предварительно этот памятник можно отнести к периоду раннего средневековья.

Нижележащий культурный слой относится к янковской культуре, и, вероятно, представлял собой временную стоянку, схожую с памятником Рикорда-3.

Выводы. В результате проведённых исследований проанализировано современное состояние растительного и почвенного покровов, особенности ландшафтной дифференциации, определены этапы становления природной среды со среднего голоцена. Несмотря на удалённость от материковой суши, можно предположить, что уже с эпохи палеометалла, а возможно и раньше, о. Рикорда стал осваиваться человеком. С этого времени к природным факторам изменения среды постепенно добавляется и антропогенный.

Сегодня в растительном покрове острова доминируют полидоминантные широколиственные леса (лесистость острова более 65%). Для остальных участков характерны луга, кустарниково-полукустарнико-

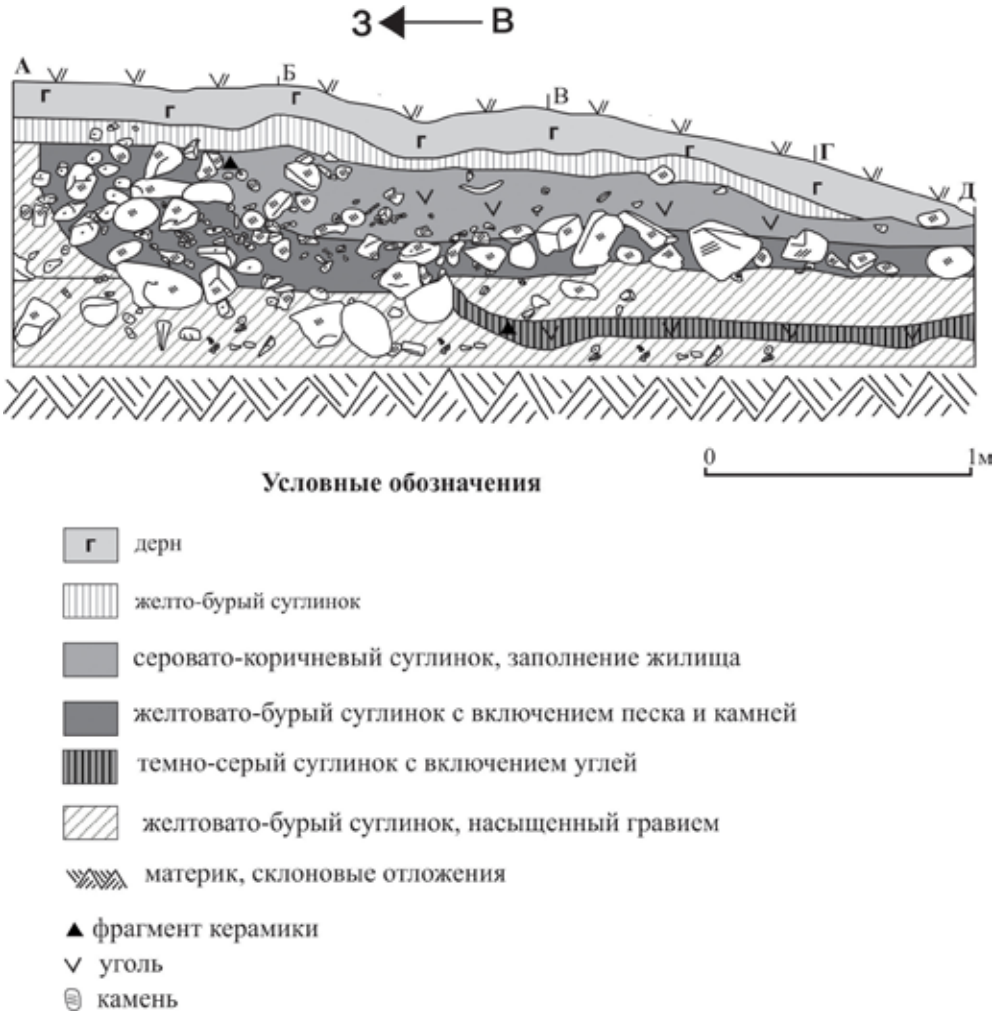

Рис. 5. Стратиграфический разрез памятника Рикорда-4
Источник: подготовлено Я.Е. Пискаревой.

во-разнотравные сообщества, галофитные супралиторальные и петрофитные группировки. На территориях, которые подвергались в XX в. антропогенному воздействию, доминируют гмелинополынники, мискантусники, леспедечники, дубняки, березняки. Такая закономерность отмечается и для других островов залива.

Почвенный покров гористой части острова характеризуется большим разнообразием и включает: бурозёмы типичные, бурозёмы оподзоленные, бурозёмы тёмные, бурозёмы тёмные иллювиально-гумусовые, неполноразвитые бурозёмы. На заболоченных бессточных ложбинах под осоково-разнотравными лугами формируются лугово-болотные почвы в комплексе с торфяниками. На низменных приморских участках распространены засолённые маршевые почвы.

Более 73 % площади острова приходится на ландшафты пологих и средней крутизны склонов, сложенные базальтами, валунно-галечными туфоконгломератами с полидоминантными широколиственными лесами на тёмных и типичных бурозёмах. Антропогенное воздействие на

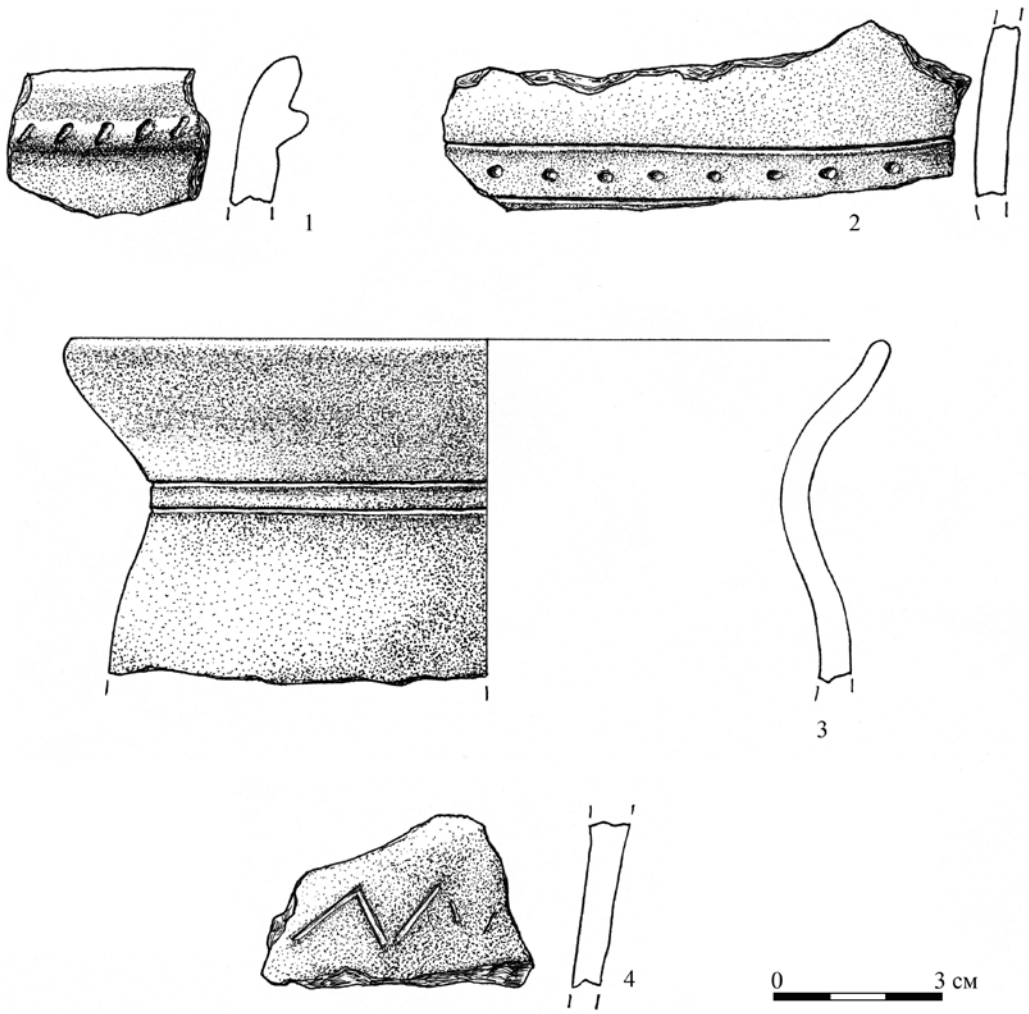

Рис. 6. Керамика памятника Рикорда-4
Источник: подготовлено И.В. Гридасовой.

ландшафты острова носит локальный характер и приурочено к местам расположения летних палаточных лагерей на западном побережье.

Наличие двух разновременных археологических памятников на острове Рикорда указывает на разные этапы его заселения человеком. В настоящее время имеющиеся у нас данные позволяют выделить первый этап не позднее железного века (Рикорда-3–4). Второй этап связан с ранним средневековьем (Рикорда-4). Важнейшим определяющим фактором при выборе места поселения является наличие пресной воды. Оба памятника расположены вблизи долин водотоков.

Интерпретация палинологических данных, полученных для шурфов памятников Рикорда-3–4, позволила реконструировать природные условия на разных этапах его освоения. Климатические условия раннего железного века (появление янковской культуры) были гораздо теплее и суше современных. Об этом свидетельствует сумма пыльцы широколиственных пород в спорово-пыльцевых спектрах (в 2 раза больше, по сравнению с субфоссильными спектрами), соответствующих культурному слою, а также количественные климатические характеристики, восстановленные с помощью информационно-статистического метода **[9]**:

среднегодовая температура +6–8°С, средняя температура июля более +20°, января –8°, среднегодовое количество осадков – более 600 мм. На восточном побережье в это время были развиты дубовые леса с берёзой, липой, грабом, орехом маньчжурским (*Juglans mandshurica*) и густым подлеском из жимолости, бузины, аралии, барбариса, малины с полынно-разнотравно-папоротниковым покровом. Наличие съедобных растений на острове – немаловажный фактор для древних собирателей. На западном побережье, во время основания здесь сезонной стоянки поселенцами янковской культуры, произрастал дубово-широколиственный лес с калопанаксом, берёзой, липой и другими породами с папоротниково-полынно-разнотравным покровом (3810±110, ЛУ–7562).

Во время второй волны (этапа) освоения острова культурами раннего средневековья климатические условия были более суровыми: среднегодовая температура +3°С, средняя температура июля +18°С, средняя температура января более –11°С. Осадков выпадало около 600 мм. Состав дубняков стал более бедным: исчезли некоторые термофильные породы, сократилась доля широколиственных. В травянистом ярусе доминировали папоротниково-полынно-разнотравные сообщества.

Предварительный анализ говорит о том, что обнаруженные археологические памятники, скорее всего, не использовались в течение всего года, а были сезонными стоянками. Маломощность культурного слоя янковской культуры свидетельствует о том, что в этот период люди использовали остров в качестве временного прибежища. Жилище стоянки Рикорда-4 периода раннего средневековья использовалось, вероятно, в качестве регулярного поселения в течение нескольких лет. Расположение поселений вблизи источников пресной воды согласуется с закономерностями ландшафтного строения островов. Для больших островов характерно развитие системы поверхностного стока **[7]**. При увеличении площади острова происходит увеличение густоты речной сети, а при уменьшении площади ниже критического уровня долинные ландшафты могут отсутствовать. Наличие системы водотоков на острове является одним из главных факторов высоких значений ландшафтного разнообразия и критическим фактором при освоении территории древними сообществами.

Более точная информация о характере археологических памятников, продолжительности их существования, типе хозяйства, природных условиях древних периодов заселения о. Рикорда, будет получена в ходе дальнейших исследований. Но даже предварительные результаты нашей работы позволяют утверждать о высокой продуктивности междисциплинарного подхода в изучении островных территорий Тихого океана.

◆

Литература

1. Андреева Ж.В., Жущиховская И.С., Кононенко Н.А. Янковская культура. М.: Наука, 1986. 214 с.

2. Васильева Л.Е., Еловская О.А., Попов А.Н., Лазин Б.В., Раков В.А. Междисциплинарные исследования памятника Боярин-6 в 2013 г. (предварительные данные) // Мультидисциплинарные исследования в археологии. Владивосток: Изд-во Дальнаука, 2014. С.30–36.

3. Гарковик А.В., Ермаков В.Е., Клюев Н.А. Археологические памятники Государственного морского заповедника [в Приморье] / АН СССР. ДВО. ИИАЭ. Препр. Владивосток, 1989. 62 с.

4. Добровольский Г.В., Урусевская И.С. География почв: учебник. 3-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та: Наука, 2006. 460 с.

5. Дьяконов К.Н. Базовые концепции и понятия ландшафтоведения // Географические научные школы Московского университета. М.: Городец, 2008. С. 348–386.

6. Зонн С.В., Сапожников А.П. Особенности аллитного выветривания и почвообразования на островах Южного Приморья // Почвоведение. 1998. № 11. С. 1318–1326.

7. Иванов А.Н. Проблемы изучения ландшафтов островов // Изв. РГО. 2009. Вып. 4. С. 4–11.

8. Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ин-та, 1985. 320 с.

9. Климанов В.А. Связь субфоссильных спорово-пыльцевых спектров с современными климатическими условиями // Известия АН СССР. 1981. № 5. С. 101–114.

10. Кузьмин Я.В., Коломиец С.А., Орлова Л.А. и др. Хронология культур палеометалла и средневековья Приморья (Дальний Восток России) // Археология и социокультурная антропология Дальнего Востока и сопредельных территорий. Благовещенск: Из-во БГПУ, 2003. С. 156–164.

11. Научно-прикладной справочник по климату СССР. Многолетние данные. Приморский край. Л.: Гидромеоиздат, 1988. Сер. 3. Вып. 26. 416 с.

12. Недолужко В.А., Добрынин А.П. Растительный покров острова Рикорда в заливе Петра Великого (Японское море) // Исследование растительного покрова российского Дальнего Востока. (Тр. Бот. садов ДВО РАН / Гл. ред. В.А. Недолужко). Владивосток: Дальнаука, 1999. Т. 1. С. 173–192.

13. Попов А.Н., Лазин Б.В. Археологические исследования на острове Русский в 2010–2011 годах // Древности по обе стороны Великого океана. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та. 2011. С. 118–126.

14. Попов А.Н., Лазин Б.В. Многослойный памятник Боярин-6 на острове Русский во Владиво- стоке // Древности Азии и Америки. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 138–153.

15. Попов А.Н., Лазин Б.В. Охранные археологические исследования на федеральных стройках в г. Владивосток // Мустье Забайкалья, загадочные догу и другие древности Тихоокеанских стран. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та. 2010. С. 120–151.

16. Преловский В.И., Короткий А.М., Пузанова И.Ю., Саболдашев С.А. Бассейновый принцип формирования рекреационных систем Приморья. Владивосток: Владивостокский филиал РТА, 1996. 150 с.

17. Силантьев Г.Л. Археологический отчет об исследованиях на побережье и островной зоне залива Петра Великого. 1988 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 12956. 67 л.

18. Силантьев Г.Л. Археологический отчет об исследованиях на побережье и островной зоне залива Петра Великого в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1, № 16357. 97 л.; № 16358. Альбом к отчету. 193 л.; № 16359. Альбом к отчету. 93 л.

19. Старожилов В.Т. Ландшафты Приморского края (Объяснительная записка к карте масштаба 1:500000). Владивосток: Изд. Дальневост. ун-та, 2009. 368 с.

20. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. xiii, 306 p.

21. Yamamoto T. On the climatic change in the XV and XVI centuries in Japan // Geophysical Magazine. 1971a. № 35. P. 187–206.

22. Yamamoto T. On the nature of climatic change in Japan since the Little Ice Age around 1800 AD // Journal of the Meteorological Society of Japan. 1971b. № 49. P. 798–812.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Andreeva Zh.V., ZHushhikhovskaya I.S., Kononenko N.A. YAnkovskaya kul'tura. M.: Nauka, 1986. 214 s.

2. Vasil'eva L.E., Elovskaya O.A., Popov A.N., Lazin B.V., Rakov V.A. Mezhdistsiplinarnye issledovaniya pamyatnika Boyarin-6 v 2013 g. (predvaritel'nye dannye) // Mul'tidistsiplinarnye issledovaniya v arkheologii. Vladivostok: Izd-vo Dal'nauka, 2014. S.30–36.

3. Garkovik A.V., Ermakov V.E., Klyuev N.A. Arkheologicheskie pamyatniki Gosudarstvennogo morskogo zapovednika [v Primor'e] / AN SSSR. DVO. IIAEH. Prepr. Vladivostok, 1989. 62 s.

4. Dobrovol'skij G.V., Urusevskaya I.S. Geografiya pochv: uchebnik. 3-e izd. M.: Izd-vo Mosk. un-ta: Nauka, 2006. 460 s.

5. D'yakonov K.N. Bazovye kontseptsii i ponyatiya landshaftovedeniya // Geograficheskie nauchnye shkoly Moskovskogo universiteta. M.: Gorodets, 2008. S. 348–386.

6. Zonn S.V., Sapozhnikov A.P. Osobennosti allitnogo vyvetrivaniya i pochvoobrazovaniya na ostrovakh YUzhnogo Primor'ya // Pochvovedenie. 1998. № 11. S. 1318–1326.

7. Ivanov A.N. Problemy izucheniya landshaftov ostrovov // Izv. RGO. 2009. Vyp. 4. S. 4–11.

8. Isachenko A.G. Landshafty SSSR. L.: Izd-vo Leningr. in-ta, 1985. 320 s.

9. Klimanov V.A. Svyaz' subfossil'nykh sporovo-pyl'tsevykh spektrov s sovremennymi klimaticheskimi usloviyami // Izvestiya AN SSSR. 1981. № 5. S. 101–114.

10. Kuz'min YA.V., Kolomiets S.A., Orlova L.A. i dr. KHronologiya kul'tur paleometalla i srednevekov'ya Primor'ya (Dal'nij Vostok Rossii) // Arkheologiya i sotsiokul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i sopredel'nykh territorij. Blagoveshhensk: Iz-vo BGPU, 2003. S. 156–164.

11. Nauchno-prikladnoj spravochnik po klimatu SSSR. Mnogoletnie dannye. Primorskij kraj. L.: Gidromeoizdat, 1988. Ser. 3. Vyp. 26. 416 s.

12. Nedoluzhko V.A., Dobrynin A.P. Rastitel'nyj pokrov ostrova Rikorda v zalive Petra Velikogo (YAponskoe more) // Issledovanie rastitel'nogo pokrova rossijskogo Dal'nego Vostoka. (Tr. Bot. sadov DVO RAN / Gl. red. V.A. Nedoluzhko). Vladivostok: Dal'nauka, 1999. T. 1. S. 173–192.

13. Popov A.N., Lazin B.V. Arkheologicheskie issledovaniya na ostrove Russkij v 2010–2011 godakh // Drevnosti po obe storony Velikogo okeana. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. federal. un-ta. 2011. S. 118–126.

14. Popov A.N., Lazin B.V. Mnogoslojnyj pamyatnik Boyarin-6 na ostrove Russkij vo Vladivo- stoke // Drevnosti Azii i Ameriki. Vladivostok: Izdatel'skij dom Dal'nevost. federal. un-ta, 2012. S. 138–153.

15. Popov A.N., Lazin B.V. Okhrannye arkheologicheskie issledovaniya na federal'nykh strojkakh v g. Vladivostok // Must'e Zabajkal'ya, zagadochnye dogu i drugie drevnosti Tikhookeanskikh stran. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta. 2010. C. 120–151.

16. Prelovskij V.I., Korotkij A.M., Puzanova I.Yu., Saboldashev S.A. Bassejnovyj printsip formirovaniya rekreatsionnykh sistem Primor'ya. Vladivostok: Vladivostokskij filial RTA, 1996. 150 s.

17. Silant'ev G.L. Arkheologicheskij otchet ob issledovaniyakh na poberezh'e i ostrovnoj zone zaliva Petra Velikogo. 1988 g. // Arkhiv IA RAN. R-1, № 12956. 67 l.

18. Silant'ev G.L. Arkheologicheskij otchet ob issledovaniyakh na poberezh'e i ostrovnoj zone zaliva Petra Velikogo v 1989 g. // Arkhiv IA RAN. R-1, № 16357. 97 l.; № 16358. Al'bom k otchetu. 193 l.; № 16359. Al'bom k otchetu. 93 l.

19. Starozhilov V.T. Landshafty Primorskogo kraya (Ob"yasnitel'naya zapiska k karte masshtaba 1:500000). Vladivostok: Izd. Dal'nevost. un-ta, 2009. 368 s.

20. Sahlins M. Social Stratification in Polynesia. Seattle: University of Washington Press, 1958. xiii, 306 p.

21. Yamamoto T. On the climatic change in the XV and XVI centuries in Japan // Geophysical Magazine. 1971a. № 35. P. 187–206.

22. Yamamoto T. On the nature of climatic change in Japan since the Little Ice Age around 1800 AD // Journal of the Meteorological Society of Japan. 1971b. № 49. P. 798–812.

УДК 911.2

Ганзей К.С., Киселёва А.Г., Родникова И.М., Пшеничникова Н.Ф.
Ganzej K.S., Kiselyova A.G., Rodnikova I.M., Pshenichnikova N.F.

Современное состояние и антропогенная трансформация геосистем островов залива Петра Великого

Present state and anthropogenic transformation of geosystems of Peter the Great Bay Islands

В статье рассмотрены основные закономерности современной ландшафтной дифференциации островов Попова, Рикорда, Рейнеке, Большой Пелис, Стенина. Показано современное состояние почвенно-растительного покрова. Активное антропогенное влияние на геосистемы островов привело к сведению типичной для островов растительности, обеднению флор сосудистых растений и лишайников, замещению видов естественных местообитаний, видами, устойчивыми к антропогенному влиянию, активизации плоскостной эрозии почвенного покрова и падению ландшафтного разнообразия. Отмечено, что введение режима особо охраняемых природных территорий оказывает положительное влияние на восстановление условнокоренных и сохранение коренных геосистем на островах Большой Пелис и Стенина.

Ключевые слова*: острова залива Петра Великого, растительность, лишайники, почвы, геосистемы, антропогенная трансформация, ландшафтное разнообразие*

◆

The main patterns of contemporary landscape differentiation of Popova, Rikorda, Reyneke, Bolshoy Pelis and Stenina islands are considered in the paper. Present-day state of soil-vegetation cover is shown. Active anthropogenic impact on the island geosystems have resulted in disappearance of typical island vegetation, pauperization of vascular plant and lichen floras, replacement of natural environment species with anthropogenic species, active sheet erosion of soil cover and decreasing of landscape diversity. Conservation status is pointed out to have a good influence on restoration of relatively native geosystems and maintenance of native ones on Bolshoy Pelis and Stenina islands.

Key words*: islands of Peter the Great Bay, vegetation, lichens, soils, geosystems, anthropogenic transformation, landscape diversity*

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект 15-05-01419).

ГАНЗЕЙ Кирилл Сергеевич, к.г.н., директор Информационно-картографического центра ТИГ ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** geo2005.84@mail.ru

КИСЕЛЁВА Алена Геннадьевна, к.б.н., научный сотрудник Лаборатории биогеографии и экологии ТИГ ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** alena_kiseleva@mail.ru

РОДНИКОВА Илона Мироновна, к.б.н., старший научный сотрудник Центра ландшафтно-экологических исследований ТИГ ДВО РАН *(г. Владивосток).* **E-mail:** rodnikova_ilona@mail.ru

ПШЕНИЧНИКОВА Нина Федоровна, к.б.н., старший научный сотрудник Лаборатории биогеографии и экологии ТИГ ДВО РАН. *(г. Владивосток).* **E-mail:** n.f.p@mail.ru

В заливе Петра Великого расположено более 30 островов различной площади. Интенсивное природопользование в заливе Петра Великого началось в конце XIX века вместе с освоением Приморского края переселенцами из Европы. Большой урон нанесло разведение оленей в прошлом (о-ва Попова, Большой Пелис, Путятина и др.) и использование островов военными (о-ва Русский, Попова, Рикорда, Большой Пелис, Желтухина и др.). В настоящее время социально-экономическому развитию островных территорий Приморского края уделяется большое внимание как на региональном, так и на федеральном уровнях. Реализация крупных инфраструктурных проектов в начале XXI века на островах приводит к существенной трансформации геосистем. При этом в пределах островов залива Петра Великого наблюдается существенная дифференциация интенсивности хозяйственного использования. Для островов Попова и Рейнеке антропогенное влияние в настоящее время имеет локальный характер. На о. Рикорда нет населённых пунктов, и геосистемы здесь испытывают незначительное антропогенное давление, в основном в результате нерегламентированной рекреационной деятельности. В тоже время острова Римского-Корсакова с 1978 г. входят в состав особо охраняемой природной территории (ООПТ), что предопределяет функционирование ландшафтов в естественных условиях. Различия в типах природопользования на островах находит своё отражение не только в степени антропогенной преобразованности, но и в проявлении механизмов устойчивости геосистем.

Целью настоящей работы является изучение современного состояния геосистем островов Попова, Рикорда, Рейнеке, Большой Пелис и Стенина и анализ степени их антропогенной трансформации в условиях разных типов природопользования.

Материалы и методы. Острова Попова, Рикорда, Рейнеке входят в состав архипелага Императрицы Евгении; острова Большой Пелис, Стенина – в состав архипелага Римского-Корсакова. По данным В.И. Преловского с соавторами **[8]**, современные очертания островов залива Петра Великого сформировались около 7–4 тыс. лет назад. По геологическому строению все острова залива входят в Муравьево-Дунайскую структурно-формационную зону с развитием нижне- и верхнепермского вулканического складчатого комплекса. Рельеф на островах преимущественно низкогорный, с развитием небольших террасовидных и низменных участков в прибрежных частях и на перешейках. Система водотоков на островах развита слабо. Они нередко пересыхают в засушливые периоды. Климат на островах муссонный, со средним количество осадков около 800 мм/год, 85% которых приходится на летний период. Среднегодовая температура воздуха около +6°С **[6]**.

Флористические исследования на островах проводились многими исследователями **[7, 16** и др.**]**. На островах известно 1172 вида сосудистых растений, 53 из которых являются охраняемыми. Планомерные лихенологические исследования островов начаты И.Ф. Скириной **[14]**. В настоящее время для острова известно около 400 видов лишайников, в том числе 13 охраняемых видов **[12]**.

Сведения о почвенном покрове рассматриваемых островов представлены в работах ряда авторов **[3, 13, 10, 11]**, отметивших ряд местных особенностей «островного» почвообразования и возрастающую антропогенную трансформацию почвенного покрова в результате рубок леса и периодических пожаров.

В ландшафтном отношении на островах залива представлены Дальневосточные бореальные и суббореальные средне- и южнотаежные притихоокеанские ландшафты с характерной муссонной циркуляцией воздушных масс **[5]**.

С 2009 г. на островах залива Петра Великого проводятся ежегодные полевые исследования современного состояния компонентов природной среды. Работы включают в себя изучение геоморфологического и геологического строения, геоботанических, лихенологических и почвенных характеристик ландшафтов. Выполнены ландшафтное картографирование в масштабе 1:25000 с применением программного пакета ArcGis 10.1 и математический анализ пространственной структуры ландшафтов.

Результаты и обсуждение. По результатам геоботанических исследований выявлены **закономерности структуры растительного покрова** островов. Крупные и средние острова покрывают полидоминантные широколиственные леса кустарниково-разнотравные с лианами. Характерной чертой островов, расположенных в зоне муссонного климата является асимметрия растительного покрова. С юго-восточной (наветренной) стороны преобладают криволесья, кустарниковые и стланцевые формы деревьев, кустарниково-полукустарниково-разнотравные сообщества.

Флора сосудистых растений островов характерна для Маньчжурской провинции Восточноазиатской области Бореального подцарства Голарктического царства *(табл. 1)*. Преобладают покрытосеменные растения, что свойственно для флоры Приморского края и умеренных широт Евразии. 10 ведущих семейств включают 50% флоры. Состав семейств определяет неморальные черты флоры. Большинство видов имеют восточноазиатское распространение. Большие индексы видового разнообразия (количество видов на единицу площади 1 км^2) характерны для о. Стенина 265, средние – о. Попова 204 и о. Большой Пелис 190, маленькие – о. Рикорда 97 и о. Рейнеке 56. Наибольшее количество охраняемых видов представлено на о. Большой Пелис – 12. На других островах

Таблица 1.
Количество видов сосудистых растений и лишайников на островах залива Петра Великого

Остров	Кол-во осудистых растений	% от общей флоры островов залива	Кол-во видов лишайников	% от общей флоры островов залива	Кол-во видов сосудистых растений/лишайников, внесённых в Красные книги
Стенина	398	34%	84	21%	4/6
Большой Пелис	648	55%	194	49%	12/13
Рикорда	466	40%	143	36%	4/12
Рейнеке	457	39%	140	35%	1/7
Попова	570	49%	203	51%	3/13

Источник: составлено авторами

эта цифра не превышает 4 видов. Разнообразие экологических условий островов определяет сменяющие фитоценозы: лесные, редколесные, луговые, травяно-кустарниково-полукустарниковые, петрофитно-травяные, болотно-травяные, озёрно-травяные, галофитно-травяные.

Видовой состав лишайников рассматриваемых островов в целом характерен для юга Приморского края. В связи с тем, что в растительном покрове островов преобладает лесная и кустарниковая растительность, среди лишайников доминирует экологическая группа эпифитов.

Проведённые фито- и лихеноиндикационые исследования на островах показали, что их можно группировать по степени антропогенной трансформации растительного и лишайникового покрова. Учитывались следующие характеристики: лесистость, сомкнутость крон деревьев, проективное покрытие кустарников и трав, встречаемость, видовое разнообразие, количество и состояние популяций охраняемых видов, жизненное состояние сосудистых растений, которое оценивалось по 4-х бальной системе: 1 – слабо вегетирует, не плодоносит, следы хлороза и некроза на тканях, 2 – не достигает обычных размеров, 3 – вегетирует, 4 – полный цикл развития, достигает обычных размеров. При группировке по лихенологическим показателям учитывалось изменённое состояние лишайников по пятибалльной шкале **[15]**: 1 балл – полностью повреждённое слоевище; 2 – повреждено более 50% слоевища; 3 – разрушено менее 50% слоевища, слоевище живое; 4 – слоевище деформировано, имеет небольшие размеры; 5 – повреждений нет. Для качественной характеристики состояния лишайникового покрова учитывалась частота встречаемости видов, относящихся к разным экологическим группам: виды естественных и слабо изменённых местообитаний; виды антропогенно нарушенных местообитаний **[12]**.

В первую группу входят острова архипелага Императрицы Евгении (о-ва Попова, Рейнеке, Рикорда) с сильной антропогенной трансформацией растительности. Лесистость составляет менее 70–50%, антропогенно-изменённые сообщества – более 50%, охраняемых видов – менее 4, жизненное состояние сосудистых растений – 1–4 балла.

На островах Попова и Рикорда преобладают полидоминантые широколиственные леса кустарниково-разнотравные с лианами. На антропогенно-изменённых территориях встречаются дубняки паркового типа и ольхово-черёмухово-ивовые леса на переувлажнённых участках. Значительные отличия в структуре растительного покрова характерны для о. Рейнеке. Здесь кустарниково-полукустарниково-разнотравные сообщества составляют основу антропогенно-изменённых территорий. Также широкое распространение имеют влажные разнотравные луга.

Лихеноиндикационные исследования показали, что на островах Попова, Рейнеке, Рикорда встречаемость и проективное покрытие лишайников, характерных для естественных и слабо изменённых местообитаний, а также редких видов выше на участках, расположенных ближе к вершинам сопок. Это связано с наличием благоприятных для развития лишайников условий: отсутствие сильного затенения по сравнению с низинными территориями, разнообразие субстратов. Эти участи оказываются менее посещаемыми, что снижает рекреационную нагрузку. Наиболее обеднённый видовой состав лишайников отмечен в окрестностях населённых пунктов. Здесь встречаются только лишайники, относящиеся к группе видов антропогенно нарушенных местообитаний. Лишайники развиваются в кроне и верхних частях стволов деревьев. На талломах отмечены следы пожаров не только вблизи населённых пунктов, но и в наиболее удалённых от жилья участках. Проективное покрытие составляет от 5 до 60% в зависимости от экологических условий. Жизненное состояние лишайников от 2 до 5 баллов. Преобладают лишайники с жиз-

ненным состоянием 3–4 балла. В зоне наиболее активного антропогенного влияния отмечаются деформации талломов, уменьшение размера слоевища, иногда встречаются лишайники с разрушенным верхним коровым слоем. На этих островах повсеместно встречаются нитрофильные лишайники *Candelaria concolor, Phaeophyscia rubropulchra, Physciella melanchra*, которые являются показателем загрязнения приземного воздуха соединениями азота.

Вторая группа объединяет острова архипелага Римского-Корсакова (о-ва Большой Пелис, Стенина) со средней степенью антропогенной трансформации растительности. Лесистость составляет более 60%, антропогенно-изменённые сообщества – менее 50%, охраняемых видов – более 4, жизненное состояние сосудистых растений – 2–4 балла.

На данных островах превалирует полидоминантный широколиственный лес кустарниково-разнотравный с лианами. Сохранились пихтарники из *Abies holophylla* (о. Стенина) и широколиственный лес с участием тиса (*Taxus cuspidata*) (о. Большой Пелис). Широкое распространение имеют грабово-липовые и кленовые фитоценозы, низкорослые широколиственные леса, а также максимовичешиповниково-гмелинополынники с редколесьем и мискантусники.

Для лишайников характерно преобладание видов естественных и слабо изменённых местообитаний. Отсутствуют нитрофильные лишайники *Candelaria concolor, Phaeophyscia rubropulchra, Physciella melanchra*. Жизненное состояние лишайников находится в интервале от 2 до 5 баллов. На отдельных участках встречаются лишайники с преобладающим жизненным состоянием 2–3 балла (разрушен верхний коровой слой, обесцвечен слой водорослей). Виды, устойчивые к высокому уровню загрязнения на островах Большой Пелис и Стенина отсутствуют или встречаются очень редко. Чувствительные к загрязнению виды встречаются редко с низкой степенью покрытия.

Пространственная дифференциация почвенного покрова островов обусловлена в первую очередь природными факторами: высотой, крутизной, экспозицией склонов и разнообразием растительности. Основной фон в структуре почвенного покрова островов составляют бурозёмы.

По гребням водоразделов распространены неполноразвитые бурозёмы, профиль которых включает подстилку О, мощностью не более 1–2 см, аккумулятивно-гумусовый горизонт AY (5–7 см), подстилающийся каменисто-щебнистым делювием плотных пород. Наиболее распространёнными являются бурозёмы типичные, формирующиеся под широколиственными лесами на склонах средней крутизны. Их профиль (O-AY-BM-BMC), как правило, маломощный и сильнокаменистый.

Под полидоминантными широколиственными лесами с хорошо развитым травяным напочвенным покровом формируются бурозёмы тёмные с высоко гумусированным профилем (O-AU-AUBM-BM-BMC).

Ограниченные площади на выположенных склонах с замедленным водообменном преимущественно под ольхово-черёмухово-ивовыми лесами занимают бурозёмы оподзоленные с характерным осветлением подгумусовой части профиля и наличием следов оглеения в иллювиальном горизонте (O-AYe-BMg-BMC). К нижним выположенным частям склонов под зарослями гмелинополынников, мискантусовыми лугами и разрежёнными криволесьями с развитым травяно-кустарниково-полукустарниковым ярусом приурочены бурозёмы тёмные иллювиально-гумусовые (O-AU-BMhi-BM-BMC). Они выделяются глубокой гумусированностью.

Современное состояние почвенного покрова островов обуславливается степенью антропогенного пресса. На заселённых островах Попова и Рейнеке в силу низкогорного характера рельефа, малой мощности и

сильной скелетности почвенных профилей каменисто-щебнистого состава, эродированность почвенного покрова довольно высока. Большая часть территории населённых пунктов, грунтовых дорог, а также туристических троп относится к эрозионно-опасной группе земель. На дорогах и их обочинах отмечается активная плоскостная эрозия в большинстве типов ландшафтов. В сезон ливневых осадков наблюдается активный плоскостной смыв подстилки и частичное обнажение корневой системы подроста древесных пород даже на залесённых склонах. Особенно этот процесс наблюдается при крутизне склонов более 150. Немаловажную и, к сожалению, отрицательную роль в состоянии почвенного покрова играет использование «луговых ландшафтов» под сенокосы и выпас скота местным населением о. Рейнеке. Ежегодное отчуждение элементов питания при этом вызывает истощение почв, ухудшение структуры поверхностных горизонтов и повышает эрозионную опасность лугов.

На островах с активной рекреационной нагрузкой состояние почвенного покрова в значительной степени обусловлено соблюдением туристами правил поведения на отдыхе. Одним из ведущих факторов при этом выступает пирогенный, с которым связано уничтожение растительного покрова и развитие эрозии, как это произошло с лесным массивом на о-ве Рейнеке.

Значительная удалённость от материкового побережья и отсутствие постоянного населения на о. Рикорда обеспечивает постепенное самовосстановление естественных ландшафтов, испытавших ранее значительное нарушение в качестве военного полигона. Однако почвенный покров на перешейке острова, соединяющий северную и южную части острова, в силу появления временных водотоков и туристов, подвержен значительным эрозионным процессам.

В пределах заповедных островов современное состояние почвенного покрова определяется, прежде всего, природными факторами. На о. Стенина пространственная дифференциация почв в наибольшей степени обусловлена мезорельефом острова. Отмечается меньшая мощность почвенного профиля бурозёмов на вершинах (50 см), по сравнению с таковыми на склонах (~100 см), а также нарастание интенсивности иллювиирования гумуса в средней части профиля бурозёмов, сопровождающееся нарастанием интенсивности сероватого оттенка бурой, буровато-жёлтой окраски.

На о. Большой Пелис на старопахотных территориях отмечается положительная тенденция в изменении почвообразовательных процессов. Зарастание пахотных угодий гмелинополынниками с кустарниками и активным появлением порослей деревьев сопровождается преобладанием в процессах черт «лесного» буроземообразования и формированием типичных бурозёмов.

В ландшафтном отношении для островов характерно доминирование геосистем пологих и средней крутизны склонов, сложенных гранитами и гранитоидами, базальтами, с преобладанием высокосомкнутых полидоминантых широколиственных лесов из *Carpinus cordata, Tilia amurensis, Fraxinus rhynchophilla, Acer mono, A. pseudosiboldianum* на тёмных и типичных бурозёмах. Отличительной особенностью о. Рейнеке является широкое распространение разнотравно-злаковых лугов, что является следствием активного хозяйственного освоения острова в XX в. Геосистемы террасовидных и низменных участков тяготеют к побережью с преобладанием кустарниково-разнотравных сообществ на луговых почвах, типичных и оподзоленных бурозёмах. Опоясывают острова ландшафты абразионно-денудационных уступов с гравийно-галечными отложениями с супралиторальными и петрофитными группировками на камнях, маршевых и примитивных почвах.

По результатам анализа пространственной структуры ландшафтов, картографо-статистического и математического анализа построенных ландшафтных карт были выявлены особенности влияния антропогенной деятельности на геосистемы островов. Как указывают К.Н. Дьяконов и А.Н. Иванов **[2]**, применение математических методов анализа ландшафтной организации территории позволяет интерпретировать проявление механизмов устойчивости геосистем. При этом одним из важнейших показателей является ландшафтное разнообразие территории, которое отражает фундаментальные свойства земной поверхности и показывает трудно наблюдаемые свойства ландшафтов **[9]**. Для расчёта значения ландшафтного разнообразия нами использовался индекс Р. Маргалефа. Для подтверждения полученных данных выполнен расчёт энтропийной меры сложности ландшафтного рисунка, который отражает схожие грани ландшафтного разнообразия **[1]**.

Площадь острова является важнейшим фактором разнообразия ландшафтов. Малые острова более однородны, имеют меньшее разнообразие горных пород и форм рельефа. Увеличение площади приводит к усложнению ландшафтной структуры. Кроме того, большое значение имеет возраст острова: на более древних формируется большее число биогеоценозов, развивается более сложный почвенный покров. Ещё один фактор, обусловливающий увеличение ландшафтного разнообразия на крупных островах – развитие системы поверхностного стока **[4]**.

Для рассматриваемых островов залива Петра наблюдается высокая корреляция между ландшафтным разнообразием и площадью острова (r=0,7). При этом для островов с активной хозяйственной деятельностью фиксируется ослабление данной взаимосвязи *(табл. 2)*.

Таблица 2. Количественные показатели ландшафтной структуры крупных островов залива Петра Великого

Остров	Площадь острова (га)	Количество ландшафтных контуров (n)	Кол-во видов ландшафтов (m)	Энтропийная мера сложности ландшафтного рисунка (H)	Индекс корреляции между энтропийной мерой сложности и площадью острова	Оценка ландшафтного разнообразия (индекс Маргалефа)	Индекс корреляции между индексом Маргалефа и площадью острова	Индекс корреляции между энтропийной мерой сложности и индексом Маргалефа
Попова	1297,51	228	76	4,78	0,64	10,46	0,7	0,98
Рейнеке	534,58	57	23	3,06		3,50		
Рикорда	485,35	85	30	3,17		4,69		
Большой Пелис	339,94	85	49	4,23		8,24		
Стенина	146,95	36	22	3,48		4,21		

Источник: составлено авторами

По результатам расчётов было отмечено снижение показателей ландшафтного разнообразия и энтропийной меры сложности ландшафтов при увеличении антропогенного пресса. Наиболее репрезентативными являются острова Попова и Большой Пелис. Площадь первого больше в 3,8 раза, чем второго, а ландшафтное разнообразие больше всего в 1,3 раза. Такая дифференциация обусловлена разной интенсивностью хозяйственного использования и, следовательно, степенью преобразованности ландшафтов. Остров Большой Пелис с 1978 г. входит в состав ООПТ. Прекращение хозяйственного использования территории привело к образованию большого количества растительных сообществ, находящихся на разных стадиях развития. Формирование разных сукцессий на островах заповедника связано с интенсивным хозяйственным использованием островов до организации ООПТ. Прекращение хозяйственной деятельности стало импульсом для восстановления растительного покрова на антропогенно преобразованных территориях. Как уже отмечалось, данный процесс идёт неравномерно с формированием последовательного ряда сменяющих друг друга сукцессий.

Аналогичная картина характерна для островов Рейнеке и Рикорда *(табл. 2)*. Для ландшафтной структуры о. Рейнеке характерно доминирование разнотравно-злаковых лугов (63,46 % площади острова). Во второй половине XX в. остров испытывает сильное антропогенное влияние. По результатам геоботанических и почвенных исследований показано, что коренные сообщества были замещены вторичными, сильно сократилась площадь лесных массивов, отмечается активная плоскостная эрозия и истощение почв с ухудшением структуры поверхностных горизонтов. В свою очередь на о. Рикорда отсутствовали населённые пункты, антропогенное влияние имело точечный характер, доминируют высокосомкнутые полидоминантные широколиственные леса из граба, липы, ясеня, клёнов на тёмных и типичных бурозёмах (61,48 % от площади острова) и криволесья из дуба, барбариса, мелкоплодника, бархата на тёмных иллювиально-гумусовых бурозёмах (4,21 % от площади острова).

Обращают на себя внимание и высокие значения ландшафтного разнообразия на о. Стенина, что также связано с отсутствием антропогенного пресса на геосистемы в последнее время. Это практически единственный крупный острова залива Петра Великого, где зафиксировано сохранение коренных геосистем с участием пихты (*Abies holophylla*).

Необходимо отметить, что данные, полученные при расчёте энтропийной меры сложности ландшафтного рисунка, отразили аналогичные закономерности *(табл. 2)*.

Заключение. Антропогенное влияние на геосистемы островов залива Петра Великого с конца XIX века привело к частичному сведению типичных для островов полидоминантных лесов и смене их на кустарниково-полукустарниково-травяные сообщества, обеднению видового состава лишайников с повсеместным распространением видов антропогенно-нарушенных местообитаний, активизации плоскостной эрозии почвенного покрова и падению ландшафтного разнообразия. Присвоение статуса ООПТ оказывает положительное влияние на восстановление условнокоренных и сохранение коренных геосистем на крупных островах залива. На островах Большой Пелис и Стенина отмечается сукцессионный процесс от травяных сообществ к многопородным лесам: появление молодых липняков на месте гмелинополынников, сменяющихся полидоминантными широколиственными лесами. В лишайниковом покрове повсеместно распространены виды естественных местообитаний, а виды антропогенно-нарушенных территорий – единично. Восстановление лесной растительности способствует развитию процессов «лесного» бурозёмообразования и формированию типичных бурозёмов.

На островах Попова, Рейнеке и Рикорда геосистемы подвержены большому антропогенному влиянию, что ведёт к возрастанию антропогенно-нарушенных растительных сообществ, повсеместному распространению лишайников антропогенно-нарушенных местообитаний, развитию эрозии и истощению почв, к потере островной специфики. Антропогенное воздействие на ландшафты вызывает нарушение естественных вещественно-энергетических потоков в ландшафтных катенах, что может привести к необратимым процессам деградации природной среды островов. Признаки данного процесса мы отмечаем на островах Императрицы Евгении.

◆

Литература

1. Ганзей К.С., Иванов А.Н. Ландшафтное разнообразие Курильских островов // География и природные ресурсы. 2012. № 2. С. 87–94.

2. Дьяконов К.Н., Иванов А.Н. Устойчивость и инерционность геосистем // Вестник МГУ. Сер. 5: География. 1991, № 1. С. 28–34.

3. Зонн С.В. Особенности аллитного выветривания и почвообразования на островах Приморья и Дальнего Востока // Изучение и освоение природной среды. М.: Наука, 1976. С. 125–137.

4. Иванов А.Н. Проблемы изучения ландшафтов островов // Изв. РГО. 2009. Вып. 4. С. 4–11.

5. Исаченко А.Г. Ландшафты СССР. Л.: Изд-во Ленингр. ин-та, 1985. 320 с.

6. Научно-прикладной справочник по климату СССР. Многолетние данные. Приморский край. Л.: Гидромеоиздат, 1988. Сер. 3. Вып. 26. 416 с.

7. Недолужко В.А., Добрынин А.П. Растительный покров острова Рикорда в заливе Петра Великого (Японское море) // Исследование растительного покрова российского Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 1999. Т. 1. С. 173–192.

8. Преловский В.И., Короткий А.М., Пузанова И.Ю., Саболдашев С.А. Бассейновый принцип формирования рекреационных систем Приморья. Владивосток: Владивостокский филиал РТА, 1996. 150 с.

9. Пузаченко Ю.Г., Дьяконов К.Н., Алещенко Г.М. Разнообразие ландшафта и методы его измерения // География и мониторинг биоразнообразия. М.: Изд-во НУМЦ, 2002. С 143–302.

10. Пшеничников Б.Ф., Голов В.И. Почвенный покров островов залива Петра Великого // Экологическое состояние и ресурсный потенциал естественного и антропогенно-измененного почвенного покрова. Владивосток: ДВО ДОП РАН, 1998. С. 47–54.

11. Пшеничников Б.Ф., Пшеничникова Н.Ф. Почвы островов и побережья // Дальневосточный морской биосферный заповедник. Исследования. Т. 1., гл. 4. «Почвы и ландшафты». Владивосток: Дальнаука, 2004. С. 251–283.

12. Родникова И.М., Скирина И.Ф. Лихеноиндикация антропогенного воздействия на острова залива Петра Великого (Японское море) // География и природные ресурсы, 2014. № 4. С. 42–48.

13. Селиванова Г.А. К характеристике лесных почв островов залива Петра Великого // Почвоведение, 1987. № 9. С. 125–133.

14. Скирина И.Ф. Лишайники островов и прибрежных участков. // Дальневосточный морской биосферный заповедник. Исследования. Владивосток: Дальнаука, 2004. Т.1. С. 568–571.

15. Скирина И.Ф., Коженкова С.И., Родникова И.М. Эпифитные лишайники Приморского края и использование их в экологическом мониторинге. Владивосток: Дальнаука, 2010. 150 с.

16. Чубарь Е.А. Адвентивные виды сосудистых растений во флоре малых морских островов: типы стратегий, ценотическая активность, уровень адвентизации (на примере Дальневосточного морского заповедника, Приморский край) // Комаровские чтения. Вып. 63. Владивосток: Дальнаука, 2015. С. 128–163.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Ganzej K.S., Ivanov A.N. Landshaftnoe raznoobrazie Kuril'skikh ostrovov // Geografiya i prirodnye resursy. 2012. № 2. S. 87–94.

2. D'yakonov K.N., Ivanov A.N. Ustojchivost' i inertsionnost' geosistem // Vestnik MGU. Ser. 5: Geografiya. 1991, № 1. S. 28–34.

3. Zonn S.V. Osobennosti allitnogo vyvetrivaniya i pochvoobrazovaniya na ostrovakh Primor'ya i Dal'nego Vostoka // Izuchenie i osvoenie prirodnoj sredy. M.: Nauka, 1976. S. 125–137.

4. Ivanov A.N. Problemy izucheniya landshaftov ostrovov // Izv. RGO. 2009. Vyp. 4. S. 4–11.

5. Isachenko A.G. Landshafty SSSR. L.: Izd-vo Leningr. in-ta, 1985. 320 s.

6. Nauchno-prikladnoj spravochnik po klimatu SSSR. Mnogoletnie dannye. Primorskij kraj. L.: Gidromeoizdat, 1988. Ser. 3. Vyp. 26. 416 s.

7. Nedoluzhko V.A., Dobrynin A.P. Rastitel'nyj pokrov ostrova Rikorda v zalive Petra Velikogo (YAponskoe more) // Issledovanie rastitel'nogo pokrova rossijskogo Dal'nego Vostoka. Vladivostok: Dal'nauka, 1999. T. 1. S. 173–192.

8. Prelovskij V.I., Korotkij A.M., Puzanova I.Yu., Saboldashev S.A. Bassejnovyj printsip formirovaniya rekreatsionnykh sistem Primor'ya. Vladivostok: Vladivostokskij filial RTA, 1996. 150 s.

9. Puzachenko Yu.G., D'yakonov K.N., Aleshhenko G.M. Raznoobrazie landshafta i metody ego izmereniya // Geografiya i monitoring bioraznoobraziya. M.: Izd-vo NUMTS, 2002. S 143–302.

10. Pshenichnikov B.F., Golov V.I. Pochvennyj pokrov ostrovov zaliva Petra Velikogo // EHkologicheskoe sostoyanie i resursnyj potentsial estestvennogo i antropogenno-izmenennogo pochvennogo pokrova. Vladivostok: DVO DOP RAN, 1998. S. 47–54.

11. Pshenichnikov B.F., Pshenichnikova N.F. Pochvy ostrovov i poberezh'ya // Dal'nevostochnyj morskoj biosfernyj zapovednik. Issledovaniya. T. 1., gl. 4. «Pochvy i landshafty». Vladivostok: Dal'nauka, 2004. S. 251–283.

12. Rodnikova I.M., Skirina I.F. Likhenoindikatsiya antropogennogo vozdejstviya na ostrova zaliva Petra Velikogo (YAponskoe more) // Geografiya i prirodnye resursy, 2014. № 4. S. 42–48.

13. Selivanova G.A. K kharakteristike lesnykh pochv ostrovov zaliva Petra Velikogo // Pochvovedenie, 1987. № 9. S. 125–133.

14. Skirina I.F. Lishajniki ostrovov i pribrezhnykh uchastkov. // Dal'nevostochnyj morskoj biosfernyj zapovednik. Issledovaniya. Vladivostok: Dal'nauka, 2004. T.1. S. 568–571.

15. Skirina I.F., Kozhenkova S.I., Rodnikova I.M. EHpifitnye lishajniki Primorskogo kraya i ispol'zovanie ikh v ehkologicheskom monitoringe. Vladivostok: Dal'nauka, 2010. 150 s.

16. CHubar' E.A. Adventivnye vidy sosudistykh rastenij vo flore malykh morskikh ostrovov: tipy strategij, tsenoticheskaya aktivnost', uroven' adventizatsii (na primere Dal'nevostochnogo morskogo zapovednika, Primorskij kraj) // Komarovskie chteniya. Vyp. 63. Vladivostok: Dal'nauka, 2015. S. 128–163.

УДК 94

Асташенкова Е.В., Пискарева Я.Е.
Astashenkova E.V., Piskareva Ya.E..

Свидетельства контактов государства Бохай и Японии в раннем средневековье

Evidence of contact Bohai State and Japan in the early Middle Ages

В статье рассматривается несколько категорий источников (летописные, эпиграфические, археологические), касающихся связей государства Бохай и Японии в период раннего средневековья. Указанные источники неравнозначны по информативности и достоверности. Несмотря на большую объективность письменных источников, несомненный интерес представляют данные археологии, пока немногочисленные.

Ключевые слова*: археология, Бохай, Япония, контакты, раннее средневековье*

◆

The article is devoted to study of the relations between Bohai State and Japan in the early Middle Ages based on chronicles, epigraphic, archaeological sources. In spite of the objectivity of the written sources the archeology data are of great interest.

Key words*: archaeology, Bohai, Japan, contacts, the Middle Ages*

Отечественные и зарубежные исследователи уже давно обращаются к проблеме контактов жителей японского архипелага и юга Дальнего Востока в древности. Перспективными в этом отношении являются памятники западного побережья Японии, поскольку именно здесь между обитателями о. Хонсю и о. Хоккайдо и населением средневекового Приморья зафиксированы социально-экономические и политические связи **[5; 8; 9; 11; 14; 16]**. Об этом в большей степени свидетельствуют данные письменных источников (японская летопись «Сёку нихонги»), эпиграфические надписи (стела из Тагадзе) и пока единичные археологические находки, обнаруженные на средневековых памятниках Приморья.

Отношения между Бохаем и империей Тан не всегда были безоблачными. Поэтому, отчасти для того, чтобы противостоять Тан и обеспечить себе международную поддержку, бохайское правительство, возглавляемое Да Уи, стало налаживать отношения с Японией **[6, с. 57; 7, с. 455]**. К этому времени некоторый опыт общения с жителями Японии у средневекового населения Приморья уже имелся. Связи с Японскими

Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ № 15-31-01290

АСТАШЕНКОВА Елена Валентиновна, к.и.н., научный сотрудник Центра политической антропологии, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** astashenkova@mail.ru

ПИСКАРЕВА Яна Евгеньевна, к.и.н., научный сотрудник Центра политической антропологии, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** 7yana7@mail.ru)

островами поддерживали ещё племена мохэ, при этом их путешествия к берегам северной Японии были совершенно обычным делом **[11; 14; 16]**. Именно контактами с мохэскими племенами, например, объясняется более раннее появление оловянных изделий на западном побережье Хоккайдо (в начале VII века), нежели в других районах Японии (конец VII – нач. VIII вв.). Свидетельствами обмена между мохэ и населением Хоккайдо могут служить детали поясного набора и предметы вооружения.

Первая миссия японцев в «страну мохэ» произошла в 720 г. **[2, с. 231]**. А начиная с 727 года, обмены посольствами приобретают регулярный характер, была создана даже т.н. «дорога в Японию» **[7, с. 455; 10, с. 21; 15, с. 30]**. С 727 по 922 годы Бохай только официально 34 раза посылал свои делегации в Японию *(рис.1)* **[16, с. 1; 9, с. 96–97, табл. 1; 22; 7]**. В Бохай из Японии посольства прибывали 14 раз **[19, с. 201–211]**. Предполагают, что ранние технологии железного производства возникли не без влияния обменов между государством Бохай и Японией **[16, с. 7]**. Исследователи разных стран высказывают мнение об изменяющемся характере бохайско-японских отношений: от военной дипломатии с целью заключения союза против Тан или Силла к торговым связям (после 760-х гг.) и, наконец, к культурному обмену (IX в.), когда гражданских лиц в составе посольств становилось всё больше и больше, и, в конце концов, посольство возглавил светский человек **[2; 8, с. 218; 16, с. 7]**. Прибывавшие в Японию посланники, среди которых было не мало поэтов и литераторов, устраивали исполнение бохайской музыки, а из Японии в качестве дара направлялись танцовщицы, которые через 10 лет были переправлены в танский Китай **[8, с. 224–22]**. Через бохайские посольства в страну восходящего солнца попал китайский лунный календарь «Сюань Мин», который применялся в Японии на протяжении 800 лет **[8, с. 232; 13, с. 63; 6, с. 57–58]**. Бохай выступал в качестве посредника в религиозных контактах между японскими и танскими буддистами **[6, с. 57]**.

Кроме государственных контактов велась и частная торговля. Причём, по всей видимости, частные контакты были настолько оживлёнными, что японскому правительству пришлось даже ограничивать их путём издания соответствующих указов **[8, с. 225]**. В качестве предметов обмена с бохайской стороны выступали медведи, барсы, женьшень, мёд, куньи шкуры и др., а вот привозились обратно высококлассные ткацкие изделия (узорчатые ткани, парча, шёлк и пр.), золото, ртуть, арековые веера **[8, с. 222]**. Визиты с запада были важны для японской элиты, которая получала товары роскоши, выполнявшие, в том числе, и функцию символов власти **[3, с. 488]**. Бохайцы были настолько частыми гостями на побережье Японии, что специально для приёма бохайских посольств появляются казённые здания правительства в Этидзене (современная префектура Фукуи) и в Ото (современная префектура Исикава), гостевой двор существовал также в порте Цуруга **[8, с. 216; 16, с. 9, 23]**. При этом в период пребывания посланцам предоставлялось продовольствие, одежда, иногда производился ремонт судов **[8, с. 222; 16, с. 23]**. В летописи «Нихон ко:ки» есть упоминание о том, что один из членов бохайской миссии остался в Японии, дав начало роду Таканива и, обучая местное население бохайскому языку, вероятно, знакомил его и с новыми технологиями **[3, с. 488; 7, с. 460]**. Через Бохай японские посольства возвращались обратно из танского Китая в Японию. Иногда японские послы ездили в Тан в составе бохайских миссий, как, например, в 739 и 740 гг. **[5, с. 236]**. Таким образом, государство Бохай играло роль связующего звена в культурном обмене между Китаем и Японией.

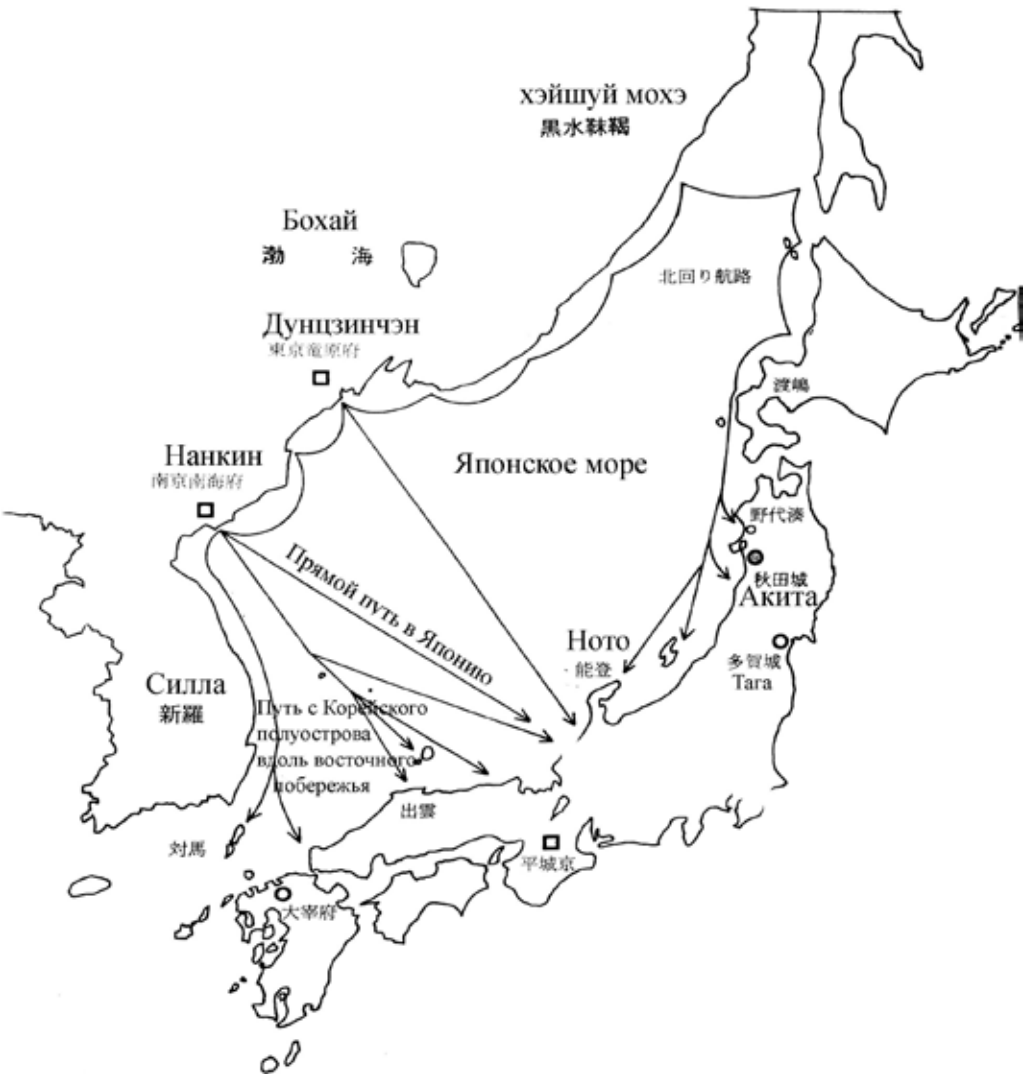

Рис. 1. Контакты Бохая и Японии в средние века
(иллюстрация из экспозиции музея г. Акита, префектура Акита, Япония)

Археологические свидетельства подобных контактов пока единичны. На территории Приморского края перспективным для решения данной проблемы выглядит, безусловно, Краскинское городище, которое является эталонным памятником для изучения бохайской культуры. Оно расположено в Хасанском районе Приморского края в двух км к юго-западу от пос. Краскино, в приустьевой правобережной части долины р. Цукановки. Большинство российских, китайских и корейских исследователей рассматривают его как остатки центра бохайского округа Янь (Соляной), входившего в столичную область Лунъюаньфу в VIII – первой трети X в **[3, с. 478; 12, с. 54; 15]**. Именно это городище рассматривается как «последняя точка на сухопутной «дороге в Японию» **[15, с. 30]**. Кроме того, Краскинское городище располагалось в 70 км от городища Баляньчэн в уезде Хунчунь, провинции Цзилинь, которое исследователи соотносят с Восточной столицей Бохая, из которой путь в Японию начинался **[1, с. 79, 81; 3, с. 478]**. Несмотря на то, что раскопки

на Краскинском городище ведутся уже более 30 лет, материальных свидетельств контактов с населением японского архипелага пока не обнаружено. Исключение, пожалуй, составляет фрагмент бохайского сосуда с прочерченными иероглифами, обозначающими, по версии исследователей, имена японских буддийских монахов Хиротомо и Мититака, которые, в свою очередь, могли иметь отношение к японским посольствам в Бохай, проезжавшим через район Посьета **[4, с. 208–209]**.

В Японии с этой точки зрения интерес представляют археологические памятники северной части острова Хонсю, в частности, крепости Тагадзё (префектура Мияги) и Акитадзё (префектура Акита). Обе были построены правительством Ямато с целью усилить контроль над районом Тохоку, поскольку из-за своей удалённости регион по-прежнему слабо подчинялся центральным властям **[18, с. 6]**. Центром провинции Муцу стал замок Тага, основанный в 724 году в северо-восточной части о. Хонсю. Крепость Акита, учреждённая в 733 году, выполняла функции административного, политического и культурного центра провинции Дэва, образованной в 712 году.

На уникальном эпиграфическом памятнике, стеле из средневекового города Тагадзё указывается что «от Тагадзё <…> до границы страны Мохэ 3000 ли», что соответствует расстоянию от современного японского города Тагадзё, через Японское море до современного Бохайчжэня в Нинъани провинции Хэйлунцзян. Этот факт явно свидетельствует о том, что страна Мохэ, упоминающаяся в надписи, является государством Бохай **[2, с. 231–232]**. Стела, как следует из надписи, была установлена в 762 г. **[20, с. 110]**. Китайские исследователи, опираясь на японскую летопись «Сёку нихонги» указывают, что начиная с 758 г. Японию во главе делегаций посетили три бохайских посла Ян Чэнцин (758 г.), Гао Наньшэнь (759 г.), Ван Синьфу (762 г.). Направленные Японией в Бохай послы Ёко: Рэйкю (760 г.), Ко:ма О:яма (761 г.), а также направленные навстречу послу [в Тан – *перев.*] Фудзивара Кавасуми, Такамото Ватару возвратились во главе делегаций из Бохая[1] **[2, с. 231–232]**.

Прямых свидетельств того, что бохайские посольства посещали крепость Акиту, нет, но известно, что они прибывали в провинцию Дэва семь раз, при этом один из них не был официальным визитом (727 г., 739 г., 746 г., 771 г., 779 г., 786 г., 795 г.). Кроме того, крепость Дэва, став опорной базой для колонизации региона и подчинения народа *эмиси*, согласно «Сёку нихонги» была переименована в замок Акита около 760 г., т.е. около 30 лет после своего основания Акитадзё имело то же название, что и вся провинция.

Помимо прочих объектов на территории замка Акита был обнаружен средневековый туалет. Палеопаразитологические исследования позволили предположить, что туалет в Акита использовался, в том числе людьми, не являвшимися выходцами из Тохоку. Авторы полагают, что они могли приехать из центральных регионов Нара или Киото, и даже из государства Бохай **[17, с. 130]**.

Некоторые находки (керамическая посуда с надписями «порт», «постоялый двор») на археологических памятниках провинции Исикава и Фукуи на западном побережье Хонсю указывают, что в древности это были порты. Археологические исследования этих памятников показали, что наибольший расцвет их приходился на конец IX в., что, по мнению японских учёных, свидетельствует об активизации японо-бохайских отношений **[16, с. 9–10]**.

Данные, имеющие в нашем распоряжении, безусловно, ограничены. Три категории источников очевидно неравнозначны по своей информативности и достоверности. Если летописи и эпиграфика имеют чёткие

[1] Перевод А.Л.Ивлиева.

указания на наличие контактов между Бохаем и Японией, то археологические материалы пока не столь однозначны и немногочисленны. Это объясняется тем, что зафиксировать материальные следы кратковременного пребывания посольств на территории другого государства довольно сложно. Тем не менее, решать проблему взаимодействия материкового и островного населения в эпоху средневековья представляется нам целесообразным, поскольку без этого наши знания о политических, экономических, культурных процессах, происходивших в регионе в древности, будут неполными. Поэтому необходимо выявлять даже незначительные изменения в производственных технологиях, строительстве и фортификации, декоративно-прикладном и изобразительном искусстве, быту и т.п., так как они могут являться результатом сообщения с представителями другой культуры. При этом перспективным представляется комплексный подход с привлечением возможностей как традиционных, так и естественнонаучных методов в археологии.

Литература

1. Болдин В.И., Ивлиев А.Л. Столичные города Бохая // Россия и АТР. Владивосток: Дальнаука, 1997, № 3. С. 77– 98.

2. Вэй Гочжун, Го Сумэй. Об этнической принадлежности основного народа Бохая // Археология и культурная антропология Дальнего Востока и Центральной Азии. Владивосток: ДВО РАН, 2002. С. 229– 234.

3. Гельман Е.И. Взаимодействие центра и периферии в Бохае (на примере некоторых аспектов материальной культуры) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С. 476–516.

4. Гельман Е.И., Болдин В.И., Асташенкова Е.В., Ивлиев А.О., Сергушева Е.А., Лещенко Н.В., Кан Ин Ук, Ким Ын Кук. Отчёт об археологических раскопках на Краскинском городище Приморского края в 2008 г. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Сеул: Фонд изучения истории Северо-Восточной Азии, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2010. 535 с.

5. Иванов А.Ю. Политические и культурные контакты государства Бохай с Японией // Четвертые Гродековские чтения: Материалы региональной научно-практической конференции «Приамурье в историко-культурном и естественно-научном контексте России». Ч. 2. Хабаровск: Краеведческий музей им. Н.И. Гродекова, 2004. С. 234–237.

6. Ивлиев А.Л. Межэтнические контакты в средние века на востоке Азии // Вестник ДВО РАН. 1997. № 1. С. 53–60.

7. Ивлиев А.Л. Очерк истории Бохая // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С.449–475.

8. Масааки У. Древняя Япония и Бохай // Надзо-но ококу – Бохай (Загадочное королевство – Бохай). Токио: Кадогава Сэнсё, 1992. 286 с.

9. Масаёси К. Лагуны и дипломатия Бохая // Надзо-но коку – Бохай (Загадочное королевство – Бохай). Токио: Кадогава Сэнсё, 1992. С. 80–103.

10. Матвеев З.Н. Бохай (Из истории Восточной Азии VIII-Хв.в.) // Труды ДВГУ. № 8: Серия 6. Владивосток: ДВГУ, 1929. 34 с.

11. Никитин Ю.Г. Тан, Бохай и «восточные варвары» (Восточная периферия Бохая) // Российский Дальний Восток в древности и средневековье: открытия, проблемы, гипотезы. Владивосток: Дальнаука, 2005. С.521–541.

12. Сунь Цзиньцзы. Древние народы приморья и Приамурья в китайских письменных источниках // Древняя и средневековая история Восточной Азии. К 1300-летию образования государства Бохай: материалы междунар. конф. Владивосток: ДВО РАН, 2001. С.52–65.

13. Чжань Цзюнь. Особенности развития культуры Бохая // Медиевистские исследования на Дальнем Востоке России. Владивосток: Дальнаука, 1994. С. 57–68.

14. Шавкунов Э.В. Несколько слов о взаимоотношениях Бохая и Японии // Вестник ДВО РАН. 2001. № 3. С. 100–104.

15. Шавкунов Э.В. О судоходстве Приморья в средние века // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. С. 28–35.

16. Kojima Y. The history of relation between Mohe, Bohai and Japanese Islands // The First International Symposium of Bohai Culture (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state). Vladivostok. 1996. P.22–28.

17. Matsui A., Kanehara M., Kanehara M. Paleoparasitology in Japan – Discovery of Toilet Features // Memorias do Instituto Oswaldo Cruz. Vol. 98. Rio de Janeiro, 2003. P. 127–136.

18. Turnbul S. Japanese castles.UK: Osprey publishing, 2008. 63 p.

19. Ван Чэнли. Чжунго дунбэй-дэбохайго юй дунбэйя (Государство Бохай на Северо-Востоке Китая и Северо-восточная Азия). Чаньчунь: Цзилинь вэньши, 2000. 429 с. (на кит.яз.)

20. Исимацу Ё., Кувахара Д. Дазайва и Тагадзё // Серия: Раскопки древней Японии-4. Токио: Иванами, 1987. 171 с. (на яп. яз.)

21. Памятник Акитадзе II. Акита: Издательство комитета образования г. Акиты, 2008. 376 с. (на яп. яз.)

22. Чжу Гочэнь, Вэй Гочжун. Бохай ши гао (Наброски по истории Бохая). Харбин: Хэйлунцзяншэн вэньу чубань бяньцзиши (Редакция издания свода памятников провинции Хэйлунцзян), 1984. 289 с. (на кит. яз.)

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Boldin V.I., Ivliev A.L. Stolichnye goroda Bokhaya // Rossiya i ATR. Vladivostok: Dal'nauka, 1997, № 3. S. 77– 98.

2. Vehj Gochzhun, Go Sumehj. Ob ehtnicheskoj prinadlezhnosti osnovnogo naroda Bokhaya // Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya Dal'nego Vostoka i TSentral'noj Azii. Vladivostok: DVO RAN, 2002. S. 229– 234.

3. Gel'man E.I. Vzaimodejstvie tsentra i periferii v Bokhae (na primere nekotorykh aspektov material'noj kul'tury) // Rossijskij Dal'nij Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. S. 476–516.

4. Gel'man E.I., Boldin V.I., Astashenkova E.V., Ivliev A.O., Sergusheva E.A., Leshhenko N.V., Kan In Uk, Kim Yn Kuk. Otchyot ob arkheologicheskikh raskopkakh na Kraskinskom gorodishhe Primorskogo kraya v 2008 g. (The 2008 Excavation Report on the Krakino Site in Primorsky Krai). Seul: Fond izucheniya istorii Severo-Vostochnoj Azii, Institut istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka DVO RAN, 2010. 535 s.

5. Ivanov A.Yu. Politicheskie i kul'turnye kontakty gosudarstva Bokhaj s YAponiej // CHetvertye Grodekovskie chteniya: Materialy regional'noj nauchno-prakticheskoj konferentsii «Priamur'e v istoriko-kul'turnom i estestvenno-nauchnom kontekste Rossii». CH. 2. KHabarovsk: Kraevedcheskij muzej im. N.I. Grodekova, 2004. S. 234–237.

6. Ivliev A.L. Mezhehtnicheskie kontakty v srednie veka na vostoke Azii // Vestnik DVO RAN. 1997. № 1. S. 53–60.
7. Ivliev A.L. Ocherk istorii Bokhaya // Rossijskij Dal'nij Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. S.449–475.
8. Masaaki U. Drevnyaya YAponiya i Bokhaj // Nadzo-no okoku – Bokhaj (Zagadochnoe korolevstvo – Bokhaj). Tokio: Kadogava Sehnsyo, 1992. 286 s.
9. Masayosi K. Laguny i diplomatiya Bokhaya // Nadzo-no koku – Bokhaj (Zagadochnoe korolevstvo – Bokhaj). Tokio: Kadogava Sehnsyo, 1992. S. 80–103.
10. Matveev Z.N. Bokhaj (Iz istorii Vostochnoj Azii VIII-Xv.v.) // Trudy DVGU. № 8: Seriya 6. Vladivostok: DVGU, 1929. 34 s.
11. Nikitin Yu.G. Tan, Bokhaj i «vostochnye varvary» (Vostochnaya periferiya Bokhaya) // Rossijskij Dal'nij Vostok v drevnosti i srednevekov'e: otkrytiya, problemy, gipotezy. Vladivostok: Dal'nauka, 2005. S.521–541.
12. Sun' TSzin'tszy. Drevnie narody primor'ya i Priamur'ya v kitajskikh pis'mennykh istochnikakh // Drevnyaya i srednevekovaya istoriya Vostochnoj Azii. K 1300-letiyu obrazovaniya gosudarstva Bokhaj: materialy mezhdunar. konf. Vladivostok: DVO RAN, 2001. S.52–65.
13. CHzhan' TSzyun'. Osobennosti razvitiya kul'tury Bokhaya // Medievistskie issledovaniya na Dal'nem Vostoke Rossii. Vladivostok: Dal'nauka, 1994. S. 57–68.
14. SHavkunov EH.V. Neskol'ko slov o vzaimootnosheniyakh Bokhaya i YAponii // Vestnik DVO RAN. 2001. № 3. S. 100–104.
15. SHavkunov EH.V. O sudokhodstve Primor'ya v srednie veka // Materialy po srednevekovoj arkheologii i istorii Dal'nego Vostoka SSSR. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1990. S. 28–35.
16. Kojima Y. The history of relation between Mohe, Bohai and Japanese Islands // The First International Symposium of Bohai Culture (To the 1300 anniversary of the foundation of Bohai state). Vladivostok. 1996. P.22–28.
17. Matsui A., Kanehara M., Kanehara M. Paleoparasitology in Japan – Discovery of Toilet Features // Memorias do Instituto Oswaldo Cruz. Vol. 98. Rio de Janeiro, 2003. P. 127–136.
18. Turnbul S. Japanese castles.UK: Osprey publishing, 2008. 63 r.
19. Van CHehnli. CHzhungo dunbehj-dehbokhajgo yuj dunbehjya (Gosudarstvo Bokhaj na Severo-Vostoke Kitaya i Severo-vostochnaya Aziya). CHan'chun': TSzilin' vehn'shi, 2000. 429 s. (na kit.yaz.)
20. Isimatsu YO., Kuvakhara D. Dazajva i Tagadzyo // Seriya: Raskopki drevnej YAponii-4. Tokio: Ivanami, 1987. 171 s. (na yap. yaz.)
21. Pamyatnik Akitadze II. Akita: Izdatel'stvo komiteta obrazovaniya g. Akity, 2008. 376 s. (na yap. yaz.)
22. CHzhu Gochehn', Vehj Gochzhun. Bokhaj shi gao (Nabroski po istorii Bokhaya). KHarbin: KHehjluntszyanshehn vehn'u chuban' byan'tszishi (Redaktsiya izdaniya svoda pamyatnikov provintsii KHehjluntszyan), 1984. 289 s. (na kit. yaz.)

УДК 395.3

Давлетшин А.И.
Davletshin A.I.

Происхождение и развитие социально-политических терминов в двух традиционных полинезийских обществах – нукерия и рапануи

Origin and development of social and political terms in two Polynesian languages Nukeria and Rapanui

Различия в социально-политической организации между жителями находящегося на крайнем западе полинезийского мира атолла Нукурия и о-ва Рапануи, находящегося на его крайнем востоке, максимально возможные для региона. В работе показано, что на семантическую эволюцию социально-политических терминов обоих народов повлияли организация по принципу конического клана и перестройки в их социальной структуре по сравнению в протополинезийцами.

Ключевые слова*: политическая антропология, историческое языкознание, социально-политические термины, полинезийские общества, о-ва Нукурия, о. Пасхи*

◆

The paper is dedicated to origin and development of socio-political terms in two Polynesian societies. Inhabitants of the westernmost Polynesian atoll Nukuria are very different from the easternmost Polynesian island Rapanui. It has been proposed that semantic development of particular proto-Polynesian terms was partially determined by the principle of conical clan and reorganisation of the ancestral socio-political system.

Key words*: socio-political anthropology, historical linguistics, semantic change, socio-polical terms, Nukuria Islands, Easter Island*

Огромное количество обществ, проживающих на территории Ближней и Дальней Океании, являются непосредственными потомками древней протополинезийской культуры, сложившейся во второй половине первого тыс. до н.э. в Западной Полинезии. Начавшиеся порядка тысячи лет назад колонизация Восточной Полинезии и обратная миграция на запад во Внешнюю Полинезию привели к тому, что проживавшие в относительной изоляции поселенцы под влиянием различным факторов, в первую очередь, экологического и исторического характера, трансформировались в общества разного типа социальной организации и разного уровня политической сложности **[10; 13; 25]**. Благодаря этнографическим, лингвистическим и археологическим данным, мы сегодня относительно хорошо представляем, как было устроено

Статья выполнена при поддержке гранта РГНФ № 15–31-01290 «Культурная эволюция островных обществ Тихого океана».

ДАВЛЕТШИН Альберт Иршатович, к.и.н., научный сотрудник Института восточных культур и античности Российского государственного гуманитарного университета. *(г.* Москва*)*. **E-mail:** aldavletshin@mail.ru

протополинезийское общество и как сильно оно эволюционировало в случае отдельных полинезийских культур **[**14**]**.

Базовой единицей протополинезийского общества была **kainaŋa* «1. группа людей, считающихся себя происходящими от общего предка **tupuna*, 2. земля и места рыбной ловли, которые принадлежат такой группе, 3. простолюдины (не-вожди)». Здесь и далее под звёздочкой приводятся протополинезийские реконструкции, основанные, но не всегда совпадающие с реконструкциями, опубликованными в работах Р. Кларка и Б. Биггса **[11]** и П. Кирха и Р. Грина **[14, с. 201–238]**. Реконструкции сопровождаются компонентными семантическими толкованиями. Транскрипции даются в международном фонетическом алфавите. В кавычках даются переводы: «король» не означает эквивалентности соответствующего полинезийского термина европейскому королю, а лишь указывает толкование, предлагаемое информантами на английском или испанском языке. Во главе **kainaŋa* стоял политический и религиозный лидер, которым автоматически становился самый старший дееспособный мужчина, оказывавшийся на генеалогической верхушке общества согласно принципу конического клана. По всей видимости, этот титул носили связанные с ним кровным родством люди – **ʔariki* «1. вождь (наследственный ранг и титул), 2. кровные родственники вождя (титул тех, кто потенциально мог бы стать вождём согласно своей генеалогии), 3. знать (не-простолюдины)». Каждая **kainaŋa* состояла из нескольких **kaaiŋa* «1. группа людей, образующих одно домохозяйство и проживающих вместе (как правило, большая семья), 2. принадлежавшая этим людям земля». Во главе **kaaiŋa* находился **fatu* «1. глава **kaaiŋa* (самый старший дееспособный мужчина), 2. владыка, хозяин участка земли». Слово **kaaiŋa*, по всей видимости, происходит от глагола **kai* «населять место, проживать» и означает буквально «население», т.е. «люди земли», в то время как **fatu* также означает «камень», отсюда «сущность» и «основание». Необходимо отметить, что значение «камень» является первичным, а также то, что для полинезийцев характерны генеалогические метафоры, в которых предки и значимые люди, выступают как «опора, основание, фундамент, пень или ствол дерева», в то время как потомки и простолюдины сравниваются «маленькими ветвями (дерева, которое изображает всё общество целиком)». С меньшей надёжностью на протополинезийский уровень реконструируются термины, рефлексы которых обнаруживаются в ограниченном числе языков, такие как **mata* «группа людей, возможно, включавшая в себя несколько **kainaŋa*2, также «глаз, лицо, ячейка сети», **sau* «ненаследственный лидер», также «ветер, дыхание, нрав, темперамент». Полагаю, что можно отдельно реконструировать «рыболовецкую команду» как объединённую на хозяйственных основаниях группу людей (как правило, связанных родством, но не только кровным), которые сообща ловят рыбу, а также владеют лодкой и рыболовными снастями, ср. **kau-waka* «команда каноэ» и **faaʔoa* «команда каноэ, группа связанных родством людей». В её главе стоял «глава рыболовецкой команды» **tau-tahi*.[1] Реконструируются термины **taaula-ʔatua* «пророк и медиум», букв. «якорь бога», **toʔa* «воин, храбрец» и **tufuŋa* «знаток, искусный (в том числе, «знаток заклинаний» и «плотник»)»[2]. Неясно, следует ли

---

[1] Мне представляется, что рыболовецкая команда играла важную роль в социальной организации протополинезийцев. Впрочем, это может быть обусловлено моим опытом полевой работы с внешнеполинезийскими народами, у которых рыболовецкая команда играет важную роль **[12, с. 97, 122–127]**.

[2] В работе П. Кирха и Р. Грина [14] также предложено реконструировать **fatu-ʔariki* «глава наиболее высокоранжированной *kaaiŋa*». Распределение рефлексов этого слова по дочерним языкам не позволяют реконструировать его на протополинезийском уровне.

описывать реконструируемое общество как вождество или нет, поскольку неизвестны его размеры, однако видно, что оно было основано на социальном ранжировании, причём, в его структуре преобладали кровнородственные отношения, а статус индивида определялся в первую очередь его генетическим родством с главой общества. В реконструированной системе социальных терминов наблюдаются, по крайней мере, два уровня поселенческой и социальной иерархии.

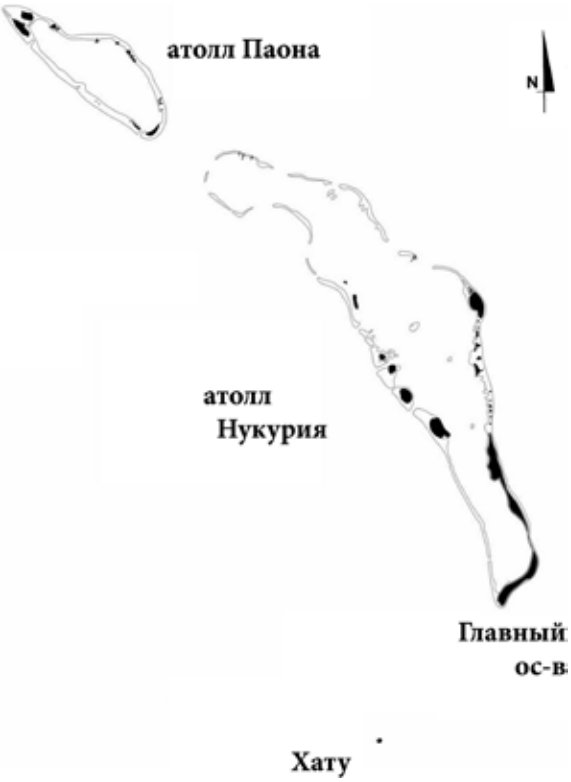

Рис. 1. Карта островов, принадлежащих нукерия. Рисунок автора по спутниковой карте.

До сих пор отсутствуют работы, посвящённые проблеме происхождения социально-политических терминов и их семантическому развитию в отдельных полинезийских языках, что особенно интересно в тех случаях, когда структура общества сильно менялась. Этимологическое исследование может показать, как люди некоторого общества в некоторый момент истории представляли себе определённые социальные роли и какие смыслы могут стоять за социально-политическими терминами в целом. Привожу здесь попытку подобного рода анализа на примере двух сильно отличающихся по своей структуре между собой и по сравнению с протополинезийским обществ – нукерия (о-ва Нукурия, Папуа-Новая Гвинея, провинция Бугенвиль) и рапануи (о-в Пасхи, Чили).

Реконструкция доконтактной социально-политической организации нукерия проводится по материалам устной истории, полученным автором в ходе экспедиции 2013 г. [ср. **19; 20; 26**][1]. Я использую термин «нукерия» для обозначения людей, проживающих на атолле Нукурия, и языка, на котором они говорят, по настоянию моих информантов, которые считают «нукурия» словом так называемого «торгового языка». Порядка 400 нукерия проживают на значительном удалении от какой-либо другой земли в двух деревнях на атолле Нукурия, состоящего из нескольких десятков островов разного размера (общая площадь островов порядка 10 кв. км, *рис. 1*). Им также принадлежат атолл Паона и скала в море Хату, на которых поселений нет. Все нукерия являются потомками пятнадцати человек, переживших эпидемии в конце XIX в. и переселённых с главного острова на о-в Пухурия **[20]**. Трудно себе представить, что до прихода европейцев население атолла могло превышать несколько сотен человек. Уже в доисторические времена нукерия регулярно контактировали и обменивались брачными

[1] Полевое исследование было поддержано грантом Фонда фундаментальных лингвистических исследований (2012) и Программой стратегического развития РГГУ (2013).

партнёрами с луангиуа, нукуману и таку (полинезийскими народами Папуа-Новой Гвинеи и Соломоновых о-вов). Общество нукерия представляет собой яркий пример адаптации к жизни на атоллах – это культура кокосовой пальмы, болотного таро, морской черепахи и гигантского моллюска тридакны. Тридакну не только добывают, но и выращивают в специальных «садах» в море. До прихода европейцев раковина тридакны была единственным источником материала для изготовления тёсел и топоров, поскольку пригодного для обработки камня на атоллах нет. Важную экономическую роль играет северо-западная оконечность островов *pantai*, куда сезонные ветры приносят плавник, а вместе с ним, еду, рыболовные поплавки, верёвки и пригодное для обработки дерево.

Острова атолла Нукурия и земли его главного острова поделены между четырьмя *mataapaa* или, как их называют нукерия, «кланами» – *Avela*, *Hauma*, *Te Perurani* и *Tahaa*. Атолл Паона целиком принадлежит *Te Perurani*. Термин *mataapaa* используется как по отношению к самой социальной группе, так и к земле главном острове, маленьким островам и рыбным стоянкам, которые этой группе принадлежат. Во главе каждого из *mataapaa* стоит *hoto-ariki* ~ *hato-ariki* «верховный вождь», которым становится самый старший дееспособный мужчина из знатных родов. Потенциальные вожди называются *atariki*, в то время как термин *ariki* «Простолюдины, люди незнатного происхождения» называются *puaka*. У каждого *mataapaa* раньше была своя «деревня» *matakaaina* на главном острове, своё «боевое каноэ (использовавшееся во время войн между *mataapaa*, а также для ловли черепахи и тунца)», *vaka-velo*, «открытое место (где исполнялись ритуалы и хранились черепа умерших вождей)», *marae*, «дом, где хранились священные предметы», *hare-e-tapu*, букв. «запретный дом», и «мужской дом» *hare-poe*, где ночевали неженатые мужчины и чужеземцы и куда взрослые мужчины приходили, чтобы пить вино из соцветий кокосовой пальмы *kareve*, общаться и учить молодых. У каждого *mataapaa* до сих пор есть свои «сады болотного таро» *keri* и свой «запретный остров» *henua-tapu*, где гнездятся птицы и где можно находиться только с разрешения «верховного вождя». Если человека уличали в краже еды, его надлежало предать смерти. Будучи уличённым, человек бежал и искал спасения у одного из четырёх вождей. Если вождь поднимал руку, то жизнь вора была спасена, однако он и его потомки становились рабами этого вождя *tama-hatapatapa*. Хотя нукерия настаивают на переводе «верховный вождь (англ. *paramount chief*)» для термина *hato-ariki*, видно, что все вожди были по статусу равны, являясь главами групп социально-территориальной единицы *mataapaa*, которая представляет собой стратифицированную общину (сопоставимой с протополинезийской **kaaiŋa*). Устная история гласит, что Великий Соа пытался подчинить все «кланы» островов, но был убит европейцами.

Каждая деревня состояла из отдельных домохозяйств *hare*, включавших «дом, в котором спят (также *hare*)» и «дом-кухню, где готовят еду» *hare-vaka* (происходящего из «шалаш, навес для лодки», букв. «дом лодочный»). Во главе домохозяйства находился *ha-matua* «старейшина, лидер, тот, кто имеет право голоса на собрании». Происхождение запретов на употребление определённого вида рыбы для каждого «клана», а также основание деревень и садов таро устанавливается в мифе творения нукерия. Согласно Р. Паркинсону **[20]** вожди острова ведут своё происхождение от *Roatuu*, которая в записанном мной тексте выступает как прародительница «всех птиц наверху, всех рыб внизу», т.е., прародительница всего живого, за исключением великих духов *aitu* и приплывших на каноэ первых людей.

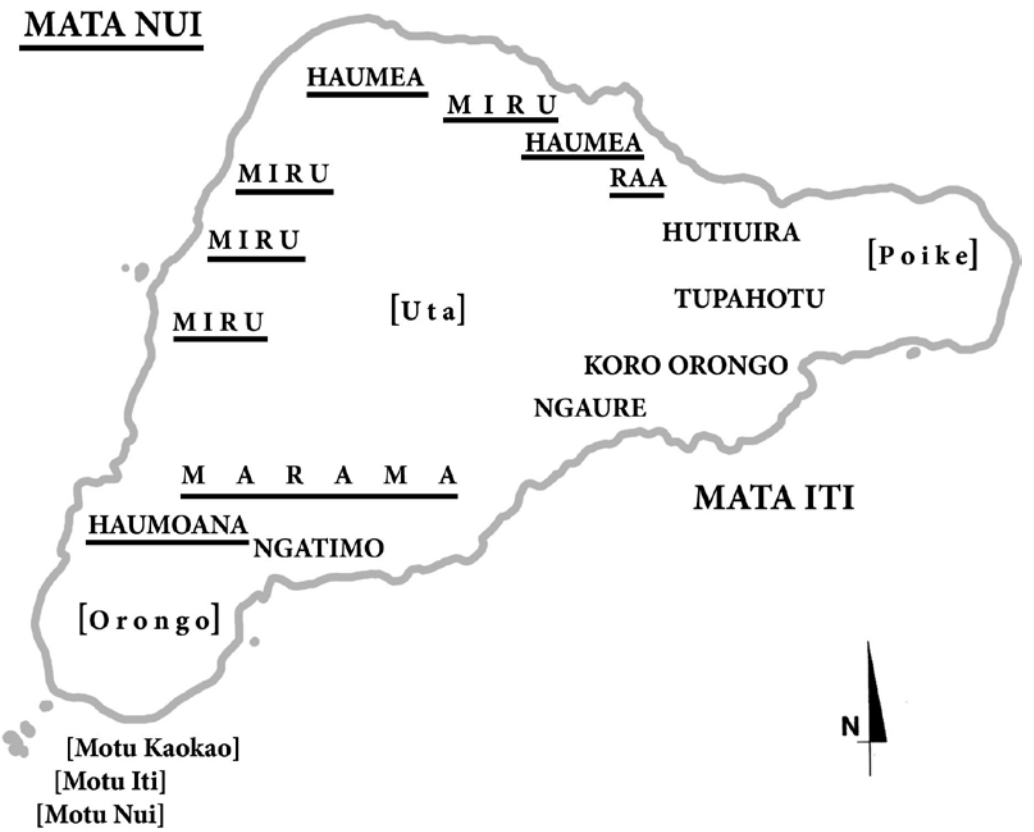

Рис. 2. «Племена» о-ва Пасхи по данным К. Раутледж **[см. 23, с. 222]**. Названия «племён» даны прописными буквами; «племена», входящие в союз «Больших мата», подчёркнуты. Название земель в общем пользовании (не принадлежавших ни одному из мата) даны в квадратных скобках. Обратите внимание, что некоторые «племена» имели разорванную территорию проживания. Рисунок автора.

Видно, что нукерийское общество весьма похоже на реконструируемое протополинезийское общество с важным отличием – по крайней мере, один уровень социальной структуры, т.е. **kainaŋa* и её лидер отсутствуют. Этимологический анализ терминов нукерия в свете протополинезийского словаря показывает, что противопоставление между знатными людьми и простолюдинами сохранилось, однако для них используются новые термины: протополинезийское **ʔatariki* означает «старший сын» и **puaka* – «свинья». Роль генеалогической метафоры можно видеть в термине *ha-matua* «старейшина, лидер *mataapaa*», что буквально означает «тот, который ведёт себя как отец/мать (по отношению к членам семьи)», ср. **matuʔa* «1. родственники поколения родителей, прототипически, отец и мать, 2. взрослый, старый, 3. Главный». Интересно, что протополинезийское **ʔariki* «вождь» возможно также происходит из **ʔatariki* «старший сын», поскольку протополинезийские термины родства и титулы (звательные формы) иногда показывают потерю слогов. Термин *hato-ariki* происходит из **fatu* «глава **kaaiŋa*, хозяин» и **ʔariki* «вождь, человек знатного происхождения». Можно предположить, что в заселении атолла не участвовали люди знатного рода (**ʔariki*), поэтому исходные титул и ранг были потеряны, а для соответствующей социальной роли стал использоваться новый титул **fatu-ʔariki*, букв. «владыка знатный».

Слово *ariki* сохранилось только в значении «приближённые к вождю, свита». Термин «раб» может быть проинтерпретирован как «тот, кто на грани (т.е. изгой)» или «тот, кто взывает (к вождю о спасении, см. выше)», ср. **tapa* «1. граница, грань, край, 2. называть (именем), провозглашать, взывать». Первая интерпретация кажется более правдоподобной. Термин «клан» *mataapaa* этимологизируется как «люди огороженного места» и «деревня» *matakaaina* как «люди земли, общинники», ср. **paa* «изгородь, огороженное место, укреплённое поселение».

Реконструкция социально-политической организации рапануи приводится по этнографическим работам **[6; 8; 17; 18; 23]** и, в конечном счёте, основана на материалах устной истории **[**ср. **1, с. 120–165; 3; 13; 16; 25]**. Остров Пасхи (порядка 163 кв. км) представляет собой наиболее изолированное обитаемое место на планете. В доконтактные времена его население, вероятно, составляло порядка 10000 человек, возможно, более, на момент открытия острова – не менее 2000; все современные рапануи являются потомками 111 человек, выживших к 1877 г. Холодные воды острова бедны рыбой и морепродуктами, основными источниками питания были корнеплоды (батат, ямс, таро), куры и практически исчезнувшие к приходу европейцев морские птицы и их яйца.

Основой социальной структуры рапануи были десять *(см. рис. 2)* по некоторым источникам, двенадцать, *mata* «1. люди, объединяемые воображаемым родством (по отцовской линии), 2. им принадлежащая земля», которых источники называют «племенами» или «кланами» (англ. *tribe*, также *clan*, исп. *tribu*). Важно отметить, что существовали земли, не принадлежавшие ни одному из мата, т.е. принадлежавшие всем рапануи, в том числе островки к юго-западу от острова, где гнездятся птицы. Во главе *mata* находился *ʔariki* «вождь», которым автоматически становился старший сын (*ʔatariki*) вождя. Термин *ʔariki* также обозначал «знать» и «сверхъестественное, божественное существо», а титул *ʔariki-paka* букв. «сухой/тощий вождь» автоматически получали все люди главного мата *Miru*, чей вождь считался вождём всего острова и назывался, согласно одним источникам, *ʔariki-maʔu,* букв. «вождь твёрдый/держащий», согласно другим, *ʔariki-henua,* букв. «вождь земли (мира)». Анализ фольклорных текстов показывает, что термин «вождь» *ʔariki* используется в этом же смысле, а специальные термины для «верховного вождя» *ʔariki-henua* и *ʔariki-maʔu* встречаются в текстах очень редко **[8]**. Сами рапануи часто переводят этот термин словом «король, царь». У верховного вождя была своя резиденция, доступ в которую простолюдинам был запрещён под страхом смертной казни. Его обслуживали особые слуги *tuʔura* «тот, кто возделывал поля верховного вождя и ловил ему рыбу (букв. «приставленный», если считать *-ra* старым суффиксом пассива)» и *hakapapa* «тот, кто готовил и подавал верховному вождю еду», букв. «упорядочивающий, ставящий», которыми могли стать только люди из мата *Miru*. Власть вождя была во многом магического свойства, связанная с разного рода запретами (табу), в его обязанности входило обеспечивать хороший урожай, приплод курицы и улов рыбы. Согласно преданиям, вожди мата ведут своё происхождение от сыновей легендарного верховного вождя *Hotu-Matuʔa*, заселившего остров: умирая, он назначил каждому из своих сыновей одно мата во владение. Жрецы *ivi-ʔatua* букв. «кости/сила бога» также были из *Miru*, в то время, как «мудрецы, эксперты и ремесленники (в том числе «строители лодок», «знатоки иероглифического письма2, «знатоки татуировки2 и т.д.)» *maʔori* могли быть незнатного происхождения, называемые *uru-manu* «простолюдины, люди родом не из мата *Miru*».

Каждое мата состояло из отдельных «линиджей» *ure*, которые представляли собой «группы, связанные воображаемым родством по

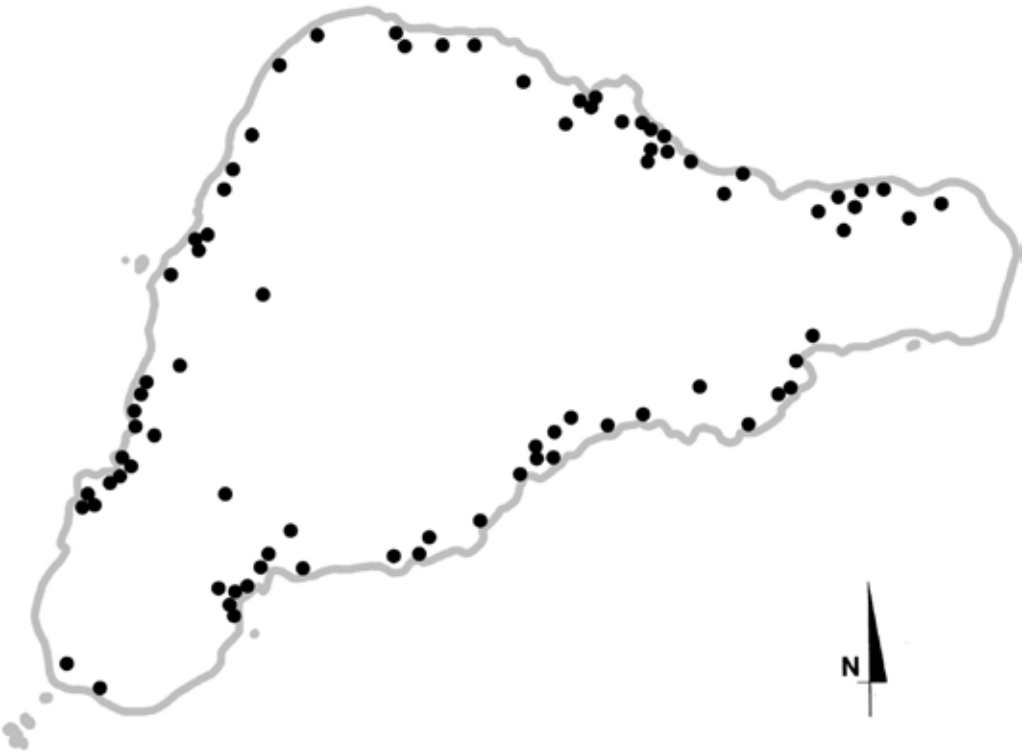

Рис. 3. Карта распределения святилищ со статуями на о-ве Пасхи.
Рисунок автора **[см. 21, с. 13]**

отцу, а также земли, которые им принадлежали». Они в свою очередь состояли из отдельных домохозяйств, которым соответствовали «большие семьи» *ivi*. Каждое *ure* имело выход к морю, поблизости от которого располагались «святилища со статуями, изображавшими легендарных предков» *ʔahu* и «общинный дом» *hare-nui* или *hare-paeŋa*, букв. «дом большой» и «дом на каменном фундаменте» соответственно. Чем ближе к морю, тем выше был уровень домохозяйства. Каждое домохозяйство располагало, по крайней мере, одним «жилым домом» *hare*, курятником «*hare-moa*», «местом для земляной печи» *ʔumu*, посадками растений и «каменными садами» *manavai*. Термин для обозначения главы *ure* не упоминается эксплицитно в источниках, возможно, им был *honui* «1. уважаемый человек, авторитет, 2. престиж, почтение, щедрость». Глава большой семьи мог называться *koro*, букв. «отец». Есть ещё другие термины для обозначения социальных групп, они редко встречаются в текстах и их точное значение установить не представляется возможным: *huaʔai* «потомки, группа родственников», *mahiŋo* «семья (в широком смысле слова), люди под опекой одного человека», *paeŋa* «(большая) семья, люди одного *hare-paenga* (дом с каменным фундаментом, общинный дом, ср. также *hare* «семья», букв. «дом»), и *tumu* «группа людей, к числу которых относятся потенциальные брачные партнёры». Первое из них – заимствование из таитянского *huāʔai* «потомки, потомство». Важно отметить, что С. Энглерт и А. Метро дают разные термины, последний мог быть под влиянием мангаревских материалов, с которыми он ранее работал. Возможно, что в прошлом указанные термины различали родство по месту проживания (*mahiŋo, hare-paeŋa*) и родство по происхождению (*ure*, *ivi*) для двух нижних уровней социальной

организации. Можно предположить, что *kāiŋa* «земля, страна, родина» в доконтактные времена указывала на 2земли, принадлежащие одному мата».

Можно выстроить следующую иерархию социально-территориальных групп на о-ве Пасхи: большая семья, уре, мата и остров в целом. Таким образом, общество рапануи представляло собой сложное вождество, объединённое под властью верховного вождя **[***см.* **2]**. Устная история рапануи говорит о том, что в поздние времена верховный вождь превратился в сакрального правителя, а фактическую власть перешла к военным лидерам *mata-toʔa* «глава, предводитель мата», опиравшихся на своих дружинников *paoa*, букв. «палица». Тем не менее, в это время существовало два «альянса племён», называемые *Tuʔu-ʔAro*, букв. «группа впереди», и *Tuʔu-Hotu-ʔIti*, букв. «группа маленьких владык». Первые также назывались *Mata-Nui* «большие мата», а вторые *Mata-ʔIti* – «малые мата». Таким образом, структура сложного вождества с верховным вождём, вождями, главами линиджей и главами домохозяйств продолжала сохраняться. Приведённая выше реконструкция социально-политической организации согласуется с археологическими данными: распределение святилищ со статуями на карте *(рис. 3)* позволяет не только выявить противопоставления между двумя сложными вождествами, называемыми «союзами племён» в источниках, но и между отдельными внутри них **[4]**.

В позднее время сложился особый институт власти. В период, когда морские птицы начинают гнездиться, между мата устраивались соревнования. Правитель каждого из них выбирал своего слугу *hopu*, букв. «купание, ныряние», который должен был доплыть до о-ва Моту-Нуи, найти там птичье яйцо и принести его своему вождю. Вождь хопу, добывшего первое яйцо, превращался на год в сакрального правителя всего острова *taŋata-manu*, букв. «птицечеловек», а его мата получало власть над остальными и в буквальном смысле грабило и разоряло их. Особую роль играли *kio* «1. рабы, безземельные люди, 2. побеждённые в войне, беглецы, укрывающиеся в пещерах». Значение «рабы» происходит из «побеждённые в войне».

Рапануйское общество представляет собой развитие и усложнение исходной протополинезийской социальной структуры, и в соответствии с этим у рапануи оформились специальные термины путём модификации исходных «вождь земли (мира)» или «вождь твёрдый/держащий» для верховного вождя, «группа (мата)» для сложного вождества. Термин вождь при этом сохранил своё второе значение «знатный по происхождению человек», в то время как простолюдинов стали называться буквально «птичьими головами», принимая во внимание значение **manu* «птица, животное вообще», перевод «скот» может быть более точным, ср. **ʔulu* «голова, верхушка». Мангаревское заимствование здесь маловероятно, ср. *ʔuru-manu* «простолюдин», букв. «скотского сорта, животной природы», однако транскрипция А. Метро **[18, с. 129]** *huru-manu* представляет собой точное соответствие мангаревскому слову. Термин *mata-toʔa* «глава племени, военный лидер» буквально означает «лицо отважное, храбрец, воин». Этимология слова *honui* проблематична, возможно, от **soo-* «давать» и nui «большой, много», отсюда «щедрость» и по смежности «авторитет». Новые термины для социальных групп в рапануи создаются на основе генеалогических метафор, см. **ivi* «кость», **paeŋa* «1. каменная платформа, основание, фундамент, 2. Граница», **tumu* «ствол дерева, основание, причина», **ule* «мужской орган», отсюда также «парень». Протополинезийское «кость» показывает сходное семантическое развитие в маори «социальная группа, объединяемая родством и землёй (англ. *tribe*)» и в мангарева «семья, генеалогия». Здесь можно вспомнить,

что полинезийцы рассматривали кости как вместилище божественной силы, а также видеть в этом метафору общего тела или общих далёких предков, которые буквально представляют собой кости.

Интересно отметить, что изданный в 1988 г. советом старейшин рапануи перечень «племён», «линиджей», а также принадлежащим им «мест» и «людей» **[5]**, называет «племена» *ure*, а «линиджи» – *paeŋa*. По всей видимости, по мере разрастания исходных социальных групп «линиджи» в соответствии с принципом конического клана превратились в отдельные «вождества», а «большие семьи» – в «линиджи». Во время моей полевой работы в 2015 г. на о-ве Пасхи термин *mata* не употребляли, и мои информанты не могли объяснить его значение.

В заключении необходимо подчеркнуть, что значение социально-политических терминов не существует вне социального контекста и без надлежащего политантропологического описания не может быть установлено, ср. нукерия *hato-ariki* и рапануи *ʔariki-henua*, которые переводятся как «(верховный) вождь», но означают абсолютно разные социальные роли. Этимологическое исследование таких терминов на примере нукерия и рапануи показывает, что в полинезийских обществах такие термины склонны возникать и трансформироваться, что очевидно связано с изменением структуры полинезийских обществ в процессе их расселения и исторического развития. Новые титулы и термины для социальных групп образуются на основе терминов родства и генеалогических метафор. Термины для простолюдинов основаны на их противопоставлении вождям по признаку «животное, не-человек/человек, не-животное», в то время как термины для рабов – на обозначениях для низших социальных ролей «изгой» и «беглец». Перспективным представляется расширение данного исследования за счёт материалов других хорошо описанных полинезийских групп **[***см.* **11]**. В будущем этимологическое исследование, проведённое на материале разных полинезийских обществ, поможет уточнить реконструкцию социальной структуры протополинезийцев.

◆

Литература

1. Бутинов Н.А. Социальная организация полинезийцев. М.: Наука, 1985.
2. Крадин Н.Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М.: Вост. лит., 1995, С. 11–61.
3. Фёдорова И.К. О власти верховного вождя на острове Пасхи // Прошлое и настоящее Австралии и Океании. М.: Наука, 1979. С. 192–214.
4. Davletshin, Albert. Spatial distribution of the ahus and political structure of Pre-European Easter Island society // Third International Conference "Hierarchy and Power in the History of Civilizations" (Moscow, Juny 18–21, 2004). Moscow: Russian Academy of Sciences, 2004. P. 94–95.
5. El Consejo de Jefes de Rapa Nui, Alberto Hotus y otros, eds. Te Mau Hatu o Rapa Nui: Los Soberanos de Rapanui. Pasado, Presente y Futuro de Rapanui. Santiago: Emisión, 1988.
6. Englert, Sebastián. La tierra de Hotu Matu'a: historia, etnología y lengua de la Isla de Pascua. Santiago: Padre Las Casas, 1948.
7. Englert, Sebastián. Idioma Rapanui: gramática y diccionario del antiguo idioma de la Isla de Pascua. Santiago: Universidad de Chile, 1978.

8. Englert, Sebastian. Legends of Easter Island: Bilingual texts. Santiago: Museum Store, 2002.
9. Fuentes, Jordi. Diccionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua. Santiago: Andrés Bello, 1960.
10. Goldman, Irving. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970.
11. Greenhill, Simon J., and Ross Clark. POLLEX-Online: The Polynesian lexicon project online // Oceanic Linguistics. 2011. Vol. 50. P. 551–558. See also: http://pollex.org.nz/.
12. Hogbin, H. Ian. Law and order in Polynesia: A study of primitive legal institutions. London: Christophers, 1934.
13. Kirch, Patrick Vinton. The evolution of Polynesian chiefdoms. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
14. Kirch, Patrick Vinton, and Roger C. Green. Hawaiki, Ancestral Polynesia: An essay in historical anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.
15. Lemaître, Yves. Lexique du tahitien contemporain: tahitien-français, français-tahitien. Paris: Editions de l'ORSTOM, 1995.
16. McCoy, Patrick Carlton. Easter Island settlement patterns in the Late Prehistoric and Protohistoric Periods. Easter Island Committee, International Fund for Monuments, Bulletin 5. Washington D.C., 1976.
17. Métraux, Alfred. Kings of Easter Island // Journal of the Polynesian Society 1937. Vol. 46. P. 41–62.
18. Métraux, Alfred. Ethnology of Easter Island. BPBM Bulletin 160. Honolulu, 1940.
19. Parkinson, Richard. Zur Ethnographie de Ongtong Java- und Tasman-Inseln, mit einigen Bemerkungen über die Marqueen- und Abgarris-Inseln // Internationales Archiv für Ethnographie. 1897. Bd. 10. S. 104–118, 137–151.
20. Parkinson, Richard. Dreißig Jahre in der Südsee. Land und Leute, Sitten und Gebräuche im Bismarckarchipel und auf den deutschen Salomoinseln. Stuttgart: Strecker & Schröder, 1907.
21. Poussart, Annick, Rachel Martinez, Pamela Ireland et Terry Knowles. Île de Pâques: Le grand voyage. Montreal: The Montreal Museum of Archaeology & History, Pointeà-Callière, 2010.
22. Rensch, Karl H. Tikitionario mangareva-'arani/Dictionnaire mangarévien-français. Canberra: Archipelago Press, 1991.
23. Routledge, Katherine. The Mystery of Easter Island. London: Hazell, Watson and Viney, 1919.
24. Safert, Ernest, und Hans Damm. Luagiua und Nukumanu, mit Anhang über Sikayana, Nuguria, Tauu und Carteret-Inseln. Halbband 2: Soziale Verhältnisse und Geisteskultur. Hamburg: Friedrichsen, De Gruyter, 1931.
25. Sahlins, Marshall D. Social stratification in Polynesia. Monograph of the American Ethnological Society. Seattle, 1958.
26. Thilenius, Georg. Ethnographische Ergebnisse aus Melanesien. Halle: Ehrhardt Karras, 1902.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Butinov N.A. Sotsial'naya organizatsiya polinezijtsev. M.: Nauka, 1985.
2. Kradin N.N. Vozhdestvo: sovremennoe sostoyanie i problemy izucheniya // Rannie formy politicheskoj organizatsii: ot pervobytnosti k gosudarstvennosti. M.: Vost. lit., 1995, S. 11–61.
3. Fyodorova I.K. O vlasti verkhovnogo vozhdya na ostrove Paskhi // Proshloe i nastoyashhee Avstralii i Okeanii. M.: Nauka, 1979. S. 192–214.
4. Davletshin, Albert. Spatial distribution of the ahus and political structure of Pre-European Easter Island society // Third International Conference "Hierarchy

and Power in the History of Civilizations" (Moscow, Juny 18–21, 2004). Moscow: Russian Academy of Sciences, 2004. P. 94–95.

5. El Consejo de Jefes de Rapa Nui, Alberto Hotus y otros, eds. Te Mau Hatu o Rapa Nui: Los Soberanos de Rapanui. Pasado, Presente y Futuro de Rapanui. Santiago: Emisión, 1988.

6. Englert, Sebastián. La tierra de Hotu Matu'a: historia, etnología y lengua de la Isla de Pascua. Santiago: Padre Las Casas, 1948.

7. Englert, Sebastián. Idioma Rapanui: gramática y diccionario del antiguo idioma de la Isla de Pascua. Santiago: Universidad de Chile, 1978.

8. Englert, Sebastian. Legends of Easter Island: Bilingual texts. Santiago: Museum Store, 2002.

9. Fuentes, Jordi. Diccionario y gramática de la lengua de la Isla de Pascua. Santiago: Andrés Bello, 1960.

10. Goldman, Irving. Ancient Polynesian Society. Chicago: University of Chicago Press, 1970.

11. Greenhill, Simon J., and Ross Clark. POLLEX-Online: The Polynesian lexicon project online // Oceanic Linguistics. 2011. Vol. 50. P. 551–558. See also: http://pollex.org.nz/.

12. Hogbin, H. Ian. Law and order in Polynesia: A study of primitive legal institutions. London: Christophers, 1934.

13. Kirch, Patrick Vinton. The evolution of Polynesian chiefdoms. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.

14. Kirch, Patrick Vinton, and Roger C. Green. Hawaiki, Ancestral Polynesia: An essay in historical anthropology. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

15. Lemaître, Yves. Lexique du tahitien contemporain: tahitien-français, français-tahitien. Raris: Editions de l'ORSTOM, 1995.

16. McCoy, Patrick Carlton. Easter Island settlement patterns in the Late Prehistoric and Protohistoric Periods. Easter Island Committee, International Fund for Monuments, Bulletin 5. Washington D.C., 1976.

17. Métraux, Alfred. Kings of Easter Island // Journal of the Polynesian Society 1937. Vol. 46. P. 41–62.

18. Métraux, Alfred. Ethnology of Easter Island. BPBM Bulletin 160. Honolulu, 1940.

19. Parkinson, Richard. Zur Ethnographie de Ongtong Java- und Tasman-Inseln, mit einigen Bemerkungen über die Marqueen- und Abgarris-Inseln // Internationales Archiv für Ethnographie. 1897. Bd. 10. S. 104–118, 137–151.

20. Parkinson, Richard. Dreißig Jahre in der Südsee. Land und Leute, Sitten und Gebräuche im Bismarckarchipel und auf den deutschen Salomoinseln. Stuttgart: Strecker & Schröder, 1907.

21. Poussart, Annick, Rachel Martinez, Pamela Ireland et Terry Knowles. Île de Pâques: Le grand voyage. Montreal: The Montreal Museum of Archaeology & History, Pointeà-Callière, 2010.

22. Rensch, Karl H. Tikitionario mangareva-'arani/Dictionnaire mangarévien-français. Canberra: Archipelago Press, 1991.

23. Routledge, Katherine. The Mystery of Easter Island. London: Hazell, Watson and Viney, 1919.

24. Safert, Ernest, und Hans Damm. Luagiua und Nukumanu, mit Anhang über Sikayana, Nuguria, Tauu und Carteret-Inseln. Halbband 2: Soziale Verhältnisse und Geisteskultur. Hamburg: Friedrichsen, De Gruyter, 1931.

25. Sahlins, Marshall D. Social stratification in Polynesia. Monograph of the American Ethnological Society. Seattle, 1958.

26. Thilenius, Georg. Ethnographische Ergebnisse aus Melanesien. Halle: Ehrhardt Karras, 1902.

УДК 94(571.6)

Павлов П.Ю., Землянский В.Л.
Pavlov P.Yu., Zemlyanskij V.L.

Политический кризис в Приморье и Приамурское Народное собрание в июне 1922 г.

The political crisis in Primorye and of the Priamursky National assembly in June 1922

Цель статьи состоит в исследовании деятельности Приамурского Народного собрания в период противостояния с Временным Приамурским правительством в июне 1922 г. Исходя из цели были определены следующие задачи: проанализировать причины, приведшие к противостоянию депутатов и членов правительства; охарактеризовать действия парламентариев по организации свержения власти главы правительства С.Д. Меркулова, а также рассмотреть заседания Приамурского Народного собрания во время политического кризиса. В итоге, в первых числах июня в Приморье Народное собрание избрало новое правительство и готовилось к выборам в представительный орган власти на основе всеобщего избирательного права.

Ключевые слова*: Приамурское Народное собрание, Временное Приамурское правительство, Приморская область*

◆

The purpose of this article is to investigate the activities of the National Assembly of the Amur during the confrontation with the Provisional Government Priamurskaya in June 1922. Based on the goals were set tasks: to analyze the reasons that led to the confrontation between the deputies and members of the government; describe the deputies of action for the organization of the overthrow of the head of government S.D. Merkulov, and consider the session of the Priamursky National assembly during the political crisis. As a result, in early June in Primorye National assembly elected a new government and prepare for elections by universal suffrage in the representative bodies.

Key words*: Priamursky National assembly, the Provisional Priamursky government, Primorye region*

В современной политической ситуации в России практически исключена возможность противостояния между парламентом и главой государства. Однако намерения парламентариев добиться от верховной власти права формирования правительства и его ответственности перед законодателями были одним из важных моментов политической борьбы в начале XX в. Гражданская война в России способствовала созданию представительных органов власти в различных регионах страны. Парламент Приамурского государственного образования – Приамурское

ПАВЛОВ Петр Юрьевич, к.и.н., доцент кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета *(г. Комсомольск-на-Амуре)*, **E-mail:** PYPavlov@list.ru

ЗЕМЛЯНСКИЙ Вадим Леонидович, аспирант кафедры истории и юриспруденции Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета *(г. Комсомольск-на-Амуре)*. **E-mail:** groningen1991@gmail.com

Народное собрание, в середине 1922 г. вступил на путь открытой борьбы с создавшим его Временным Приамурским правительством за право иметь ответственный перед представительной ветвью власти исполнительный орган и за возможность законотворческой деятельности по вопросам верховного управления краем.

Июньский политический кризис 1922 г. в Приморье получил у участников и наблюдателей событий название «нарсобовского недоворота» **[16, с. 45]**. Данная тема рассматривалась в работах дальневосточных историков, посвященных последнему периоду гражданской войны на Дальнем Востоке России (1920–1922 гг.). В.В. Сонин в изданной в 1974 г. монографии, посвященной истории «Черного буфера» указал, что основная причина кризиса в Приморье заключалась в том, что депутаты Народного собрания, в обстановке расширения партизанского движения, активизации деятельности большевиков и заявления японцев о выводе своих войск, пришли к выводу о неспособности правительства С.Д. Меркулова руководить Приамурским государственным образованием. Заключение соглашения членов Народного собрания с командованием армии о назначении председателем правительства главнокомандующего означало установление военной диктатуры **[17, с. 47–49]**.

Тема «нарсобовского недоворота» в современной историографии представлена работами историков В.Ю. Куцего, Ю.Н. Ципкина, Д.А. Ляхова и др. Вышеперечисленные исследователи придерживаются мнения, что Народное собрание 10 дней удерживало власть во Владивостоке благодаря поддержке каппелевского командования, а непосредственной причиной роспуска парламента правительством С.Д. Меркулова послужило принятое парламентариями «Положение о выборах в Приамурский Учредительное собрание» **[8, с. 132–134; 17, с. 145–146; 10, с. 283–284]**.

После свержения во Владивостоке Приморского областного управления Дальневосточной республики, Приморье в конце мая 1921 г. перешло под власть Временного Приамурского правительства во главе с С.Д. Меркуловым. Приамурское Народное собрание являлось высшим законодательным органом власти, а исполнительные функции в Приамурском государственном образовании исполнял Совет управляющих ведомствами.

Основное противоречие между правительством и законодательным органом власти заключалось в том, что члены Народного собрания добивались политической ответственности Совета управляющих ведомствами перед парламентом. Временное Приамурское правительство отказывалось наделить данными полномочиями депутатов. Положение затруднялось еще и тем, что Приамурское Народное собрание, с целью изменить в свою пользу вопрос о верховной власти, решило поменять принцип формирования законодательного органа. 2 мая 1922 г. парламент Приморья принял Положение о выборах в Приморское Учредительное собрание **[4, с. 3]**. В Положении отсутствовала статья о запрете на участие в выборах т.н. противогосударственным партиям (большевиков, эсеров-максималистов и анархистов), что противоречило статьям 4 и 29 Положения о выборах в Приамурское Народное собрание 1921 г. **[3, с. 1–2]** Временное Приамурское правительство отказалось утвердить принятый парламентом закон **[1, с. 475]**.

С.Д. Меркулов, не желая проведения выборов в Учредительное собрание, предложил созвать Земский собор, но Народное собрание отказалось поддержать проект главы правительства **[11, с. 340; 17, с. 145]**. Вопрос о новом представительном органе власти был крайне важным по причине выбора пути дальнейшего развития Приамурского государственного образования. В Приморье могло продолжиться дальнейшее верховенство Временного Приамурского правительства. Однако суще-

ствовала возможность перехода верховной власти Учредительному собранию, избранному на основе всеобщего избирательного права.

Недовольство правительством С.Д. Меркулова высказывали не только депутаты Народного собрания, но и разные слои общественности Приморья. Как отмечает В.Ю. Куцый, политические партии и группировки в Приморской области делились на две неравные группы: сторонники Дальневосточной республики и ее противники. Противники власти ДВР составляли 20–30 % от всего населения Приморья, но среди них не наблюдалось единства **[8, с. 131].** Существовали как сторонники активной борьбы с Читой, так и представители более умеренной политики.

На состоявшемся 26 апреля 1922 г. во Владивостоке совещании торгово-промышленной палаты было постановлено потребовать от Временного Приамурского правительства передачи всей полноты власти Приамурскому Народному собранию, а парламенту предлагалось перед новым избранным правительством настоять о начале переговоров с Дальневосточной республикой, с условием наделения Приморья широкой автономией **[18, с. 143–144].**

Основным союзником депутатов в борьбе с Временным Приамурским правительством стало командование каппелевцев – одной из двух группировок вооруженных сил Приморья. После окончания Хабаровского похода армия была недовольна правительством, которое в благодарность за военную операцию вручило солдатам по одной пачке сигарет. Правительство планировало заменить нелояльное каппелевское командование семеновцами (военной группировки из бывших подчиненных атамана Г.М. Семенова), у которых имелись приказы о назначении командующими армейскими частями **[16, с. 17–18, 34].**

Командование армии, за отдельным исключением, относилось равнодушно к парламенту Приморья, но узнав о том, что Временное Приамурское правительство собирается лишить армию ее самостоятельности путем переорганизации, новых назначений и других мер, решило встать на борьбу с правительством С.Д. Меркулова **[12, с. 225].** Поддержку правительству С.Д. Меркулова оказали наиболее реакционно настроенные части вооруженных сил – флот и семеновцы. В итоге, к маю 1922 г. на стороне парламента оказалось большинство общественных организаций и высшие армейские круги каппелевцев.

Понимая, что новый избирательный закон несет угрозу власти, правительство 31 мая 1922 г. приняло указ № 147 о роспуске Приамурского Народного собрания **[2, с. 1]**. Новый срок созыва парламента назначался на 15 сентября 1922 г. **[9, с. 103]** Депутаты находились на каникулах, так как очередная сессия должна была начаться в июне. Во Владивостоке находился Президиум Народного собрания и до трети от лично состава парламентариев **[8, с. 133]**. Узнав об указе правительства, депутаты собрались на частное совещание.

Вечером 31 мая 1922 г. в помещении канцелярии Народного собрания собрались наиболее видные представители парламентских фракций **[1, с. 476–477]**. Председатель Приамурского Народного собрания Н.А. Андрушкевич сообщил собравшимся о роспуске законодательного органа власти. Депутаты не собирались подчиняться незаконному, как они считали, акту. В ночь на 1 июня 1922 г. Президиум Народного собрания постановил низложить членов Временного Приамурского правительства и передать все властные полномочия Приамурскому Народному собранию **[9, с. 103–104]**. Власть перешла к Президиуму парламента.

Во время ночного заседания депутатов состоялась договоренность между парламентариями и военными. Генерал Ф.А. Пучков заявил, что армия поддержит Народное собрание только при условии назначения председателем правительства кандидата от армии генерала М.К. Дите-

рихса, который в это время находился в Харбине. В войсках полагали, что только М.К. Дитерихс, который не был связан с противостоящими армейскими группировками, сможет примирить враждующие между собой части армии: каппелевцев, семеновцев и моряков. Правое крыло парламента смирились с заявлением генерала Ф.А. Пучкова, в отличие от левых крестьян и Демократического союза, которые выразили протест против скрытой диктатуры М.К. Дитерихса, но Народное собрание не покинули **[1, с. 476–477]**.

Народным собранием было выпущено несколько указов, в том числе и об аресте С.Д. Меркулова, а также об увольнении председателя Совета управляющих ведомствами С.И. Ефремова и о временном исполнении обязанностей председателя Совета управляющих И.М. Старковского (члена Приамурского Народного собрания) **[8, с. 134–135]**. Во Владивостоке сложилось двоевластие. Председатель правительства С.Д. Меркулов объявил депутатов «переворотчиками» и не собирался им отдавать свою власть.

Командующим войсками, вместо генерала Г.А. Вержбицкого, стал генерал В.М. Молчанов, принявший сторону парламентариев. Городской голова И.И. Еремеев, являющийся также членом Временного Приамурского правительства, официально находился в отпуске. Фактически руководство городскими делами перешло к товарищу городского головы А.И. Лякер, члену Народного собрания **[1, с. 478]**. Вместо И.И. Соболева временно исполняющим обязанности управляющего Приморской областью был назначен член Народного собрания Д.И. Густов. Первым своим указом Д.И. Густов запретил публичные собрания и распространение воззваний и листовок без своего разрешения **[5, с. 3]**. Ситуация во Владивостоке все более осложнялась.

На следующий день, после указа о роспуске парламента, 1 июня 1922 г., состоялись заседания городской думы Владивостока и Приамурского Народного собрания. На экстренном заседании Владивостокской городской думы Н.А. Андрушкевич проинформировал городское самоуправление о случившихся днем ранее событиях и о том, что Приамурское Народное собрание решило принять на себя всю полноту власти. Доклад председателя Народного собрания закончился подведением итогов событий 31 мая 1922 г.: «таким образом, если был переворот, то он совершился совершенно бескровно, без всяких эксцессов, совершенно спокойно» **(РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 514. Л. 1)**. По словам Н.А. Андрушкевича новая власть являлась национальной и русской, а одной из ее главных задач состояла в уважении воли народа.

На открывшемся 1 июня 1922 г. под председательством Н.А. Андрушкевича 73-м очередном заседании Приамурского Народного собрания присутствовали 63 депутата. Председатель сообщил депутатам, что в 11 часов утра 31 мая 1922 г. правительством был подписан приказ о роспуске Приамурского Народного собрания. В 16.00 этот указ был доставлен Н.А. Андрушкевичу, после чего группа депутатов потребовала созыва частного совещания. На частном совещании присутствовали представители армии, с которыми велись переговоры. Армейское командование заявило, что указ о роспуске парламента был принят без их ведома. Президиум, исходя из данных ему полномочий, приступил к отдаче приказов и распоряжений **(РГИА ДВ. Ф. Р–927. Оп. 1. Д. 147. Л. 349)**.

После прочтения приветствий по текущему моменту стали высказываться депутаты. Первым выступил В.Ф. Иванов, который заявил, что он пережил «тяжелую душевную травму, хороня то, что создавал собственными руками, на что возлагал так много надежд». Депутат указал, что правительство С.Д. Меркулова отошло от целей и задач, поставлен-

ных несоциалистическим движением, которое создало само правительство; Временное Приамурское правительство нарушало конституцию, законы, не считалось с Народным собранием, стремилось умалить авторитет, дискредитировать парламент. В заключении В.Ф. Иванов высказал свое мнение, что при тяжелой международной обстановке и внутреннем бедственном положении только Народное собрание являлось «авторитетным органом законодательства и контроля», «без Народного собрания невозможно мыслить существование нашего государства» **(РГИА ДВ. Ф. Р–927. Оп. 1. Д. 147. Л. 351)**.

Выступивший от имени Демократического союза С.Ф. Знаменский отметил, что со времени открытия Народного собрания его фракция боролась за народоправство и против диктатуры. Демократический союз принял участие в свержении власти правительства в результате издания акта о роспуске Народного собрания, так как Приморье, в условиях тяжелого международного и внутреннего положения, на три месяца обрекалось на отсутствие народного представительства. Депутат заявил, что очередной задачей являлся созыв Учредительного собрания, которое смогло бы решить все стоящие перед Приморьем вопросы. Согласно мнению фракции, вся власть до созыва Учредительного собрания должна принадлежать Приамурскому Народному собранию. Задачей ближайших дней законодательного органа власти является осуществление «подлинного демократического строя» **(РГИА ДВ. Ф. Р–927. Оп. 1. Д. 147. Л. 353–354)**. После выступления С.Ф. Знаменского, в виду исчерпания списка ораторов заседание закрылось.

Противостоящие стороны пытались донести свою позицию до жителей Владивостока с помощью листовок и прокламаций. В листовке «От Приамурского Народного собрания к населению» провозглашалось, что правительство С.Д. Меркулова 31 мая 1922 г. пыталось своим указом распустить Народное собрание, отказавшись от созыва Учредительного съезда, которому Временное Приамурское правительство было обязано передать свою власть. Депутаты не подчинились указу из-за «интересов Родины, населения и героической народной армии» **(РГИА ДВ. Ф. Р–927. Оп. 1. Д. 178. Л. 1)**. Правительство С.Д. Меркулова в распространявшихся прокламациях указывало, что «неизвестно откуда появившийся инородец Андрушкевич объединился с коммунистом Абаимовым и соучастником убийц на Хорском мосту многих русских офицеров генералом Болдыревым. Они тоже объявили правительство» **[11, с. 342–343]**. Решающую роль в политическом кризисе играла не симпатия населения Владивостока определённой стороне, а вооруженная сила.

Депутаты парламента в ночь со 2 на 3 июня 1922 г. выбрали новое правительство. Председателем правительства, согласно договоренности с военными, стал генерал М.К. Дитерихс. До прибытия М.К. Дитерихса временное исполнение обязанностей председателя правительства Народное собрание возложило на В.М. Молчанова **(РГИА ДВ. Ф. Р–927. Оп. 1. Д. 178. Л. 2)**. В выборах отказались участвовать фракции демократического союза и крестьянская. Как отмечал В.Г. Болдырев, для правых членов Приамурского Народного собрания было два варианта: либо примириться с С.Д. Меркуловым, либо принять М.К. Дитерихса **[1, с. 478]**. В своих мемуарах депутат С.П. Руднев признал, что большинство депутатов, избиравшее правительство, не знали М.К. Дитерихса, а только слышали о нем как о генерале Генерального штаба, который занимал должность Главнокомандующего войсками у А.В. Колчака **[13, с. 489]**.

Вопрос о конструировании новой власти озаботил представителей общественных организаций. На фоне противостояния Народного собрания с правительством С.Д. Меркулова во Владивостоке сибирские об-

ластники из Совета уполномоченных организаций автономной Сибири объявили о своей поддержке Народному собранию, как наиболее подходящему к своей программе, чем Временное Приамурское правительство **[10, с. 284–285]**. Владивостокский комитет несоциалистов поддержал С.Д. Меркулова и в принятой резолюции признал решение вопроса о власти компетенцией 3-го несоциалистического съезда, который намеревалось созвать в течение 10 дней **[14, с. 1]**. Большинство несоциалистических организаций встали на сторону Народного собрания. Представители иностранных держав во Владивостоке заявили, что они намерены соблюдать нейтралитет. Жители Владивостока оставались наблюдателями происходивших событий, собираясь как у дома Старцева, где находился С.Д. Меркулов, так и возле здания Коммерческого училища, в котором заседало Народное собрание.

Исполняя свое старое решение о создании нового представительного органа, 6 июня 1922 г. правительство С.Д. Меркулова издало указ № 149 о созыве Земского собора в течение 15 дней после прекращения политического противостояния **[2, с. 2–3]**. В состав Собора планировалось включить представителей земства, городского самоуправления, армии, несоциалистических общественных объединений, профессиональных организаций и высших учебных заведений. Только Земский собор имел право избрать новое Временное Приамурское правительство.

Представители С.Д. Меркулова попытались донести свою позицию до гласных городской думы Владивостока на заседании 7 июня 1922 г. С.Д. Меркулов отправил письмо, в котором просил предоставить слово на заседании своему брату, члену правительства Н.Д. Меркулову. Представитель армии полковник Б.Э. фон Вах заявил о невозможности допустить Н.Д. Меркулова на заседание **(РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 514. Л. 3)**. Члены Владивостокской городской думы поддержали резолюцию беспартийной деловой экономической группы гласных-окраинцев (36 голосов за и 24 – против), согласно которой Владивостокская городская дума постановила признать Приамурское Народное собрание и избранное им правительство с последующим созывом Учредительного собрания. За созыв Учредительного собрания высказалась и члены торгово-промышленной палаты считая, что волю населения может выявить только Приамурское Учредительное собрание **(РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 514. Л. 15)**.

В день приезда генерала М.К. Дитерихса во Владивосток, 8 июня 1922 г., состоялось 74-е заседание Приамурского Народного собрания, которое стало последним. Председатель нового правительства, вместе с генералами В.М. Молчановым, Г.А. Вержбицким и членом правительства К.Т. Лихойдовым находились в правительственной ложе. В своей речи новый правитель Приамурского Государственного образования приветствовал депутатов и попросил: «в дальнейшем иметь доверие ко мне, какое вы высказали вашим избранием» **[6, с. 3]**. После М.К. Дитерихса выступили, как и в прошлом заседании парламента, В.Ф. Иванов и С.Ф. Знаменский.

В.Ф. Иванов начал речь с заявления, что для него это был самый счастливый день в жизни потому, что впервые власть опиралась на народное представительство. Депутат заверил, что диктатура и деспотизм невозможны и он не видит народное представительство без борьбы «за возрождение всех порывов и желаний нашей великой родины». Второй оратор С.Ф. Знаменский от имени демократического союза и крестьянской фракции отметил, что очередной задачей является созыв Учредительного съезда, а до этого момента выразителем воли народа является Народное собрание. Предлагалось решать государственные вопросы в парламенте и в правительстве, а местные дела передать самоуправлени-

ям. Другими задачами, стоящими перед Приамурским Народным собранием совместно с правительством, по мнению парламентария, являлись защита «русского национального дела», сохранение Дальнего Востока для России, восстановление закона и порядка **[6, с. 4]**.

Парламентарии высказывались за скорейшее решение вопроса о судьбе С.Д. Меркулова. В общем, как указывалось в газете «Голос Родины»: «жизнь Народного собрания вошла в обычную колею повседневной текущей работы. Настроение членов Народного собрания бодрое, спокойное» **[7, с. 3]**. Возобновили работы финансовая и грузовая комиссии парламента. Сразу после заседания Народного собрания М.К. Дитерихс заявил Президиуму парламента, что он не может примириться с тем, что новое правительство во главе с ним избрано революционным путем **[1, с. 482]**.

Получить информацию о намерениях М.К. Дитерихса насчет судьбы парламента отправились В.Г. Болдырев и Н.А. Андрушкевич. Председатель правительства заявил о своем решении депутатам. От Временного Приамурского правительства С.Д. Меркулова требовалась отмена своего постановления о роспуске Приамурского Народного собрания и сложение полномочий с передачей поста председателя правительства М.К. Дитерихсу до созыва Земского собора, который должен был собраться в течение 2–3 недель. Новое правительство генерала М.К. Дитерихса со своей стороны отменило бы постановления Приамурского Народного собрания о неподчинении указу правительства о роспуске, с принятием Верховных полномочий или постановило о самороспуске Народного собрания **[1, с. 482]**. После того, как стало ясно, что Приамурское Народное собрание ликвидируется, В.Г. Болдырев и Н.А. Андрушкевич покинули М.К. Дитерихса.

Поставил точку в политическом кризисе Приморья изданный 11 июня 1922 г. приказ № 1 М.К. Дитерихса. Генерал в приказе сообщал, что 7 июня 1922 г. предупредил встретившуюся в пути делегацию от парламента, что окончательное решение насчет верховной власти примет только во Владивостоке. Ознакомившись с предшествующими событиями, генерал посчитал, что 1 июня 1922 г. произошло явление, подобное Февральской революции.

В приказе «народному представительству» ставилось в упрек, что оно встало «на путь революционного творчества против существовавшей законной правительственной власти, не имея за собой воли всей страны». Это, по мнению М.К. Дитерихса, могло привести к крушению борьбы с советской властью. Приамурское Народное собрание признавалось распущенным; объявлялось, что через 15 дней после окончания «смуты» произойдет созыв Земского собора. Земский собор, как указывалось в документе – «национальный по идее орган народного представительства», должен был решить структуру верховной власти в Приморье, а до этого решения М.К. Дитерихс объявил о подчинении Временному Приамурскому правительству во главе с С.Д. Меркуловым **(РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 514. ЛЛ. 35–35 об.)**.

Таким образом, деятельность депутатов Приамурского Народного собрания во время политического кризиса была направлена на принятие парламентом высших властных полномочий и характеризовались решительностью и быстротой. Для решения в свою пользу вопроса в верховной власти, который являлся главной причиной «нарсобовского недоворота», парламентарии из различных фракций проявили редкое единение для противостояния правительству С.Д. Меркулова. Заручится доверием граждан ни правительство, ни парламент не смогли, население Владивостока оказалось равнодушным к политическим событиям начала июня 1922 г.

Приамурское Народное собрание, избрав новое правительство, не намерено было идти на уступки в вопросе о новом представительном органе власти и, тем более, на самороспуск. Депутаты добились одной из главных целей – поставили исполнительную власть в зависимость от законодательной. На ключевые государственные посты были назначены члены Народного собрания. Народное собрание в июне 1922 г. стало высшим органом власти в крае, только согласившись избрать председателем правительства М.К. Дитерихса и получив благодаря этому поддержку армии. Непреклонная позиция Приамурского Народного собрания в вопросе созыва Приамурского Учредительного собрания стала одной из причин его роспуска новым председателем правительства.

◆

Литература

1. Болдырев В.Г. Директория. Колчак. Интервенты: воспоминания (из цикла «Шесть лет», 1917–1922 гг.). Новониколаевск: Сибкрайиздат (Тип. Сибкрайсоюза), 1925. 562 с.
2. Вестник Временного Приамурского правительства // Владивосток. 1922. 17 июня.
3. Вестник Временного Приамурского правительства. Приложение. Положение о выборах в Приамурское Народное собрание // Владивосток. 1921. 30 июня.
4. Вестник Приамурского Народного собрания // Владивосток. 1922. 31 мая.
5. Голос Родины // Владивосток. 1922. 10 июня.
6. Голос Родины // Владивосток. 1922. 6 июня.
7. Голос Родины // Владивосток. 1922. 9 июня.
8. Куцый В.Ю. Внутренняя контрреволюция в Приморье 1920–1922 гг. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1994. 201 с.
9. Куцый В.Ю. Политический кризис Временного Приамурского правительства в июне 1922 г. («Нарсобовский недоворот») // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки Междунар. науч. конф.: Тезисы докл. и сообщений. 5–9 окт. 1992 г. РАН, Дальневост. отделение, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Владивосток, 1992. С. 103–105.
10. Ляхов Д.А. Политический кризис в Приморье (май – июнь 1922 г.) // Четвертые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: Материалы всеросс. Науч.-практ. конф. «Дальний восток России: историческое наследие и современность». Хабаровск: КГУП «Хабаровская краевая типография», 2012. С. 283–286.
11. Парфенов (Алтайский) П.С. Борьба за Дальний Восток 1920–1922. Б.м.: Прибой, 1928. 368 с.
12. Петров П.П. От Волги до Тихого океана в рядах белых воспоминания, документы; сост.: С.П.Петров, Л.Ю.Тремсина. М.: Айрис-пресс, 2011. 544 с.
13. Руднев С.П. Из воспоминаний о Приамурском Земском соборе // Цветков В.Ж. Генерал Дитерихс. М.: НП «Посев», 2004. С. 487–499.
14. Слово // Владивосток. 1922. 7 июня.
15. Сонин В.В. «Приамурское» буржуазное государственное образование («черный» буфер) и крах политики и практики контрреволюции в Приморье (май 1921 – октябрь 1922 гг.). Владивосток: ДВГУ, 1974. 61 с.

16. Филимонов Б.Б. Конец Белого Приморья. Сан-Франциско: Изд. Русского книжного деда в США, Victor Kamkln, Inc., 1971. 371 с.
17. Ципкин Ю.Н. Белое движение на Дальнем Востоке 1920–1922 гг. РАН, Дальневост. отд-ние, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. – Хабаровск: Хабар. гос. пед. ун-т, 1996. 182 с.
18. Ципкин Ю.Н. Гражданская война на Дальнем Востоке России: формирование антибольшевистских режимов и их крушение (1917–1922 гг.) Хабаровск: Хабар. краев. музей им. Н.И. Гродекова, 2012. 245 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Boldyrev V.G. Direktoriya. Kolchak. Interventy: vospominaniya (iz tsikla «SHest' let», 1917–1922 gg.). Novonikolaevsk: Sibkrajizdat (Tip. Sibkrajsoyuza), 1925. 562 s.
2. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva // Vladivostok. 1922. 17 iyunya.
3. Vestnik Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva. Prilozhenie. Polozhenie o vyborakh v Priamurskoe Narodnoe sobranie // Vladivostok. 1921. 30 iyunya.
4. Vestnik Priamurskogo Narodnogo sobraniya // Vladivostok. 1922. 31 maya.
5. Golos Rodiny // Vladivostok. 1922. 10 iyunya.
6. Golos Rodiny // Vladivostok. 1922. 6 iyunya.
7. Golos Rodiny // Vladivostok. 1922. 9 iyunya.
8. Kutsyj V.Yu. Vnutrennyaya kontrrevolyutsiya v Primor'e 1920–1922 gg. Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 1994. 201 s.
9. Kutsyj V.Yu. Politicheskij krizis Vremennogo Priamurskogo pravitel'stva v iyune 1922 g. («Narsobovskij nedovorot») // Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: itogi i uroki Mezhdunar. nauch. konf.: Tezisy dokl. i soobshhenij. 5–9 okt. 1992 g. RAN, Dal'nevost. otdelenie, In-t istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka. Vladivostok, 1992. S. 103–105.
10. Lyakhov D.A. Politicheskij krizis v Primor'e (maj – iyun' 1922 g.) // CHetvertye arkhivnye nauchnye chteniya imeni V.I. CHernyshevoj: Materialy vseross. Nauch.-prakt. konf. «Dal'nij vostok Rossii: istoricheskoe nasledie i sovremennost'». KHabarovsk: KGUP «KHabarovskaya kraevaya tipografiya», 2012. S. 283–286.
11. Parfenov (Altajskij) P.S. Bor'ba za Dal'nij Vostok 1920–1922. B.m.: Priboj, 1928. 368 s.
12. Petrov P.P. Ot Volgi do Tikhogo okeana v ryadakh belykh vospominaniya, dokumenty; sost.: S.P.Petrov, L.Yu.Tremsina. M.: Ajris-press, 2011. 544 s.
13. Rudnev S.P. Iz vospominanij o Priamurskom Zemskom sobore // TSvetkov V.Zh. General Diterikhs. M.: NP «Posev», 2004. S. 487–499.
14. Slovo // Vladivostok. 1922. 7 iyunya.
15. Sonin V.V. «Priamurskoe» burzhuaznoe gosudarstvennoe obrazovanie («chernyj» bufer) i krakh politiki i praktiki kontrrevolyutsii v Primor'e (maj 1921 – oktyabr' 1922 gg.). Vladivostok: DVGU, 1974. 61 s.
16. Filimonov B.B. Konets Belogo Primor'ya. San-Frantsisko: Izd. Russkogo knizhnogo deda v SSHA, Victor Kamkln, Inc., 1971. 371 s.
17. TSipkin Yu.N. Beloe dvizhenie na Dal'nem Vostoke 1920–1922 gg. RAN, Dal'nevost. otd-nie, In-t istorii, arkheologii i ehtnografii narodov Dal'nego Vostoka. – KHabarovsk: KHabar. gos. ped. un-t, 1996. 182 s.
18. TSipkin Yu.N. Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii: formirovanie antibol'shevistskikh rezhimov i ikh krushenie (1917–1922 gg.) KHabarovsk: KHabar. kraev. muzej im. N.I. Grodekova, 2012. 245 s.

УДК 93:378:351.74(571.63)

Бакшутов С.Н.
Bakshutov S.N.

Высшее милицейское образование на Дальнем Востоке России на рубеже XX–XXI вв.: источниковая основа исследования

Militia higher education in the Russian Far East at the turn of the XX–XXI centuries: analysis of research sources

Статья посвящена анализу источниковой основы исследования процесса развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России на рубеже XX–XXI вв. Дается общая характеристика опубликованных и впервые введенных в научный оборот документов и материалов. Комплексное привлечение широкого круга источников дает возможность изучить процесс теории и практики профессионального юридического образования в системе высшей школы на Дальнем Востоке на рубеже XX–XXI веков в региональном историческом контексте.

Ключевые слова: *Дальний Восток, Россия, милиция, система профессиональной подготовки, высшее юридическое образование, источниковая основа исследования*

◆

Article is devoted to the analysis of sources of the research of development of the militia higher education in the Russian Far East at the turn of the XX–XXI centuries. The author in general describes the published documents and materials introduced into scientific use for the first time. The comprehensive review of wide range of sources gives a chance to study the process of the theory and practice of professional legal education in system of the higher school in the Far East at the turn of the XX–XXI centuries in a regional historical context.

Key words: *Far East, Russia, militia, system of vocational training, higher legal education, sources of the research*

Движение России к гражданскому обществу и правовому государству невозможно без развития и совершенствования деятельности правоохранительных органов, без подготовки специалистов высокого профессионального уровня, способных противостоять угрозам и вызовам времени, быть надёжными защитниками общественного порядка, прав и свобод граждан. Для успешного реформирования органов полиции в современных условиях, реального повышения их роли в осуществлении государственной власти, обеспечения общественного порядка и безопасности в регионе необходимо учитывать опыт высшего профессионального образования в системе МВД в важный, переломный для страны и региона период 1991–2011 гг.

Особенность изучения процесса развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России на рубеже XX–XXI вв. заключается в том, что данная проблема истории новейшего времени не имеет сложившейся историографии и находится в стадии становления. В тру-

БАКШУТОВ Сергей Николаевич, аспирант кафедры истории и архивоведения Дальневосточного федерального университета. *(г. Владивосток).* **E-mail:** sbakshutov@mail.ru

дах исследователей проблема источниковой основы высшего милицейского образования не рассматривалась.

Основную идею статьи можно выразить словами В.О. Ключевского: «Науку часто смешивают со знанием. Это грубое недоразумение. Наука есть не только знание, но и сознание, то есть умение пользоваться знанием как следует» **[2, с. 489]**. В высказывании великого русского историка заложен глубинный смысл, суть которого заключается в том, чтобы подчеркнуть значение научного знания, то есть результатов научных исследований во всех сферах жизни человека. Цель данной статьи состоит в изучении источниковой основы развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке в обозначенных хронологических рамках, обобщении и анализе опубликованных и впервые введённых в оборот широкого круга источников.

Основным критерием периодизации является хронологизация организационного и структурного преобразования системы МВД СССР, РСФСР и РФ. Этот подход обусловлен, прежде всего, наличием двойственного положения самого высшего милицейского образования в системе государственных и образовательных отношений. Функционируя в рамках двух государственных структур – системе Министерства образования и системе Министерства внутренних дел, ориентируется, прежде всего, на создание профессионального потенциала и удовлетворения потребности органов внутренних дел в квалифицированных кадрах. Любые структурные изменения сказывались на содержании и методах обучения сотрудников милиции.

Рассматриваемый хронологический период времени обусловлен тем, что именно с 1991 г. в соответствии новыми требованиями государственной образовательной политики после распада СССР и создания Российской Федерации процесс реорганизации ведомственного образования системы МВД выходит на новый уровень. С 1991 по 2011 гг. в сфере образования, в том числе и ведомственного, проводятся системные реформы, которые рассматриваются как одно из условий модернизации России. Высшее милицейское образование, вовлечённое в государственное образовательное пространство как специфическая отрасль образования в данный период времени выходит на новый уровень развития. Верхняя хронологическая рамка исследования связана с кардинальным реформированием системы МВД в 2011 г., направленным на повышение эффективности правоохранительных органов, сопровождавшееся не только сменой названия органов, обеспечивающих правопорядок и ведущих борьбу с преступностью (переименование милиции в полицию), но и структурной перестройкой, оптимизацией профильных образовательных учреждений.

Территориальные рамки исследования определяются дислокацией и деятельностью в его пределах первенца среди высших юридических образовательных заведений системы МВД на огромной территории Дальнего Востока и Восточной Сибири и единственного на Дальнем Востоке – Дальневосточного юридического института МВД Российской Федерации и его филиалов в гг. Хабаровске, Владивостоке, Уссурийске, Благовещенске, Петропавловске-Камчатском, Южно-Сахалинске, Якутске. Под Дальним Востоком России в данном исследовании понимаются территории в границах современных Приморского, Хабаровского, Камчатского краёв, Сахалинской, Амурской, Магаданской областей, Еврейской автономной области, Чукотского автономного округа, Республики Саха (Якутия).

Источниковую основу изучения высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России составляют опубликованные и впервые введённые в научный оборот документы и материалы. Совокупность

привлечённых источников подразделяется на несколько групп, в основу верификации которых положены особенности происхождения, содержания и назначения источника.

Обобщение источниковой основы в рамках темы исследования имеет определённые особенности, обусловленные объективными факторами. Во-первых, изучение новейшего периода развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке предопределило введение в научный оборот в основном документов ведомственных архивов, главным образом – текущих, так как в государственных архивах они не успели отложиться. Во-вторых, процесс анализа развития специализированного ведомственного образования имеет определённую специфику, вследствие которой некоторые данные предназначены для служебного пользования и не могут быть опубликованы в открытой печати, кроме того часть архивного материала была безвозвратно утрачена. В связи с этим, возникла необходимость привлечения вторичного круга источников – изданные к юбилейным датам книги, брошюры, буклеты, нарративные интервью с руководителями ДВЮИ МВД России и его филиалов, кино-фотодокументы.

Основной компонент источниковой базы исследования – архивные документы, многие из которых не были опубликованы ранее или были недостаточно изучены.

Значительную ценность для изучения этапов становления и тенденций развития высшего милицейского образования имеют документы ведомственного архива – Центрального архива МВД Российской Федерации (ЦА МВД России). В фонде 9422 – Управления учебными заведениями МВД РСФСР находятся приказы и материалы коллегий МВД России, годовые отчёты учебных заведений и научно-исследовательских учреждений системы МВД России. Изучение документов фонда даёт представление об особенностях руководства государственными и ведомственными органами учебными заведениями системы МВД.

Важное значение для исследования процесса развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке имеют архивные документы и материалы ведомственных текущих архивов: Дальневосточного юридического института МВД Российской Федерации (ДВЮИ МВД России), Владивостокского филиала ДВЮИ МВД России, Уссурийского филиала ДВЮИ МВД России, Петропавловска-Камчатского филиала ДВЮИ МВД России, Южно-Сахалинского филиала ДВЮИ МВД России, Благовещенского филиала ДВЮИ МВД России, Якутского филиала ДВЮИ МВД России, Управлений внутренних дел краёв и областей Дальнего Востока (Хабаровский и Приморский край, Сахалинская область).

Первую группу архивных материалов составляют приказы Министра внутренних дел СССР (РСФСР, России) по личному составу, в которых содержится информация о назначении на должности и присвоении специальных званий.

Во вторую группу входят документы и материалы, содержащие информацию о качественном составе научно-педагогических кадров, работе по комплектованию вуза, повышению квалификации, материально-техническом обеспечении, организации учебного процесса и воспитательной работы, научно-исследовательской и редакционной деятельности, индивидуальной работе с курсантами и слушателями, служебно-боевой подготовке, международной деятельности, приказы начальника Дальневосточного юридического института МВД России и начальников филиалов по основной деятельности и личному составу, планы и протоколы заседаний учёного совета института, отчёты о результатах научной деятельности, договоры, заявки соглашения и переписка по согласова-

нию вопросов научной деятельности, отчёты о проведении внутренней экспертизы (самообследовании) деятельности института, отчёты о работе студии телевидения, сведения по итогам государственной аттестации, приказы по административно-хозяйственной деятельности.

Текущие архивы Управлений внутренних дел содержат сведения о поощрении сотрудников ДВЮИ МВД России и его филиалов руководством Управлений, совместных мероприятиях в рамках служебно-боевой, образовательной и научной деятельности.

Эффективность поиска и изучения документов сдерживалась различной степенью их достоверности и разобщённостью исторических источников. Материалы периода 2000-х гг., в отличие от 1990-х гг. представлены более полно. Это связано не только с увеличивающимся в 2000-е гг. документооборотом, но и степенью сохранности документов и материалов. По сравнению с головным вузом – Дальневосточным юридическим институтом МВД России, документы филиалов, особенно Камчатского и Благовещенского, имеют разрозненный характер.

Трудности работы с документами текущих архивов заключались и в том, что они не приспособлены для работы с исследователями, отсутствуют специальные читальные залы. Научно-справочный аппарат текущих архивов находится в стадии формирования.

Тем не менее, в результате сбора и изучения документов в научный оборот были введены материалы центрального и десяти ведомственных архивов, многие из которых не были опубликованы, и поэтому, во многом, определяют новизну исследования.

Опубликованные источники разнообразны по содержанию и условно подразделяются на несколько групп.

Первая группа опубликованных источников представлена Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и подзаконными нормативно-правовыми актами в области образования и науки. На федеральном уровне речь идёт, прежде всего, о двух базовых законах, ныне утративших силу – это Закон РФ 1992 г. «Об образовании» и федеральный закон 1996 г. «О высшем и послевузовском профессиональном образовании» **[10, 14, 15, 26]**, а также: «Концепции модернизации российского образования на период до 2010 года» **[3]**, Федеральной целевой программе развития образования на 2006–2010 годы **[31]**, «Национальная доктрина образования в Российской Федерации» **[13]**, указы, постановления и распоряжения Президента РФ **[11]**, а также типовом положении о вузе **[30]**.

Вторая группа – важные сведения о численности высших специальных учебных заведений, количестве учащихся в регионе отражают ежегодные статистические сборники: «Образование в Российской Федерации», «Образование и культура в Приморском крае» и другие **[7, 8, 21, 22]**. В рамках рассматриваемой проблемы значительную ценность представляют данные о системе образовательных учреждений высшего профессионального образования МВД России **[9, 22]**, состоянии работы с кадрами органов внутренних дел **[28, 29]**. Привлечение данных статистики в качестве исторического источника обусловлено необходимостью более детального изучения теоретического аспекта высшего милицейского образования, выявления общего и особенного в системе профессионального образования системы МВД и гражданского юридического образования.

Изучение данного вида источников даёт понимание того, что высшее милицейское образование следует рассматривать в единстве организационного и функционального аспектов. Ведомственное высшее образовательное пространство полностью входит в российское высшее образовательное пространство, потому что подготовка специалистов в

вузах МВД проводится по государственным образовательным стандартам и выпускники ведомственных вузов получают дипломы государственного образца. В тоже время вузы МВД России имеют свою специфику, которая заключается в закрытости специальных знаний, в целевом характере обучения специалистов для осуществления особой правоохранительной деятельности, которая принципиально отличается от общегражданских профессий. Привлечение данной группы источников помогает проследить динамику развития юридического образования в гражданских вузах страны и в системе ведомственного образования МВД. В целом, справочные издания не только содержат общие сведения, но и являются основой для дальнейшего изучения милицейского образования.

Третья группа материалов представлена документами ведомственного характера: директивы и приказы МВД России, решения коллегий **[23, 24]**, концепции совершенствования профессиональной деятельности **[4]**, законы, указы, постановления **[12, 16, 25, 27]**. Данная группа источников не только наиболее широко представлена, но и наиболее информативна. Содержит рекомендации по всем направлениям высшего милицейского образования: организационной структуре, кадровому составу, материально-техническому оснащению, организации образовательного процесса, основным направлениям международного сотрудничества.

Четвёртая группа опубликованных источников – научно-методические материалы **[17, 19, 20]**, в которых рассматриваются проблемы планирования образовательной деятельности, особенности подготовки выпускников образовательных учреждений МВД России к службе в органах внутренних дел. Данная группа источников в рамках изучения процесса развития высшего милицейского образования на дальнем Востоке имеет особый интерес, так как содержит не только теоретические основы профессионального образования, но и практические рекомендации по совершенствованию технологий образовательного процесса.

В пятую группу опубликованных источников объединены изданные к юбилейным датам книги, брошюры, буклеты **[1, 18]**, содержащие фото- и аудио документальные материалы, дающие представление о процессе формирования высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России, располагающие ценными сведениями о ветеранах органов внутренних дел – преподавателях Дальневосточного юридического института МВ России, гордости института – выпускниках, которые, реализовав полученные в институте знания, состоялись в профессиональной деятельности. К 90-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России творческим авторским коллективом под руководством генерал-майора полиции А.С. Бахты, доктора юридических наук, профессора (начальник института в 2008–2015 гг.) было подготовлено юбилейное издание «На самых дальних рубежах: Дальневосточному юридическому институту МВД России – 90 лет» **[6]**. В названиях рубрик книги: «Здесь России рубеж», «Время выбрало нас», «Школа мужества», «Служение народу», «Искусство управления», «Наукой победишь!», «Помогать утверждаться добру», «Не стареют душой ветераны» – показан путь от небольшого учебного подразделения до крупного ведомственного образовательного заведения, готовящего юристов высшей квалификации для органов внутренних дел.

К группе юбилейных изданий близки по содержанию издания научно-популярного характера. К таким изданиям относится книга Заслуженного юриста Российской Федерации, генерал-майора В.Г. Кутушева «Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность» **[5]**. В книге впервые на основе архивных данных, фондов

музея, письменных и устных воспоминаний ветеранов, литературных источников, собственных архивных материалов, собранных автором за 13 лет руководства вузом (1986–1999 гг.), рассматривается процесс зарождения и развития института.

Издание содержит сведения об организации учебного процесса, формировании научно-педагогических и командных кадров, участии коллектива в образовательном пространстве региона. Однако в нём представлено не аналитическое, а описательное изложение исторического пути, пройденного Дальневосточным юридическим институтом МВД России. Имеют место рассуждения общего характера, оценка событиям и явлениям даётся исходя из личного опыта. Большая часть опубликованного материала не содержит ссылки на источники и исследования.

Тем не менее, книга В.Г. Кутушева представляет большую источниковую ценность. Учитывая то, что архив учебного заведения был почти полностью уничтожен, что лишает возможности восстановить ряд событий, связанных с его развитием, в данном издании содержится не просто пересказ сведений из предшествующего исторического массива, а, напротив, последовательно осуществлённая историческая реконструкция.

Не менее значимую ценность для исследования представляют фонды Центрального музея МВД России и музея Дальневосточного юридического института МВД России. В их фондах содержатся фотографии, воспоминания ветеранов института, книга летописи основных событий института и филиалов. Привлечение данного вида источника имеет особое значение. Созданные в момент определённого события, в них отмечались такие детали, которые не могли быть зафиксированы другими видами источников. Каждая сохранённая фотография, документ, экспонат – это ценный вклад в историю высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России.

Ценным источником для понимания процесса развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке имеют нарративные интервью с руководителями ДВЮИ МВД России и его филиалов. В процессе интервьюирования были получены не только ценные сведения о традициях, формах, методах и технологиях образовательного процесса, но и документальные свидетельства: кинофотодокументы из архивов филиалов ДВЮИ МВД России и личных архивов. Данные источники обладают значительной ценностью для изучения становления и развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России.

Таким образом, источниковой материал, привлечённый автором в рамках изучаемой проблемы, имеет разноплановый характер и содержание. По характеру информации и носителю подразделятся на письменные и видео- и аудио источники. Изучение процесса развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке в 1991–2011 гг. осуществляется, главным образом, на основе анализа письменных источников – опубликованных документов и архивных материалов.

Методика изучения источников основана на целостном исследовании архивных фондов центрального ведомственного и десяти текущих архивов. Анализируя повторяющуюся информацию, стало возможным провести отбор сведений и статистических данных. Документы и материалы, представленные в ведомственных архивах, являются уникальными и не дублируются в других как центральных, так и местных архивах краёв и областей региона. Материалы архива ДВЮИ МВД России и филиалов дополняют друг друга, что позволяет сделать выводы и обобщения, рассмотреть процесс развития высшего милицейского образования на Дальнем Востоке России.

Опубликованные источники представлены нормативно-правовыми актами в области науки и образования, данными статистики,

ведомственными документами, научно-методическими материалами, юбилейными и научно-популярными изданиями, материалами музеев, нарративными интервью с руководителями и ветеранами ДВЮИ МВД России.

Значительную группу привлечённых для исследования проблемы документов составляют первоисточники – архивные материалы, нормативно-правовые акты. Более полное раскрытие темы обеспечивалось вторичными и более опосредованного происхождения источниками – научно-методическими материалами, юбилейными и научно-популярными изданиями, материалами музеев, нарративными интервью с руководителями и ветеранами ДВЮИ МВД России.

В целом, привлечённый автором источниковой материал, несмотря на некоторое дублирование информации, учитывая особенности содержания и назначения источников, является основой для исследования регионального аспекта процесса развития высшего милицейского образования, позволяет развитие и деятельность Дальневосточного юридического института МВД России и его филиалов в 1991–2011 гг. в системе высшего образования рассмотреть как единый и взаимосвязанный исторический процесс.

◆

Литература

1. Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России / [сост. С.А. Синенко, К.П. Захаров, Н.А. Шабельникова]. Владивосток: Из-во Дальневост. ун-та, 2010. 116 с.: ил.

2. Душенко К. В. Большая книга афоризмов. Изд. 2-е, исправленное / К. В. Душенко. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000. 1056 с.

3. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 29.12.2001 № 1756-р // Бюллетень Минобразования РФ. 2002. № 2.

4. Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 6.11.2003 г. № 829 «Об объявлении решения коллегии МВД России» от 22.10. 2003 года № 5км/2

5. Кутушев В.Г. Дальневосточный юридический институт МВД России: история и современность. Хабаровск, 1998. 112 с.

6. На самых дальних рубежах: Дальневосточному юридическому институту МВД России – 90 лет. Хабаровск: Издательский дом «Приамурские ведомости», 2011. 176 с.: ил.

7. Образование в Российской Федерации. Статистический сборник. М.: Республиканский информационно-издательский центр, 1993. 360 с.

8. Образование и культура в Приморском крае: статистический сборник / отв. ред. Н.Г. Дембинская. Владивосток: Примкрайкомстат, 2000. 99 с.

9. Образовательные учреждения высшего профессионального образования МВД России (информационный сборник за 2001 год). М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2002. 276 с.

10. О высшем и послевузовском профессиональном образовании: федер. закон от 22.08.1996 № 125-ФЗ (ред. от 03.12.2011) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 23.04.2012 г.).

11. О мерах по совершенствованию высшего юридического образования в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 26 мая 2009 г. № 599 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 23.04.2012 г.).

12. О милиции: закон РФ от 18. 04. 1991 № 1026–1 // Ведомости СНД и ВС РСФСР.18.04.1991. № 16. ст. 503.

13. О национальной доктрине образования в Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 // Собрание законодательства РФ. 2000. № 41. Ст. 4089.

14. Об образовании в Российской Федерации: федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). ст. 7598.

15. Об образовании: закон РФ от 10.07.1992 № 3266–1 (ред. от 12.11.2012) // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru (дата обращения: 22.12.2012 г.).

16. Организация и деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Сборник нормативных актов. М.: Юридическая литература, 1994.

17. Организация образовательного процесса в Омском юридическом институте МВД России. Омск, Омский юридический институт, 1998. 280 с.

18. Петропавловск-Камчатский филиал ДВЮИ МВД России. Петропавловск-Камчатский, 2008. 28 с.

19. Планирование образовательной деятельности в Омском юридическом институте МВД России. Омск: Омский юридический институт МВД России, 1998. 280 с.

20. Подготовка выпускников образовательных учреждений МВД России к службе в органах внутренних дел. Сборник аналитических и методических материалов. М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. 216 с.

21. Профессиональное образование в Приморском крае: статистический сборник / [редкол.: В. Ф. Шаповалов (пред.) и др.]; Федерал. служба гос. статистики по Прим. краю. Владивосток, 2011. 99 с.

22. Профессиональное образование в МВД России: Статистический сборник. М.: ГУК МВД России, 2001. 230 с.

23. Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки рядового и начальствующего состава органов внутренних дел РСФСР (ред. от 26.07.1999): приказ МВД РСФСР от 10.07.1991 № 110 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 23.04.2012 г.).

24. Об утверждении Программы дальнейшего совершенствования профессиональной подготовки кадров на 1993–1997 гг.: приказ МВД РФ от 15.04.93 г. № 175.

25. Российская милиция. Законы. Указы. Постановления. М.: Интерправо, 1993. 174 с.

26. Российское образование в переходный период: программа стабилизации и развития. Проект доклада правительству РСФСР. М., 1991. 334 с.

27. О передаче в оперативное управление Министерству внутренних дел Российской Федерации арендуемых зданий, сооружений и помещений: Распоряжение Правительства РФ от 13.09.1996 № 1387-р // Собрание законодательства РФ. 23.09.1996. № 39. ст. 4591.

28. Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 1997 г. М.: Изд-во ИПП «Отечество» МВЖД России, 1998. 76 с.

29. Состояние работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 1999 г. М. .: Изд-во ИПП «Отечество» МВЖД России, 1999. 76 с.

30. Типовое положение об образовательном учреждении высшего профессионального образования (высшем учебном заведении): утв. постановлением Правительства РФ от 14.02.2008 г. № 71 // Собрание законодательства РФ. 2008. № 8. Ст. 731.

31. Федеральная целевая программа развития образования на 2006 – 2010 годы: утв. Постановлением Правительства России от 23 дек. 2005 г. № 803 // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: http://base.consultant.ru. (дата обращения: 23.04.2012 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Vladivostokskij filial Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii / [sost. S.A. Sinenko, K.P. Zakharov, N.A. SHabel'nikova]. Vladivostok: Iz-vo Dal'nevost. un-ta, 2010. 116 s.: il.

2. Dushenko K. V. Bol'shaya kniga aforizmov. Izd. 2-e, ispravlennoe / K. V. Dushenko. M.: ZAO Izd-vo EHKSMO-Press, 2000. 1056 s.

3. Kontseptsiya modernizatsii rossijskogo obrazovaniya na period do 2010 goda: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva RF ot 29.12.2001 № 1756-r // Byulleten' Minobrazovaniya RF. 2002. № 2.

4. Kontseptsiya sovershenstvovaniya professional'noj podgotovki kadrov v organakh vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii: prikaz MVD Rossii ot 6.11.2003 g. № 829 «Ob ob"yavlenii resheniya kollegii MVD Rossii» ot 22.10. 2003 goda № 5km/2

5. Kutushev V.G. Dal'nevostochnyj yuridicheskij institut MVD Rossii: istoriya i sovremennost'. KHabarovsk, 1998. 112 s.

6. Na samykh dal'nikh rubezhakh: Dal'nevostochnomu yuridicheskomu institutu MVD Rossii – 90 let. KHabarovsk: Izdatel'skij dom «Priamurskie vedomosti», 2011. 176 s.: il.

7. Obrazovanie v Rossijskoj Federatsii. Statisticheskij sbornik. M.: Respublikanskij informatsionno-izdatel'skij tsentr, 1993. 360 s.

8. Obrazovanie i kul'tura v Primorskom krae: statisticheskij sbornik / otv. red. N.G. Dembinskaya. Vladivostok: Primkrajkomstat, 2000. 99 s.

9. Obrazovatel'nye uchrezhdeniya vysshego professional'nogo obrazovaniya MVD Rossii (informatsionnyj sbornik za 2001 god). M.: IMTS GUK MVD Rossii, 2002. 276 s.

10. O vysshem i poslevuzovskom professional'nom obrazovanii: feder. zakon ot 22.08.1996 № 125-FZ (red. ot 03.12.2011) // SPS «Konsul'tantPlyus» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://base.consultant.ru. (data obrashheniya: 23.04.2012 g.).

11. O merakh po sovershenstvovaniyu vysshego yuridicheskogo obrazovaniya v Rossijskoj Federatsii: ukaz Prezidenta Rossijskoj Federatsii ot 26 maya 2009 g. № 599 // SPS «Konsul'tantPlyus» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://base. consultant.ru. (data obrashheniya: 23.04.2012 g.).

12. O militsii: zakon RF ot 18. 04. 1991 № 1026–1 // Vedomosti SND i VS RSFSR.18.04.1991. № 16. st. 503.

13. O natsional'noj doktrine obrazovaniya v Rossijskoj Federatsii: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 04.10.2000 № 751 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 41. St. 4089.

14. Ob obrazovanii v Rossijskoj Federatsii: federal'nyj zakon ot 29.12.2012 № 273-FZ (red. ot 30.12.2015) // Sobranie zakonodatel'stva RF. 31.12.2012. № 53 (ch. 1). st. 7598.

15. Ob obrazovanii: zakon RF ot 10.07.1992 № 3266–1 (red. ot 12.11.2012) // SPS «Konsul'tantPlyus» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://base.consultant.ru (data obrashheniya: 22.12.2012 g.).

16. Organizatsiya i deyatel'nost' organov vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii. Sbornik normativnykh aktov. M.: Yuridicheskaya literatura, 1994.

17. Organizatsiya obrazovatel'nogo protsessa v Omskom yuridicheskom institute MVD Rossii. Omsk, Omskij yuridicheskij institut, 1998. 280 s.

18. Petropavlovsk-Kamchatskij filial DVYUI MVD Rossii. Petropavlovsk-Kamchatskij, 2008. 28 s.

19. Planirovanie obrazovatel'noj deyatel'nosti v Omskom yuridicheskom institute MVD Rossii. Omsk: Omskij yuridicheskij institut MVD Rossii, 1998. 280 s.

20. Podgotovka vypusknikov obrazovatel'nykh uchrezhdenij MVD Rossii k sluzhbe v organakh vnutrennikh del. Sbornik analiticheskikh i metodicheskikh materialov. M.: IMTS GUK MVD Rossii, 2003. 216 s.

21. Professional'noe obrazovanie v Primorskom krae: statisticheskij sbornik / [redkol.: V. F. SHapovalov (pred.) i dr.]; Federal. sluzhba gos. statistiki po Prim. krayu. Vladivostok, 2011. 99 s.

22. Professional'noe obrazovanie v MVD Rossii: Statisticheskij sbornik. M.: GUK MVD Rossii, 2001. 230 s.

23. Ob utverzhdenii Nastavleniya po organizatsii professional'noj podgotovki ryadovogo i nachal'stvuyushhego sostava organov vnutrennikh del RSFSR (red. ot 26.07.1999): prikaz MVD RSFSR ot 10.07.1991 № 110 // SPS «Konsul'tantPlyus» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://base.consultant.ru. (data obrashheniya: 23.04.2012 g.).

24. Ob utverzhdenii Programmy dal'nejshego sovershenstvovaniya professional'noj podgotovki kadrov na 1993–1997 gg.: prikaz MVD RF ot 15.04.93 g. № 175.

25. Rossijskaya militsiya. Zakony. Ukazy. Postanovleniya. M.: Interpravo, 1993. 174 s.

26. Rossijskoe obrazovanie v perekhodnyj period: programma stabilizatsii i razvitiya. Proekt doklada pravitel'stvu RSFSR. M., 1991. 334 s.

27. O peredache v operativnoe upravlenie Ministerstvu vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii arenduemykh zdanij, sooruzhenij i pomeshhenij: Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 13.09.1996 № 1387-r // Sobranie zakonodatel'stva RF. 23.09.1996. № 39. st. 4591.

28. Sostoyanie raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii za 1997 g. M.: Izd-vo IPP «Otechestvo» MVZHD Rossii, 1998. 76 s.

29. Sostoyanie raboty s kadrami organov vnutrennikh del Rossijskoj Federatsii za 1999 g. M. .: Izd-vo IPP «Otechestvo» MVZHD Rossii, 1999. 76 s.

30. Tipovoe polozhenie ob obrazovatel'nom uchrezhdenii vysshego professional'nogo obrazovaniya (vysshem uchebnom zavedenii): utv. postanovleniem Pravitel'stva RF ot 14.02.2008 g. № 71 // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2008. № 8. St. 731.

31. Federal'naya tselevaya programma razvitiya obrazovaniya na 2006 – 2010 gody: utv. Postanovleniem Pravitel'stva Rossii ot 23 dek. 2005 g. № 803 // SPS «Konsul'tantPlyus» [EHlektronnyj resurs]. URL: http://base.consultant.ru. (data obrashheniya: 23.04.2012 g.).

УДК 314.04

Никитенко В.Н.
Nikitenko V.N.

Детерминанты укоренения населения на российском Дальнем Востоке

Determinants of rooting of the population in the Russian Far East

Социальная общность на российском Дальнем Востоке складывалась путём интеграции исконно коренного и пришлого населения. Значительная часть переселившихся в разное время на Дальний Восток укоренилась в этих местах. Выявление причин укоренения имеет значение для поиска детерминирующих социальных условий стабилизации и увеличения народонаселения в дальневосточной России.

Ключевые слова*: народонаселение, иммиграция, эмиграция, укоренение*

◆

A social community in the Russian Far East was developed by integration of primordially indigenous population and alien people. A considerable part of the alien population got accustomed and took roots in this territory; some other people – did not. It is important to investigate the prerequisites for both assimilation and emigration of the population in the region, in order to solve the demographic problems in the Far East – in the direction of its population increase.

Key words*: population, immigration, emigration, taking roots*

Актуальность выявления детерминант укоренения жителей российского Дальнего Востока заключается в том, что при малой плотности населения количество укоренившихся в этом регионе жителей в последние десятилетия не увеличивается, а продолжается их отток. В то же время в истории заселения этой территории россиянами были более благоприятные демографические ситуации, и значительная часть переселенцев становилась коренными дальневосточниками. В условиях, когда развитие Дальнего Востока и Байкальского региона официально провозглашено приоритетом государственной политики России на перспективу, важно опираться на опыт укоренения на этой территории российских переселенцев. Знание такого опыта необходимо для определения возможностей государственного и общественного регулирования демографических процессов в региональном социальном пространстве.

Печатается в рамках конкурсных проектов «Природные и антропогенные детерминанты системных изменений в социальном пространстве региона» (2015–2017 гг.), грант ДВО РАН № 15-I-9-001 и «Социокультурные детерминанты межэтнического взаимодействия в социальном пространстве Дальневосточного региона России», грант ДВО РАН № 15-I-9-001 о.

НИКИТЕНКО Виктор Николаевич, д.пед.н., профессор, заведующий лабораторией региональных социально-гуманитарных исследований Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН. *(г. Биробиджан).* **E-mail:** rsgilab@rambler.ru

В существующей литературе по социологии нашли отражение разные критерии для отнесения населения регионов к коренному. В одних источниках к коренным жителям относят тех, кто родился в пределах тех или иных территорий и непрерывно на них проживает. В других – к коренному населению относят только аборигенов, т.е. народы, исстари обитающие в той или иной местности, предки которых поселились на ней ещё в древности. Всё остальное население, вселившееся в данную местность в исторически обозримое время, относят к пришлому.

Границу между коренным и пришлым населением проводят и по другим основаниям: по длительности проживания на данной территории, по преемственности поколений, по самоидентификации жителей с природной и социальной средой региона и др. Так, к примеру, в исследовании, проведённом на территории Еврейской автономной области М.А. Ворониной, к коренным жителям отнесены те, кто непрерывно проживает в ней не менее десяти лет. Было выявлено, что многие из проживших в ЕАО меньше этого срока, всё ещё не относят себя к числу коренных жителей. Среди молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет (N = 320), живущих в области, идентифицируют себя с местом своего проживания и называют себя коренными около 62%. При этом более половины (55%) из них здесь родились, а около 18% проживают относительно недавно, и всё ещё относят себя к категории пришлых. Более 20% респондентов не смогли идентифицировать себя коренными или пришлыми жителями. Почти половина из опрошенных молодых людей имеет намерение переехать для проживания в другие места, столько же этого делать не собираются.

Живущие в сёлах области 10 лет и более в большинстве своём предпочли отнести себя к коренным. Из них выразили желание переехать для постоянного жительства в другие регионы России или за рубеж лишь около 7%.

Выявлено, что для идентификации себя в качестве дальневосточников существенное значение имеет не только длительность проживания, но и сложившиеся в этих местах семейно-поколенные связи. Как правило, укоренившиеся в сёлах потомки считают себя продолжателями сложившихся здесь семейных династий **[4]**.

Интегральным критерием для определения укоренения жителей на той или иной территории следует считать сложившееся собственное отношение индивида к себе как коренному жителю, не имеющему намерения покидать территорию в обозримой перспективе. Не менее важно и то, какую лепту для обустройства и развития своей «малой родины», для пользы своим землякам человек внёс и вносит своими делами.

Изучение биографий ряда старожилов Дальнего Востока России и углублённые интервью с современными жителями территории (N = 15) показали, что на их закрепление для проживания в этих местах существенное значение имеют следующие факторы:

♦ рождение здесь и сложившиеся семейные и поколенные связи;

♦ возможности для самореализации и удовлетворения своих материальных и духовных потребностей;

♦ наличие стабильной работы по полученной специальности и профессии;

♦ осознание своей причастности и личное отношение к значительным делам, свершившимся на территории проживания;

♦ удовлетворяющие условия для занятий во внерабочее время (хобби);

♦ ощущение своего единения с социальной и природной средой;

♦ поклонение могилам предков.

По критерию укоренения/неукоренения всех современных дальневосточников можно условно разделить на три группы: исконно коренные, пришлые укоренившиеся, пришлые неукоренившиеся.

К исконно коренному населению относятся аборигены и потомки первых переселенцев.

Пришлое укоренившееся составляют старожилы и состоящие с ними в родственных отношениях, адаптировавшиеся к природно-климатическим и социальным условиям Дальнего Востока, не имеющие намерений покидать эту территорию.

Пришлое неукоренившееся – переселившиеся на Дальний Восток в обозримом прошлом, не в полной мере адаптировавшиеся к природно-климатическим и социальным условиям территории и готовые её покинуть при создавшихся возможностях.

Есть также отдельные старожилы, считающие себя коренными дальневосточниками, но допускающие возможность эмигрировать при независимых от них обстоятельствах.

Менталитет коренных жителей Дальнего Востока формировался в течение всей истории землепроходческого движения и переселения на эти территории россиян разных национальностей. Первопроходцы стремились к познанию мало тогда известных земель с целью их присоединения к Государству Российскому и приведению «неясачных людей» под «государеву руку». Ценою неимоверных усилий и лишений им удалось присоединить к России и оставить потомкам богатейшую территорию и другие плоды своего труда.

До прихода на Дальний Восток российских переселенцев здесь жили племена палеоазиатских, тунгусских и монгольских народов, потомки которых и составляют бесспорно коренное из ныне живущего населения этих мест. Эти люди всегда жили в единении с природой, для своего жизнеобеспечения занимались собирательством биоресурсов, охотой на диких животных, рыбной ловлей и нехитрым обустройством своих жилищ у водотоков, водоёмов и в лесных угодьях. Также бесспорно коренными дальневосточниками из россиян являются живущие здесь потомки ранних переселенцев. В прошлом россияне шли «встреч Солнца» в поисках лучшей доли. Бежали на Дальний Восток от преследований в других местах России старообрядцы, от крепостной зависимости обезземеленные крестьяне, а также любознательные к новым землям романтики, предприимчивые и служивые люди. В одиночку и семьями передвигались они, кто пешком, кто на конных повозках и верхом на лошадях **[1]**. В результате возникали первые «диффузные вкрапления» россиян в очень разрежённое социальное пространство дальневосточных аборигенов, отношения с которыми не всегда складывались мирно, а иногда и трагично. Вскоре количество пришлого населения стало превосходить численность аборигенов. Стало формироваться новая по своему составу, структуре и происходящим социальным процессам территориальная общность. Пришлые россияне заняли по отношению к малочисленному коренному населению патерналистскую позицию. В результате исконное коренное население Дальнего Востока не по своей воле становилось маргинальным на занимаемых ими землях.

О значимости природно-климатического фактора для заселения и укоренения россиян на Дальнем Востоке свидетельствует тот факт, что наиболее плотно заселёнными, по сравнению с северными территориями, оказались южные части социального пространства региона – Приамурье и Приморье.

Влиятельным фактором для заселения и укоренения пришлого на Дальний Восток населения наряду с природно-климатическими услови-

ями является формирующаяся здесь новая социальная среда, к которым переселенцам предстояло адаптироваться.

Изучая адаптацию организма жителей Дальнего Востока России к условиям их проживания, Б.П. Андриевский установил, что степень такой адаптации различна для различных районов и категорий людей в зависимости от длительности их проживания и укоренения в том или ином районе. В этой связи автор дифференцировал население по следующим группам: коренное, представленное малочисленными народами Севера; коренное пришлое, прожившее на данной территории более трёх поколений и достигшее степени социально-биологической адаптации, близкой к коренным народам Севера; пришлое население в пределах одного-двух поколений, так называемая «проточная миграция», или люди, не имеющие постоянного места жительства и меняющие его через несколько лет **[2]**.

Наряду с адаптацией организма к природно-климатическим условиям Дальнего Востока происходила и личностная адаптация к специфическим социальным условиям, в результате которых коренной дальневосточник приобретал характерные для него черты. Ясно, что при этом образ личности каждого человека индивидуален, но есть нечто общее, что позволяет называться россиянами-дальневосточниками.

Обобщённый образ россиянина-дальневосточника – это комплекс сложившихся в этих условиях характеристик организма и психики укоренившихся на этой территории людей. Такой комплекс характеристик был представлен ранее группой разработчиков Концепции «Российское образование на Дальнем Востоке» **[6]**.

Организм и физиологические процессы у коренного россиянина-дальневосточника приспособлены к тому, чтобы не в ущерб состоянию здоровья переносить температурные контрасты зимы и лета, нестабильное атмосферное давление, повышенную влажность воздуха, муссонный в одних местах и континентальный в других климат. В связи с преобладанием в ряде районов солнечных дней у коренных дальневосточников выработалась потребность в повышенной инсоляции, и когда они оказываются в других городах России, даже в российских столицах – Москве или Санкт-Петербурге, где солнечных дней в году значительно меньше, чем на Дальнем Востоке, то чувствуют себя дискомфортно.

У дальневосточников младшего поколения имеют место проблемы физиологической адаптации к природно-климатическим условиям Дальнего Востока. Особенно это находит отражение в их физическом развитии. По данным, полученным в исследовании хабаровского учёного Г.И. Мызана, «только 50–70 процентов детей школьного возраста находятся в состоянии удовлетворительной адаптации к условиям окружающей среды», а у остальных же напряжённость адаптационных механизмов приводит к расстройствам сердечно-сосудистых систем, особенно у школьников 7–8 и 11–13 лет, что, по мнению автора, связано с недостаточной в этом возрасте двигательной активностью. В итоге было зафиксировано, что 2/3 сельских и 1/3 городских юношей и девушек имеют низкий и крайне низкий уровень физического развития **[8]**. Для компенсации этих недостатков автор предложил программу физкультурного образования школьников, способствующего обретению ими показателей здоровья и образа жизни адаптированной части населения этого региона. С ориентацией на разработанные Г.И. Мызаном эталоны на официальном уровне были определены содержание и нормативы физкультурного образования для различных районов Дальнего Востока, которые рекомендованы в качестве регионального компонента государственного образовательного стандарта **[5]**.

Духовная и психическая составляющие образа личности коренных россиянин-дальневосточников развивались в силу специфики исторически складывающейся социально-территориальной целостности. С переселением россиян на эту территорию её население формировалось как многонациональное. Это повлияло на то, что для укоренившихся в Дальней России жителей не свойственна ксенофобия, а наоборот, ими всегда ценились достоинства характера и культуры представителей разных народов. Пришлые россияне перенимали многое из образа жизни аборигенного населения, что помогало им лучше адаптироваться к новым условиям. Одновременно россияне обогащали коренное и соседствующее население полезными для них элементами собственной культуры. О таком взаимообогащении пишет, к примеру, Н.Ф. Милушова в книге об истории пограничного села Казакевичево, что у слияния рек Амура и Уссури. Исконными жителями на месте этого селения были нанайцы, удэгейцы, выходцы из Китая и Кореи. К переселению россиян в это село они отнеслись толерантно, а в последствие помогали им адаптироваться к условиям нового места жительства. В свою очередь, российские переселенцы способствовали приобщению старожилов села к культуре своего народа **[7]**.

Своеобразно проявилось укоренение на территории Среднего Приамурья, в нынешней ЕАО, переселявшихся сюда «трудящихся евреев». Обнадёженные возможностью создания на берегах Амура, Биры и Биджана национальной еврейской государственности, многие евреи из бывших местечек России, Белоруссии, Украины и из зарубежья вначале активно двинулись на выделенные государством для их поселения земли. Однако местный суровый климат, тучи гнуса в летнее время, жилищная неустроенность, трудности в приведении земель в пригодное для сельскохозяйственного производства состояние, неразвитая инфраструктура почти сразу побудили многих еврейских переселенцев развернуться обратно или переехать в более благоустроенные места на Дальнем Востоке. Меньше всего еврейские переселенцы испытывали неудобства социального плана. Укоренившиеся ранее в этих местах казаки и крестьяне, по оценке Б.Л. Брука – руководителя экспедиции, изучавшей эту территорию с точки зрения её пригодности для переселения евреев, ничего не имели против того, чтобы в Приамурье прибывали на постоянное место жительства дополнительные люди, не зависимо от их национальностей, в том числе и евреи **[3]**. Несмотря на то, что многие еврейские переселенцы в последствие покидали отведённые им земли, значительная часть евреев здесь укоренилась и составляет титульную нацию Еврейской автономной области.

На сегодня можно утверждать, что на территории Дальнего Востока сложился своеобразный субэтнос, который включает в себя коренное, укоренившееся и пришлое (проточное) население.

Исследованиями, проведёнными сотрудниками ИКАРП ДВО РАН в рамках конкурсного проекта «Воспитательные возможности молодёжных полиэтнических сообществ» (2006–2007 гг.) при поддержке гранта РГНФ № 07-06-00159-а, установлено, что большинство проживающих здесь молодых людей вполне идентифицируют себя с тем или иным этносом, независимо от численности представляемого ими этноса гордятся своей национальностью, никогда не испытывают чувства неловкости или смущения в полиэтнических сообществах, с уважением относятся к традициям и обычаям своего и других этносов, хотят больше знать о них, положительно относятся к дружбе и бракам между людьми разных национальностей, считают, что российский Дальний Восток должен быть открытой территорией для проживания на ней переселенцев из разных мест, независимо от их национальности **[9]**.

Особенности заселения Дальнего Востока, характерные для этой территории природно-климатические условия, сложившийся полиэтнический состав населения предопределяют следующий обобщённый образ коренных россиян-дальневосточников:

♦ решительность, целеустремлённость, сильная воля, уравновешенность характера;

♦ особо пристрастное отношение к уникальной дальневосточной природе, рыбалке, охоте, собирательству;

♦ способность стойко переносить температурные контрасты зимы и лета и другие проявления климатической нестабильности;

♦ гордость за то, что их жизнь на Дальнем Востоке является существенным условием принадлежности этой территории Великой России;

♦ отсутствие ксенофобии по отношению к переселенцам, независимо от их национальностей и вероисповедания;

♦ умеренные притязания на материальные и повышенные – на духовные ценности;

♦ предпочтение опираться в жизни на собственные силы.

Опыт укоренившегося на Дальнем Востоке населения свидетельствует о том, что возможно укоренение в этой части России и сегодняшних иммигрантов. При регулировании этого процесса со стороны общества и государства необходимо мобилизовать все ресурсы, способствующие иммиграции н укоренению населения и препятствующие эмиграции. Основными из них являются:

способствующие иммиграции и укоренению: наличие или возможность получить постоянную работу по приобретённой специальности, надёжное бытовое обустройство, родственные и дружеские связи, благожелательная социальная среда, богатство и многообразие природных ресурсов, возможности для землепользования и природопользования;

препятствующие иммиграции и укоренению: отсутствующие или ограниченные возможности для получения благоустроенного жилья, проблемы с трудоустройством, мало отличающийся от других регионов России уровень оплаты труда, холодные зимы и связанные с ними дополнительные расходы, отсутствие в месте вселения родственников и друзей, ограниченные возможности здравоохранения, получения престижного образования, для приобщения к шедеврам высокого искусства.

Таким образом, современное население российского Дальнего Востока представляет собой сложившийся полиэтнический субэтнос с характерной для него территориальной ментальностью.

Система детерминант, обуславливающая укоренение жителей Дальнего Востока, не сводится только к преференциям экономического характера, а включает в себя комплекс природно-климатических и социальных детерминант. Учёт всего комплекса факторов влияния на укоренение населения на Дальнем Востоке – необходимое условие для решения проблемы народонаселения в этом регионе, его развития и обеспечения государственной безопасности..

◆

Литература

1. Азиатская Россия. В 3-х т. Спб.: Изд-во Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия, 1914.

2. Андриевский Б.П. О роли и месте общественного здоровья в комплексном анализе региональных проблем // Исследования закономерностей развития регионов как сложных интегральных систем / Под ред. Ф.Н. Рянского / Б.П. Андриевский. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН, 1996. С. 84–87.

3. Вайсерман Д.И. Биробиджан: мечты и трагедия. История ЕАО в судьбах и документах / Д.И. Вайсерман. Хабаровск: Изд-во «РИОТИП» краевой типографии, 1999. 512 с.

4. Воронина М.А. Уровни адаптации мигрантов в социально-территориальной системе Еврейской автономной области / М.А.Воронина // Региональные проблемы. 2009. № 12. С.70–73.

5. Информационный бюллетень комитета образования администрации Хабаровского края. 1996. Вып. 5, 6. 1997. Вып. 1.

6. Концепция: «Российское образование на Дальнем Востоке» / Сост. Б.П.Андриевский, А.А.Врублевский, Е.Г.Миков, В.Г.Невструев, В.Н.Никитенко, Л.Г.Решке, Ю.С.Салин. Под общ. ред. В.Н.Никитенко. Биробиджан: БГПИ; ИКАРП ДВО РАН, 1999. – 22 с.

7. Милушова Н.Ф. Точка на карте Родины. Село Казакевичево / Ред. Ю.С. Салин / Н.Ф. Милушова Хабаровск: Региональное отделение Союза писателей России, 2009. 286 с.

8. Мызан Г.И. Физкультурное образование: региональные проблемы. Монография / Г.И. Мызан. Хабаровск: Изд-в ХГПУ, 1996. 76 с.

9. Никитенко В.Н. Воспитательный потенциал молодёжных полиэтнических сообществ. Монография. / под ред. к.пед.н., доц. И.Н. Ищенко. Биробиджан: ИКАРП ДВО РАН-БФ АмГУ, 2012. 110 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Aziatskaya Rossiya. V 3-kh t. Spb.: Izd-vo Pereselencheskogo upravleniya Glavnogo upravleniya zemleustrojstva i zemledeliya, 1914.

2. Andrievskij B.P. O roli i meste obshhestvennogo zdorov'ya v kompleksnom analize regional'nykh problem // Issledovaniya zakonomernostej razvitiya regionov kak slozhnykh integral'nykh sistem / Pod red. F.N. Ryanskogo / B.P. Andrievskij. Birobidzhan: IKARP DVO RAN, 1996. S. 84–87.

3. Vajserman D.I. Birobidzhan: mechty i tragediya. Istoriya EAO v sud'bakh i dokumentakh / D.I. Vajserman. KHabarovsk: Izd-vo «RIOTIP» kraevoj tipografii, 1999. 512 s.

4. Voronina M.A. Urovni adaptatsii migrantov v sotsial'no-territorial'noj sisteme Evrejskoj avtonomnoj oblasti / M.A.Voronina // Regional'nye problemy. 2009. № 12. S.70–73.

5. Informatsionnyj byulleten' komiteta obrazovaniya administratsii KHabarovskogo kraya. 1996. Vyp. 5, 6. 1997. Vyp. 1.

6. Kontseptsiya: «Rossijskoe obrazovanie na Dal'nem Vostoke» / Sost. B.P.Andrievskij, A.A.Vrublevskij, E.G.Mikov, V.G.Nevstruev, V.N.Nikitenko, L.G.Reshke, YU.S.Salin. Pod obshh. red. V.N.Nikitenko. Birobidzhan: BGPI; IKARP DVO RAN, 1999. – 22 s.

7. Milushova N.F. Tochka na karte Rodiny. Selo Kazakevichevo / Red. YU.S. Salin / N.F. Milushova KHabarovsk: Regional'noe otdelenie Soyuza pisatelej Rossii, 2009. 286 s.

8. Myzan G.I. Fizkul'turnoe obrazovanie: regional'nye problemy. Monografiya / G.I. Myzan. KHabarovsk: Izd-v KHGPU, 1996. 76 s.

9. Nikitenko V.N. Vospitatel'nyj potentsial molodyozhnykh poliehtnicheskikh soobshhestv. Monografiya. / pod red. k.ped.n., dots. I.N. Ishhenko. Birobidzhan: IKARP DVO RAN-BF AmGU, 2012. 110 s.

УДК 325.1.

Перелыгин С.В.
Perelygin S.V.

Государственная политика России по управлению демографическими процессами на Дальнем Востоке в 1991–2015 гг.

State policy of Russia on management of demographic processes in the Far East 1991–2015

В статье рассматривается демографическая ситуация, сложившаяся на Дальнем Востоке. Неблагоприятные демографические и экономические процессы в регионе представляют опасность для территориальной целостности страны. Правильная реализация государственной демографической политики на Дальнем Востоке способна привести к снижению риска усиления внешнего демографического давления, преодолению тенденции миграционного оттока коренного населения и повышению привлекательности восточных территорий для мигрантов.

Ключевые слова*: демографическая политика, мигранты, национальная безопасность, Дальний Восток*

◆

The article examines the demographic situation on the Far East. Unfavourable demographic and economic processes in the region pose a threat to the country's territorial integrity. Proper implementation of the state population policy in the Far East could lead to a decrease in the risk of strengthening the external demographic pressures, overcoming the tendency of migratory outflow of the population and increasing the attractiveness of the eastern territories for migrants.

Key words*: demographic policy, migrants, national security, Far East*

С момента распада Советского Союза Россия вступила в длительную полосу депопуляции. Уменьшение численности населения России – это результат и увеличившихся масштабов естественной убыли, и существенного сокращения сальдо внешней миграции из стран нового зарубежья **[10, с. 42]**.

Хотя кризисные явления в демографической ситуации прогнозировались демографами ещё в середине 80-х годов, изменение экономической системы страны повлекло за собой не только резкое снижение уровня жизни населения, но и снижение основных демографических показателей: если в 1991 году естественный прирост составил 162 тыс. чел., то начиная с в 1992 года в России наблюдается естественная убыль, которую удалось остановить только в 2012 году.

Демографическая ситуация в России способна повлиять на отечественную и мировую экономику, а также военно-политическую обстановку. В период между 1989 и 2012 годом численность населения Дальнего

ПЕРЕЛЫГИН Сергей Васильевич, преподаватель кафедры государственно-правовых и гражданско-правовых дисциплин Владивостокского филиала Дальневосточного юридического института МВД России. *(г. Владивосток).* **E-mail:** perelyguin@mail.ru

Востока сократилась почти на 21 %. В основе такого сокращения была как активная миграции в внутри страны – западный дрейф, – так и превышение уровня смертности над уровнем рождаемости **[6]**.

Дальний Восток теряет население наиболее стремительно из всех российских регионов: обе переписи населения, проведённые в Российской Федерации после распада СССР, показали стабильный отток населения с Дальнего Востока: по результатам переписи 2002 года население Дальневосточного федерального округа сократилось на 15,9%, а перепись 2010 года зафиксировала сокращение населения на 6%. Основной причиной снижения численности населения является миграционный отток. Дальний Восток покидает прежде всего активное трудоспособное население, обостряются проблемы коренных малочисленных народов **[1, с. 18]**. Снижается не только численность населения, но и его качественный состав **[2, с. 18]**.

К 1999 году демографическая ситуация в стране стала катастрофической: население снизилось в 82 субъектах Российской Федерации. Сокращение рождаемости и средней продолжительности жизни, деформация демографического и социального состава общества привели к подрыву экономического потенциала страны. Демографическая проблема стала рассматриваться как угроза национальной безопасности, в связи с чем наметился переход к активной демографической политике в России.

10 января 2000 года Указом Президента Российской Федерации № 24 утверждена Концепция национальной безопасности Российской Федерации, на основе которой разработана Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года.

Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 года № 1351 утверждена Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года.

Основные направления реализации демографической политики касались стабилизации численности населения в России в целом, без учёта региональных аспектов: укрепление здоровья и увеличение ожидаемой продолжительности жизни, стимулирование рождаемости и укрепление семьи, повышение эффективности использования миграционных потоков путём достижения соответствия их объёмов, направлений и состава интересам социально-экономического развития Российской Федерации. Новая демографическая политика позволила стабилизировать численность населения России. Президентом РФ в ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2012 году был даже отмечен его естественный прирост.

Вместе с тем в послании были обозначены и негативные тенденции – сокращение доли трудоспособного населения России, что не только негативно отражается на экономике, но создаёт угрозу суверенитету и территориальной целостности государства**[5]**. Указанные выводы в полной мере могут быть отнесены к Дальнему Востоку России, где большой размер неосвоенных территорий вкупе с низкой плотностью населения создают системное напряжение, особенно с точки зрения международной конкуренции за неосвоенные пространства.

Дальний Восток относят к числу территорий со стабильным отрицательным миграционным сальдо. Наибольшие трудности, связанные с оттоком населения, испытывают Магаданская область и Чукотский автономный округ. Схожая ситуация в Амурской области и Еврейской автономной области. Миграционная ситуация в Приморском и Хабаровском краях несколько лучше: в них статистика зафиксировала небольшой миграционный приток. Улучшение миграционной ситуации на юге Дальнего Востока связано с реализацией крупных инвестиционных проектов саммита АТЭС.

В основе оттока населения лежат две группы факторов: природно-климатические и социально-экономические. В советский период выгодные социально-экономические условия развития региона отчасти могли компенсировать дискомфорт, связанный со сложными природными условиями, проблемами адаптации мигрантов из других регионов страны. Однако после распада СССР их влияние изменилось на противоположное: возникли сложности на рынке труда, социальная сфера пришла в упадок, обострились экологические проблемы. Это стало подталкивать людей к переселению в более благоприятные регионы страны.

В настоящее время Сибирь и Дальний Восток входят в так называемую зону «абсолютной демографической депрессии» **[10, с. 43]**. При этом Сибирь и Дальний Восток являются малопривлекательными для иммигрантов стран СНГ и Балтии. По мнению Шолл-Латура, «всё возрастающий вакуум изнутри однажды обрушит проблемы на регионы Российской Федерации по ту сторону озера Байкал» **[12, с. 316]**.

В Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года пять из девяти субъектов РФ, входящих в Дальневосточный федеральный округ, охарактеризованы как территории с тяжёлой демографической ситуацией, требующей незамедлительного реагирования: за период с 1992 по 2007 год население снизилось более чем на 15 % в Камчатском крае, на 10–15 % – в Республике Саха (Якутия), Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. Огромные территории Сибири и Дальнего Востока оказались практически незаселёнными.

Предпринимаемые в настоящее время попытки стимулирования повышения рождаемости и деятельность государства, направленная на сокращение смертности населения, не смогут быстро переломить негативной демографической тенденции. Поэтому одним из новых направлений реализации демографической политики стало переселение на территорию России соотечественников, проживающих за рубежом **[3, с. 6]**.

Несмотря на то, что тезис об иммиграции как необходимом и благотворном факторе развития экономики подвергается в последнее время всё большим сомнениям, без мигрантов Дальний Восток России обойтись просто не может. Признавая высокую роль миграции в воспроизводстве населения в районах с низкой интенсивностью естественного движения и неизбежность привлечения мигрантов в Сибири и на Дальнем Востоке, следует отметить, что государственная политика должна быть направлена, прежде всего, на сохранение населения региона, создание благоприятных условий жизни: социальной сферы, науки, образования, экономики. Сокращение миграционного оттока полностью адаптированных к условиям региона жителей является более эффективным направлением реализации демографической политики, чем замена этих жителей мигрантами из других регионов.

Направления реализации демографической политики имеют решающее значение для обеспечения государственной безопасности России, особенно на Дальнем Востоке. Учитывая, что внутренняя миграция в регионе ориентирована в основном на западную часть России, возникают опасения, что Дальний Восток останется территорией переселенческих предпочтений народов, населяющих Дальний Восток и Юго-Восточную Азию **[4, с. 145]**.

Стратегическим ориентиром проводимой Россией политики становится кардинальное улучшение социально-демографической ситуации на Дальнем Востоке, преодоление сложившихся неблагоприятных тенденций и повышение привлекательности региона для сохранения постоянного населения и обеспечения миграционного притока квалифи-

цированных кадров на основе формирования благоприятных условий для обучения и профессиональной деятельности, создания семьи и воспитания детей **[6]**.

При реализации форсированного сценария развития правительство ориентируется на увеличение к 2025 году населения региона на 15 % по сравнению с 2011 годом.

Добиться ускорения темпов роста населения в ближайшие годы, учитывая значительную инерционность демографического развития, можно только за счёт миграционного прироста. Для этого требуется повысить экономическую и социальную привлекательность Дальнего Востока, а также проводить активную, но при этом селективную миграционную политику, учитывающую потребности в необходимых кадрах и потенциальные риски быстрого роста численности жителей за счёт пришлого населения.

Согласно данным ВЦИОМ, опубликованным 21 июня 2012 года, около 40% жителей Сибири и Дальнего Востока рассматривают возможность покинуть его. Среди них 57% намерены уехать в другой российский город, 20% – в другую страну, 23% пока не определились с местом переселения. Причинами стремления к смене места жительства чаще всего называют низкий уровень доходов (44%), отсутствие карьерных перспектив (36%) и отсутствие возможности приобрести жильё (28%) **[8]**.

С другой стороны, более трети жителей европейской части России готовы переехать в исследуемый регион, если там начнётся крупномасштабный инвестиционный проект, аналогичный БАМу. Причём 20% из них готовы поменять место жительства при таких специальных условиях, как высокий уровень зарплаты (68% среди тех, кто готов на специальные условия), возможность приобретения жилья (45%) или предоставления проживания в период работы (30%) **[8]**. Таким образом, потенциал для миграционного роста населения региона пока существует.

Миграционные проблемы региона целесообразно решать с учётом мероприятий Концепции государственной миграционной политики России на период до 2025 года, утверждённой Президентом Российской Федерации 13 июня 2012 года. Планом реализации первого этапа Концепции (2012–2015 годы) предусмотрена разработка мероприятий по повышению привлекательности территории региона с целью создания необходимой для переселения российских граждан социальной и транспортной инфраструктуры, снижения транспортной оторванности от регионов центральной России.

Для решения миграционных проблем предполагается использовать также механизм Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Россию соотечественников, проживающих за рубежом, однако эффект от переселения соотечественников для Дальнего Востока оказался почти незаметным **[7, с. 20]**.

Указом Президента Российской Федерации от 14 сентября 2012 года № 1289 "О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом" утверждена новая редакция государственной программы, в соответствии с которой вся территория субъектов федерации Дальневосточного округа отнесена к территориям приоритетного заселения. Таким образом, в демографической политике наметилось направление, специально ориентированное на улучшение демографической ситуации на дальневосточных территориях.

Одним из факторов повышения привлекательности для соотечественников дальневосточных территорий в качестве места жительства является существенное увеличение пособий на обустройство, выплачиваемых им по прибытии на место жительства. В связи с наличием такого

экономического стимула Минрегионом России и ФМС России прогнозируется рост интереса соотечественников-переселенцев к дальневосточным территориям приоритетного заселения.

При реализации миграционной политики необходимо учитывать факторы, значительно осложняющие процесс переселения соотечественников в Россию.

Для масштабного привлечения соотечественников на Дальний Восток необходимо решение наиболее актуальных социально-экономических вопросов: предоставления жилья, трудоустройства и социальной продёржки. Решение этих вопросов требует дополнительных инвестиций в регион. Кроме того, возникает проблема конкуренции местного населения, испытывающего те же проблемы в социально-экономической сфере, и мигрантов, поскольку ключевым направлением миграционной политики на территории Дальнего Востока остаётся закрепление населения на его территории. Создание условий для миграционного прироста при всей его важности является второстепенным направлением. На территории Дальнего Востока сложилась парадоксальная ситуация: с одной стороны отмечается естественный прирост населения, с другой – из-за миграционного оттока число жителей региона по-прежнему сокращается**[9]**.

В современный период региону требуется системное развитие экономики, не зависящей целиком от поступления денег из федерального центра, способной повысить социальную привлекательность Дальнего Востока, способствовать созданию благоприятных условий для «среднего класса». Однако пока можно констатировать, что в экономику Дальнего Востока вкладываются либо государственные, либо опосредованно государственные деньги, отчего уровень жизни населения практически не меняется. Одноразовые вливания в экономику (аналогичные инвестициям при подготовке к саммиту АТЭС) не способны изменить ситуацию коренным образом: необходимо создавать условия не только для привлечения крупных инвестиций, в том числе иностранных, но и оказывать активную поддержку малому и среднему бизнесу, так как в этих сферах создаётся немало рабочих мест. В этой связи большие надежды возлагаются на распространение режима свободного порта не только на Владивосток, но и на регионы Дальнего Востока.

В рамках реализации основных направлений государственной миграционной политики России её долгосрочные цели и задачи диктуют необходимость стимулирования возвратной миграции, одним из главных ресурсов которой являются соотечественники, проживающие за рубежом. По имеющимся оценкам, потенциал миграции русских и российских народов с территории только стран СНГ в среднесрочной перспективе составляет 3–4 млн. человек, или 350–400 тыс. человек в среднегодовом исчислении. Как в демографическом плане, так и с точки зрения социально-экономических, а также геополитических интересов Российское государство заинтересовано в их привлечении. Эта категория иммигрантов может быть безболезненно интегрирована в российское общество, причём на любых территориях страны **[11, с.19]**.

Однако реализация задачи привлечения мигрантов-соотечественников представляется очень сложной, учитывая нежелание властей способствовать адаптации соотечественников в девяностые годы, нанёсшее тяжелейший удар по движению репатриации русских. В настоящее время часть потенциальных переселенцев предпочитает вообще «не заезжать в Россию», а напрямую следует на Запад **[4, с. 138]**.

В ближайшем будущем Россия уверенно может рассчитывать только на приток мигрантов из стран полупериферии и периферии мировой экономики. Государство должно обеспечить привлекательность России

для мигрантов, создать цивилизованные условия для притока желательных для страны мигрантов и противодействовать притоку нежелательных. Только так можно гарантировать защиту интересов российских граждан и обеспечить развитие российского государства.

Таким образом, в развитии демографической политики Российской Федерации на Дальнем Востоке России можно выделить три периода:

1. 1991–2000 годы – время массового оттока населения, разрушения демографического и трудового потенциала региона, изменившего роль миграционного прироста в развитии региона, отсутствия государственных мер по сохранению населения на территории Дальнего Востока.

2. 2000–2008 годы – период ориентации демографической политики на стабилизацию численности населения в России в целом, без учёта региональных особенностей.

3. 2008–2015 годы – период позиционирования Дальнего Востока как стратегического региона для развития России, принятия мер по оздоровлению экономики региона и созданию условий для приоритетного заселения мигрантами.

Анализ программных нормативных актов Российской Федерации, направленных на регулирование социально-экономического развития Дальнего Востока, позволяет сделать несколько выводов.

В современных условиях перед Россией первоочередными задачами демографической политики являются создание условий для повышения рождаемости, преодоление высокой смертности и управление миграционными потоками в пользу дальневосточных территорий. Причём реализация данных задач не может опираться только на крупные непродолжительные инвестиционные государственные проекты, как стройки саммита АТЭС, начавшиеся в 2008 году и в полной мере не завершённые до сих пор.

Геополитическая ситуация на Дальнем Востоке, интенсивное развитие азиатских стран, ориентируют правительство на направление ресурсов для развития Дальнего Востока, что должно привести к значительному экономическому росту России и укреплению российских позиций в самом быстро развивающемся регионе. Введение США и ЕС пакета санкций против российской экономики требует от России направления ресурсов именно для развития Дальнего Востока.

Конструктивная реализация государственной демографической политики на Дальнем Востоке способна привести к снижению риска усиления внешнего демографического давления, связанного с возможным углублением диспропорций между численностью коренных жителей Дальнего Востока и численностью населения сопредельных государств. Этот риск будет расти до тех пор, пока не будет преодолена тенденция миграционного оттока коренного населения с восточных территорий России.

◆

Литература

1. Агаларханова А.Н. Национальная политика Российской империи и Советской России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока// Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6. – С.18–26.

2. Бугрова Т.М. К вопросу о причинах демографического кризиса в Российской Федерации (теоретико-правовой анализ) // Вестник Саратовской государственной академии права. 2007. № 6. С.18–20.

3. Горяинова М.В. Политика России в отношении соотечественников, добровольно переселяющихся из-за рубежа: проблемы и предложения // Миграционное право. 2012. № 1. С. 6–11.

4. Понамарева А.М., Татунц С.А. Иммиграция как проблема национальной безопасности РФ// Полис. Политические исследования. 2010. № 4. С.135–151.

5. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента Владимира Путина Федеральному Собранию РФ»// Российская газета. 2012. 13 декабря.

6. Распоряжение Правительства РФ от 29 марта 2013 г. N 466-р «Об утверждении государственной программы «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона»// Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013. № 14, ст. 1713.

7. Ржевская Л.В. К вопросу о реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Российская юстиция. 2010. № 10. С. 18–21.

8. Сибирь и Дальний Восток: «забытый край» – или «локомотив развития»?// Всероссийский центр опроса общественного мнения [Электронный ресурс]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112841 (дата обращения 14.01.2016 г.).

9. Совещание о господдержке инвестпроектов и территорий опережающего развития на Дальнем Востоке // Президент России [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/news/46522 (дата обращения 19.09.2014 г.).

10. Халкечев М.Н. Демографическая дифференциация регионов России: динамика и развитие. М.: ЦСП, 2006. 224 с.

11. Шевцова Т.В. Привлечение соотечественников в сибирские регионы страны в контексте реализации переселенческого проекта // Миграционное право. 2014. N 1. С. 18 – 22.

12. Шолл-Латур П. Россия Путина: эффект сжатия. Империя под прессингом НАТО, Китая и ислама. М., 2007. 496 с.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Agalarkhanova A.N. Natsional'naya politika Rossijskoj imperii i Sovetskoj Rossii v otnoshenii korennykh malochislennykh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka// Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke. 2013. № 6. – S.18–26.

2. Bugrova T.M. K voprosu o prichinakh demograficheskogo krizisa v Rossijskoj Federatsii (teoretiko-pravovoj analiz) // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj akademii prava. 2007. № 6. S.18–20.

3. Goryainova M.V. Politika Rossii v otnoshenii sootechestvennikov, dobrovol'no pereselyayushhikhsya iz-za rubezha: problemy i predlozheniya // Migratsionnoe pravo. 2012. № 1. S. 6–11.

4. Ponamareva A.M., Tatunts S.A. Immigratsiya kak problema natsional'noj bezopasnosti RF// Polis. Politicheskie issledovaniya. 2010. № 4. S.135–151.

5. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 12.12.2012 «Poslanie Prezidenta Vladimira Putina Federal'nomu Sobraniyu RF»// Rossijskaya gazeta. 2012. 13 dekabrya.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 29 marta 2013 g. N 466-r «Ob utverzhdenii gosudarstvennoj programmy «Sotsial'no-ehkonomicheskoe razvitie Dal'nego Vostoka i Bajkal'skogo regiona»// Sobr. zakonodatel'stva Ros. Federatsii. 2013. № 14, st. 1713.

7. Rzhevskaya L.V. K voprosu o realizatsii Gosudarstvennoj programmy po okazaniyu sodejstviya dobrovol'nomu pereseleniyu v Rossijskuyu Federatsiyu

sootechestvennikov, prozhivayushhikh za rubezhom // Rossijskaya yustitsiya. 2010. № 10. S. 18–21.

8. Sibir' i Dal'nij Vostok: «zabytyj kraj» – ili «lokomotiv razvitiya»?// Vserossijskij tsentr oprosa obshhestvennogo mneniya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://wciom.ru/index.php?id=236&uid=112841 (data obrashheniya 14.01.2016 g.).

9. Soveshhanie o gospodderzhke investproektov i territorij operezhayushhego razvitiya na Dal'nem Vostoke // Prezident Rossii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.kremlin.ru/news/46522 (data obrashheniya 19.09.2014 g.).

10. KHalkechev M.N. Demograficheskaya differentsiatsiya regionov Rossii: dinamika i razvitie. M.: TSSP, 2006. 224 s.

11. SHevtsova T.V. Privlechenie sootechestvennikov v sibirskie regiony strany v kontekste realizatsii pereselencheskogo proekta // Migratsionnoe pravo. 2014. N 1. S. 18 – 22.

12. SHoll-Latur P. Rossiya Putina: ehffekt szhatiya. Imperiya pod pressingom NATO, Kitaya i islama. M., 2007. 496 s.

УДК 316

Тощенко Ж.Т.
Toshchenko Zh.T.

Территориальные различия жизненного мира россиян: общее и особенное

Territorial differences in the life-world of Russians: general and special

Статья посвящена анализу региональных особенностей сущности и содержания жизненного мира как социальной реальности, так и ведущих (основных) практик. Исходя из этого, рассматривается ряд экономических характеристик, образующих базу для жизненного мира людей, что в свою очередь предполагает изучение реального общественного сознания во всём его противоречивом развитии; деятельности, действительного поведение людей; условий, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей. Всё это позволяет выявить не только сами территориальные различия, но и особенности жизненного мира людей, присущих различным регионам России.

Ключевые слова*: регион, жизненный мир, экономически различия, общественное сознание, поведение, среда*

◆

This article analyzes the regional peculiarities the essence and content of the life of the world as a social reality, as the leading (basic) practices. On this basis, considering a number of economic indicators that form the basis for the life-world of people that howl all involves the study of real social consciousness in all its contradictory development; activities, the actual behavior of people; conditions that implement real awareness and the corresponding behavior. All this allows us to identify not only the territorial differences, but especially the life of people of the world inherent in different regions of Russia.

Key words*: region, life-world, cost differences, social consciousness, behavior, area*

Понятие ***«жизненный мир»*** впервые было употреблено в 1910 г. Э. Гуссерлем (1859–1938), но широко использовать его стали несколько позднее, в 1930-е годы. На первых порах оно было скорее описательным, чем строго логическим определением. Но трактовка этого понятия им и его последователями дала возможность высказать ряд принципиальных соображений: это действительный окружающий мир, основа («почва и горизонт», по выражению Гуссерля) теоретической и повседневной практики. Это не просто конкретный мир, но мир, имеющий общую структуру; это единство научного и обыденного, это осознание жизненного опыта, учёт исторически сложившихся жизненных форм существования людей **[***подробнее см.:* **4, с. 29]**.

Выполнено при поддержке РГНФ, грант № 14-03-00352

ТОЩЕНКО Жан Терентьевич, член-корреспондент РАН, профессор, зав. кафедрой теории и истории социологии Российского государственного гуманитарного университета, главный редактор журнала «Социологические исследования», главный научный сотрудник Института социологии РАН. *(г. Москва).* **E-mail:** zhantosch@mail.ru

К интенсивному использованию этого понятия в научных исследованиях приступили в 1930–1950-е годы. Среди европейских исследователей особенно много к нему обращался А. Шюц (1899–1959). В его исследовании жизненного мира как единственной установки сознания важно учесть, что «этот мир является воплощением *жизнепрактических* (*курсив* – авт.) смыслов, обладающих непосредственной очевидностью и сочетанием различных форм взаимосогласованного человеческого опыта» **[13, с. 38;** *подробнее о генезисе его идей см.:* **8]**.

Среди советских/российских социологов к этому понятию подошли те, кто занимался изучением повседневной жизни **[3]**, образом жизни **[1; 2]**, социальным планированием **[7; 13; 10]**.

Появление понятия «жизненный мир» означает реакцию на неудовлетворённость имеющимися теоретическими концепциями и методическим измерением социальной реальности. В поисках рационального решения новых потребностей познания было обращено внимание на возможность осмысления окружающего мира посредством принципиально нового подхода к интерпретации общественных процессов, происходящих изменений.

Обобщая накопленные знания, можно утверждать, что *изучение жизненного мира людей включает в себя реальное общественное сознание во всём его противоречивом развитии; деятельность, действительное поведение людей; условия, в которых реализуются реальное сознание и соответствующее ему поведение людей*. Всё сказанное позволяет нам назвать данную концепцию социологией жизни, так как она оперирует показателями взаимодействий людей в процессе решения реальных проблем и отношения ко всему тому, что происходит в обществе, в котором они работают и живут **[15]**.

Особое значение это приобретает при региональном анализе сущности и содержания жизненного мира как социальной реальности, как ведущих (основных) практик.

Исходя из этого, сначала охарактеризуем восприятие ситуации в стране всеми россиянами без исключения *(см. табл. 1)*.

Представленные данные свидетельствуют о разделении общества примерно на две равнозначные по объёму части населения. Очевидно, что те, кто поддерживает официальный курс, склонны доверять тем субъектам преобразований, которые стоят у руля этого курса. Они могут привести убедительные аргументы в защиту своей позиции, исходя из устраивающего их собственного экономического и социального положения. Эта цифра в определённой степени коррелирует с данными всероссийских выборов: они, хотя и показывают 50–60% поддержку правящей партии «Единая Россия», в то же время в расчёте к числу потенциаль-

Таблица 1.
Распределение ответов на вопрос: «Как Вы думаете, начиная с августа 1991 г., страна пошла в правильном или неправильном направлении?» (в % к числу ответивших) N= 1600).

Варианты ответов	2003	2005	2007	2013
В правильном направлении	30	25	28	42
В неправильном направлении	47	50	37	39
Затрудняюсь ответить	23	25	35	19

Источник: Общественное мнение – 2013. М. Левада-Центр, 2013.

ных избирателей (а не только явившихся на выборы) показывает, что эта поддержка примерно равна 40%.

Но не менее убедительные доводы приводят и те, кто составляет другую часть антиномии и кто считает, что страна развивается в неправильном направлении. Их реальный экономический и социальный опыт показывает, что они испытывают серьёзные затруднения, потери, а многие из них сомневаются в перспективах достижения личного благополучия. Они так же, как и первая группа, могут привести убедительные доводы, почему страна развивается в неправильном направлении, сопоставляя с тем, что непосредственно касается их. Они не доверяют общероссийским политическим и экономическим структурам, не верят их обещаниям. Именно из этой группы вкупе с воздерживающимися от оценки пути страны формируется протестный электорат, голосующие за оппозиционные партии или уклоняющиеся от участия в выборах, что также коррелирует с данными по количеству участвующих (или не участвующих) в избирательных компаниях. Если посмотреть на эти данные в региональном разрезе, то особых различий нет, хотя в регионах с более низкими доходами и более высокой степенью безработицы численность отрицательно оценивающих движение России несколько выше. Рассмотрим это более подробно.

Как показывает анализ, эти оценки также зависели от того, в какие годы об этом людей спрашивали. В годы кризиса (1998, 2009) эта оценка резко снижалась, и также резко росли оценки кризисности и катастрофичности, хотя такая оценка как катастрофичность в 2010 г. была значительно ниже, чем в 1998 г.

Что касается регионов, то эта оценка серьёзно дифференцируется. От чего она зависит?

В основном она зависит от степени модернизированности региона, от степени его экономического развития, от социальной жизни региона и его культурной (когнитивной) составляющей. Если судить по этим показателям, то можно сказать, что характеристики основных регионов России зависят от их включённости в общие характеристики устойчивого развития. Наиболее успешны те, кто:

а) сохранил экономический потенциал (Москва, Санкт-Петербург, Нижний Новгород);

б) обладал значительными природными ресурсами (нефтью, газом, лесными богатствами (Западная Сибирь, Северо-западный округ, Красноярский край);

в) привлекли значительные инвестиции и стали обладателями новых производств (Московская и Калужская области);

Если рассматривать в плане развитости региона, то мы должны также сказать о первичной (ПМ) и вторичной модернизации, которую, по мнению Н.И. Лапина следует обязательно учитывать. Всероссийские исследования, осуществлённые под его руководством, показывают всё многообразие таких составляющих как экономическая, социальная и социокультурная *(см. табл. 2)*.

Проведённые в этих федеральных округах социологические исследования позволяют говорить, что среди индикаторов различий значительную часть занимает социокультурный фактор, который во многом определяет конкретную сущность жизненного мира населения по разным регионам. *На наш взгляд, такие различия состоят из различных уровней благосостояния (разницы в доходах), из культурного уровня (уровня образованности, развития науки и обеспеченности духовно-культурными учреждениями), от инновационной деятельности и участия населения в управлении государственными и общественными делами*. К этому можно добавить такие важные компоненты, как этни-

Таблица 2.
Стадии, характер и степень модернизированности федеральных округов

Федеральные округа	Стадии модернизации	Характер отклонений	Степень модернизированности
Северо-Западный	Устойчивая ВМ (фаза роста)	Опережает социальная и культурная составляющие	Высокий модернизационный статус
Центральный	Переход к ВМ (фаза роста)	Опережает социальная и культурная составляющие	Высокий модернизационный статус
Уральский	Переход к ВМ (фаза начала)	Опережает социальная и культурная составляющие	Выше среднего модернизационного статуса
Приволжский	Повышение П.М. (фаза зрелости)	Опережает социальная и культурная составляющие	Первичная (индустриальная) стадия модернизации
Сибирский	Заторможенное повышение ПМ (фаза зрелости)	Отстает экономическая и культурная составляющая	Первичная (индустриальная) стадия модернизации
Дальневосточный	Заторможенное повышение ПМ (фаза зрелости)	Отстает культурная составляющая	Первичная (индустриальная) стадия модернизации
Южный	Заторможенное повышение ПМ	Отстает экономическая и культурная составляющая	Низкий модернизационный статус
Северо-Кавказский	Заторможенное повышение ПМ	Отстает экономическая и культурная составляющая	Низкий модернизационный статус
Россия	Переход к ВМ (фаза роста)	Опережает социальная составляющая	Высокий модернизационный статус

Примечание: ПМ – Первичная модернизация. ВМ – вторичная модернизация.

Источник: [4, с.49].

ческие различия между регионами и оценки населением происходящих изменений.

Что касается доходов населения, то они серьёзно дифференцируются не только между федеральными округами, но внутри них. В частности, серьёзно отстают от среднероссийских показателей по доходам на душу населения Южный и Северо-Кавказский округа, а также имеют отставание от среднероссийских показателей Сибирский и Дальневосточный округа. Например, при среднемесячной оплате труда по России в 20755 руб., в Южном округе она составляет 16584 руб.

Уровень безработицы также вносит серьёзные коррективы в жизненный мир людей. В настоящее время данный показатель разнится по федеральным округам почти в пять раз, а по регионам дифференциация достигает почти 80 раз. В целом, уровень безработицы в ноябре 2014 г. составил 5,4% по методологии МОТ, уровень занятости населения составил 64,5%. Самый низкий уровень безработицы, соответствующей критериям МОТ, в ноябре 2012 г. был отмечен в Центральном федеральном округе – 2,8%, самый высокий – в Северо-Кавказском федеральном округе (13,3%). В Северо-Западном федеральном округе уровень безработицы в 2014 г. составил 4,2%, в Приволжском – 4,5%, в Южном – 6,2%,

в Уральском – 6,6%, в Дальневосточном – 6,6%, в Сибирском федеральном округе – 7,6%. Среди регионов РФ самый высокий уровень безработицы в сентябре-ноябре 2012 года был зафиксирован в Ингушетии (47%) и Чечне (30,8%). Самая низкая безработица отмечена в Москве (0,6%), Санкт-Петербурге (1,1%), Самарской (2,4%) Московской (2,8%) и Ярославской областях (3,1%). Согласно социологическим данным уровень социального самочувствия как элемента жизненного мира, зафиксирован в районах с меньшей безработицей.

Если взять такой показатель жизненного мира, как уровень образования населения, включая уровень насыщенности научными учреждениями, и сравнить его по регионам, то он окажется значителен в Центральном, Северо-Западном и Дальневосточных округах (лиц с высшим образованием на 1000 человек населения приходится соответственно 282, 254 и 215 человек) при серьёзном отставании Сибирского и Южного округов (соответственно 197 и 193 человека). При этом надо отметить, что насыщенность специалистов со средним профессиональным образованием примерно везде одинакова (в пределах 314–341 человек на 1000 человек, за исключением Северо-Кавказского округа (233 человека) **[8]**.

Ещё один показатель жизненного мира в контексте модернизированности – инновационная деятельность – нами измерялась по ограниченному кругу показателей: по количеству изобретений и патентов, которые хотя и не охватывают весь спектр творческой деятельности, но являются его наиболее наглядными показателями. Но здесь не отмечено противоречивой картины. Как правило, в областях и краях страны, где сосредоточены крупные предприятия и важные научные академические и отраслевые институты, количество патентов и изобретений значительно выше.

Что касается участия в управлении, то большой разницы нет. Это хорошо демонстрируют данные, полученные в процессе исследования «Жизненный мир россиян» *(см. табл. 3)*.

Таблица 3.
Распределение ответов на вопрос
«Можете ли Вы влиять на принятие важных решений?» (2014, N=1750 чел.

Уровни участия	Могут влиять в полной мере	Могут влиять в небольшой мере	Не могут влиять	Затруднились ответить
1. Принятие государственных решений в стране	1,3	4,7	93,7	0,3
2. Принятие решений республиканской, краевой, областной власти	1,1	6,5	91,9	0,5
3. Принятие решений городской (районной) власти	1,8	10,5	87,5	0,3
4. Принятие решений в вашей производственной организации	7,1	25,9	63,2	3,8
5. Принятие решений по месту жительства (ЖКХ, благоустройство и т.д.)	6,1	28,5	64,9	0,5

Примечание: ПМ – Первичная модернизация. ВМ – вторичная модернизация.

Источник: результаты исследования «Жизненный мир россиян». (Всероссийская выборка 1750 чел., 8 федеральных округов, время проведения октябрь 2014). **[**Подробнее см.: **11]**

В заключение следует отметить влияние на жизненный мир этнического разнообразия. На основе анализа 14 областей, краёв и республик России, осуществлённого на базе применения индекса Симпсона, было выявлено, что наибольшим разнообразием отличаются не Москва (индекс = 0,251) и Санкт-Петербург (индекс = 0,340), а такие национальные республики, как Татарстан (индекс = 0,559), Башкирия (индекс = 0,730), а также районы освоения природных богатств (Тюменская область (индекс = 0,509), Чукотский автономный округ (индекс = 0,682). На этих территориях созданы нормальные условия для совместной жизни представителей многих народов, и эти территории в настоящее время наиболее стабильны по сравнению с другими регионами **[6, с. 74]**.

Анализ этих данных по жизненному миру россиян позволяет сделать вывод, что по анализируемым показателям (оговоримся, далеко не всем) имеются серьёзные различия, если эти показатели рассматривать с позиций модернизированности. И особое значение приобретают социально-культурные различия, которые аккумулируют в себе не только собственно характеристику и состояние собственно им присущих процессов, но и экономическую базу их состояния и проблем развития.

◆

Литература

1. Бестужев-Лада И.В. Содержание, структура и типология образов жизни // Социальная структура социального общества и всестороннее развитие личности / Отв. ред. Л.П. Буев. М., 1983.

2. Коган Л.Н. (ред.). Социалистический образ жизни (опыт социологического исследования). М. Свердловск, 1979.

3. Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М., 1996.

4. Лапин Н.И. Дистанции между модернизированностью и этапы интегрирующей модернизации России // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 45–55.

5. Мотрошилова Н.В. Жизненный мир //Философская энциклопедия. Т. 2. М., 2004. С. 28–29.

6. Нестина М.В. Влияние культурного разнообразия регионов России на экономические показатели // Общественные науки и современность. 2015. № 5. С. 72–85.

7. Полозов В.Р. Социальное планирование производственных коллективов и его роль в ускорении социально-экономического развития страны. Л., 1987.

8. Регионы России. Федеральная служба государственной статистики. М., 2014.

9. Смирнова Н.М. Социальная философия в изучении современного общества. М., 2009.

10. Тощенко Ж.Т. Социальное планирование в СССР. М., 1981.

11. Тощенко Ж.Т. (ред.) Жизненный мир россиян: 25 лет спустя (конец 1980-х гг. – середина 2010 гг.). М., 2016.

12. Тощенко Ж.Т. Жизненный мир: сущность и содержание // Вестник РГГУ. Серия «Философия, Социология. Искусствоведение». 2015. № 1. С. 9–14.

13. Фролов С.Ф. Социальное планирование на промышленном предприятии. Горький, 1969.

14. Шюц А. Избранное: мир, освященный смыслом / сост. и пер. Н.М. Смирновой. М., 2004.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Bestuzhev-Lada I.V. Soderzhanie, struktura i tipologiya obrazov zhizni // Sotsial'naya struktura sotsial'nogo obshhestva i vsestoronnee razvitie lichnosti / Otv. red. L.P. Buev. M., 1983.
2. Kogan L.N. (red.). Sotsialisticheskij obraz zhizni (opyt sotsiologicheskogo issledovaniya). M. Sverdlovsk, 1979.
3. Kozlova N.N. Gorizonty povsednevnosti sovetskoj ehpokhi: golosa iz khora. M., 1996.
4. Lapin N.I. Distantsii mezhdu modernizirovannost'yu i ehtapy integriruyushhej modernizatsii Rossii // Sotsiologicheskie issledovaniya. 2015. № 3. S. 45–55.
5. Motroshilova N.V. ZHiznennyj mir //Filosofskaya ehntsiklopediya. T. 2. M., 2004. S. 28–29.
6. Nestina M.V. Vliyanie kul'turnogo raznoobraziya regionov Rossii na ehkonomicheskie pokazateli // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2015. № 5. S. 72–85.
7. Polozov V.R. Sotsial'noe planirovanie proizvodstvennykh kollektivov i ego rol' v uskorenii sotsial'no-ehkonomicheskogo razvitiya strany. L., 1987.
8. Regiony Rossii. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki. M., 2014.
9. Smirnova N.M. Sotsial'naya filosofiya v izuchenii sovremennogo obshhestva. M., 2009.
10. Toshhenko Zh.T. Sotsial'noe planirovanie v SSSR. M., 1981.
11. Toshhenko Zh.T. (red.) ZHiznennyj mir rossiyan: 25 let spustya (konets 1980-kh gg. – seredina 2010 gg.). M., 2016.
12. Toshhenko Zh.T. ZHiznennyj mir: sushhnost' i soderzhanie // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya, Sotsiologiya. Iskusstvovedenie». 2015. № 1. S. 9–14.
13. Frolov S.F. Sotsial'noe planirovanie na promyshlennom predpriyatii. Gor'kij, 1969.
14. SHyuts A. Izbrannoe: mir, osvyashhennyj smyslom / sost. i per. N.M. Smirnovoj. M., 2004.

УДК 37.011

Левченко Н.В.
Levchenko N.V.

Экологическое образование: классификация теоретико-методологических подходов

Environmental education: the classification of theoretical – methodological approaches

В статье рассматриваются причины необходимости эколого-просветительской деятельности, осуществляемой экологическими некоммерческими организациями, особо охраняемыми природными территориями и вузами. В связи с тем, что перечисленные участники образовательного процесса преподают в рамках различных форм образования, в статье анализируется отечественная и западная научная литература, посвящённая изучению формального, неформального и информального образования.

Ключевые слова*: теоретические подходы, формальное, неформальное и информальное образование, экологическое образование и просвещение, экологическое мировоззрение, ценности*

◆

The paper discusses the reason for the need to environmental education representatives of activities of environmental non-profit organizations and Protested Areas and teachers of training institutions. Due to the fact that the listed participants of the educational process taught in the various forms of education, the article analyzes the domestic and foreign scientific literature devoted to the study of formal, non-formal and informal education.

Key words*: theoretical approaches, formal, non-formal and informal education, environmental education, ecological worldview, values*

Во второй половине XX в. перед человечеством остро встали вопросы, касающиеся сохранения экосистемы планеты, снижения экологических рисков и воспитания бережного отношения к живой природе и рукотворной окружающей среде. В России наиболее масштабно проблемы экологии стали актуализироваться с начала 1980-х гг., в это время «на территории страны стали повсеместно возникать гражданские инициативы экологической и историко-культурной направленности» **[9, с. 140]**. Активная деятельность представителей экологических неправительственных организаций (экоНКО) обратила внимание общества и власти на экологические проблемы, что повлекло за собой процесс формирования экологического образования в детских садах, школах и вузах, актуальным стало непрерывное экологическое образование.

Необходимость исследования экологического образования обусловлена тем, что данный предмет слабо исследован в социологии. В течение 2000-х гг. формальное экологическое образование рушится, в результате основными носителями такого рода образования остаются в основном представители экоНКО. На сегодняшний день государство заинтересо-

ЛЕВЧЕНКО Наталья Валерьевна, младший научный сотрудник Института социологии РАН. *(г. Москва).* **E-mail:** natalya_levchenk@mail.ru

вано в политике, связанной с ресурсодобывающей деятельностью, и не уделяет достаточного внимания охране природы. Активное использование природных ресурсов, отсутствие самоконтроля граждан и увеличение антропогенного влияния на окружающую среду усиливают потребность в формировании экологического сознания населения.

Несмотря на сложившуюся трансформацию природоохранных структур государственной власти, снижающую их природоохранную составляющую, и снижения влияния экоНПО, сотрудники экологических организаций и особо охраняемых природных территорий (ООПТ), инициативные преподаватели школ и ВУЗов по-прежнему занимаются экологическим образованием и просвещением населения.

В данной статье экологическое образование рассматривается как «непрерывный процесс обучения, воспитания и развития личности, направленный на формирование системы научных и практических знаний и умений, а также ценностных ориентаций, поведения и деятельности». **[4]**. В нашем исследовании рассматривается экологическое образование, носителями которого являются как представители формального, так и неформального видов образования. Однако «существует большая неопределённость в понимании значения неформального образования» **[13, с. 8]**. Далеко не все понимают различия данных форм образования даже среди педагогических работников. В исследовании Н.В. Чекалевой, О.В. Ройтблат и Н.Н. Суртаевой[1] было выявлено, что «почти 80% респондентов не ясно представляют смысл понятия «неформального», «формального» и «информального» образования. 33% респондентов показали, что путают понятие формальное и неформальное, меняя их смысл местами» **[7]** . В связи с этим попробуем разобраться в различиях этих институций.

Характеристики приведённых выше форм образования масштабно представлены как в отечественной (Г.А.Ключарев, Е.И. Пахомова, Е.Н. Кофанова, Л.В. Дукачева, Н.В. Чекалева, О.В. Ройтблат, Н.Н. Суртаева, В.В., Т.В. Мухлаева, Е.Л. Шуклина), так и в западной (Дж. Морган, П. Кубс и М. Ахмед, П. Фордхам, М. К. Смит, А. Роджерс, А. Уан, Ф. Ходкинсон, Дж. Малкольм, М. Ерот, Д. Ливингстон, Дж. Опенюри, Р. Мазур) научной литературе.

По Г.А. Ключареву, Е.И. Пахомовой, Е.Н. Кофановой, «образование – это та или иная форма институционализированной деятельности, которая заканчивается получением диплома или сертификата» **[3, с. 42]**. Однако, как отмечают авторы, ряд факторов, таких как: «коммерциализация отношений в сфере образования» и «формирование пока ещё нестабильного рынка образовательных услуг» приводят к деформациям образовательного процесса. На сегодняшний день, диплом (сертификат) не является показателем получения достаточного объёма знаний, а неформальное образование и самообразование наоборот приобретают большую значимость для российского общества **[3, с. 37–46]**.

Анализ научных трудов показал, что в отечественной литературе большее внимание, как правило, уделяется самообразованию (или информальному образованию), а зарубежные учёные, в основном, рассматривают неформальное образование профессиональных групп как способ повышения квалификации, более лёгкой адаптации к условиям трансформирующегося общества, быстрой смене запросов на рынке

---

[1] Исследование было проведено с целью выявления отношения педагогического корпуса к рассматриваемым трем формам образования – в Омском, Тюменском регионах и г. Санкт-Петербурге (охват более 10 тыс. респондентов) для того, чтобы получить представление о возможностях развития интеграционных процессов трех форм образования взрослых.

труда, повышения социальной компетентности и качества жизни **[10, с. 1–8]**.

И.М.Дубовик в своих работах предложила следующую классификацию зарубежных теорий формального и неформального образования:

♦ «определение специфики структуры и содержания (Кубс и Ахмед);

♦ особенности реализации типов образования в условиях взаимосвязи с институтами общества (П. Фордхэм);

♦ создание идеальной модели формального и неформального образования (Т. Симкинс);

П. Фордхэм, Т. Джефф и М.К. Смит производят дифференциацию различных типов образования на основе системообразующих принципов «сверху вниз» и «снизу вверх» **[1]**.

Систематизация по степени институциализации образования

Опираясь на представленную выше классификацию и изученную отечественную и зарубежную литературу, систематизацию характеристик существующих форм образования можно представить следующим образом.

В своих трудах учёные указывают на то, что формальное образование связано с общеобразовательным процессом, повышением квалификации профессионалов или их переподготовки. Образование проводится в учебных учреждениях в соответствии с государственными стандартами, заканчивающееся получением диплома или сертификата. К неформальному образованию относится учебная деятельность, которая находится вне системы формального образования, узконаправленная, как правило, без аттестации, и проводится оно как в учебных, так и в любых других учреждениях. Информальное образование подразумевает под собой самообразование. Приобретение знаний здесь происходит из повседневного опыта, может иметь как творческое, так и профессиональное содержание.

Г.А. Ключарев, Е.И. Пахомова, Е.Н. Кофанова так определяют специфику трёх форм образования: «формальное образование (общее среднее, среднее профессиональное, высшее, послевузовское профессиональное образование, повышение квалификации и переподготовка специалистов и руководителей с высшим и средним профессиональным образованием в институтах, на факультетах и курсах повышения квалификации и профессиональной переподготовки); неформальное образование – профессионально направленное и/или общекультурное обучение на платных курсах, в народных университетах, центрах непрерывного образования взрослых, в лекториях и домах знаний, по телевидению и с помощью дистанционных средств, без аттестации и выдачи государственного сертификата (диплома); информальное образование – нецеленаправленное (неосознаваемое) обучение в процессе любого информационного или коммуникативного действия» **[3, с. 42]**. Е.Л. Шуклина определяет самообразование «как способ индивидуальной и групповой саморегуляции сферы знания и как вид деятельности, ведущей и базовой социальной функцией которого является самореализация личности» **[8, с. 141]**.

Достаточно близкое определение неформального образования приводится Т.В. Мухлаевой: «Неформальное обучение охватывает практически всякое обучение, которое направлено на точную, но при этом свободно избранную цель» **[5]**. По мнению Г.А. Ключарева, «многие виды деятельности, свойственные клубам (различные кружки, любительские объединения, массовые мероприятия, фестивали, выставки, экскурсии), оказывают значительное влияние на людей в направлении их творческого развития и большей информированности» **[2]**.

П. Кубс и М. Ахмед к формальному образованию отнесли иерархическую систему образования, т.е. «от начальной школы, следующая через университет, включающая общую академическую учёбу, различные специализированные программы и учреждения, обеспечивающие техническое и профессиональное образования на дневных отделениях, к неформальному образованию отнесена любая организованная учебная деятельность за пределами установленной формальной системы – отдельная деятельность или существенная часть более широкой деятельности. К информальному образованию причислен процесс, протекающий на протяжении всей жизни, в котором каждый приобретает взгляды, ценности, навыки и знания из повседневного опыта и получает образовательное влияние из ресурсов своей среды – начиная от семьи и соседей, от работы и игр, от рынка, библиотеки и средств массовой информации» **[5]**.

М. К. Смит, опираясь на работы Кумбса и Ахмеда, показывает, что различия данных форм образования имеют в основном институализированный характер, т.е. «формальное образование – учебные учреждения, неформальное образование – общественные группы и организации, информальное образование – окружение индивида» **[15]**. Учёный отмечает, что три формы образования также различаются согласно институциональной аккредитации, которая стала «основой для финансирования учебных программ в секторе образования», по его мнению, «аккредитованные программы основаны на более индивидуальном подходе» **[16]**. Как отмечает М.К. Смит, появление таких типов образования как неформальное и информальное связано «с неспособностью формального образования (в частности школьного) идти в ногу с социально-экономическими изменениями из-за их консервативности и отсутствия политических и экономических возможностей реформации образовательной системы» **[16]**.

Как отмечает Т.В. Мухлаева, «Симкинс проанализировал программы неформального образования с точки зрения целей, сроков и его методов для создания идеальной модели различий между формами образования» **[5]**.

А. Уан объединяет понятия «неформальное» и «информальное» образование, по его мнению, неформальное образование «включает в себя системы параллельного образования и образование неправительственных организаций, в удобном месте и в удобное время для участников образования» **[10]**.

М. Ерот выделяет пять критериев формального образования: «предписанные рамки обучения, определённый «пакет» обучения, наличие утверждённого учителя (тренера), присуждение квалификации, внешняя спецификация результатов» **[12, с. 12]**.

В документе Европейской комиссии приводятся следующие определения трёх форм образования: «Формальное обучение – обеспечивают учреждения образования или центры профессиональной подготовки, носит структурированный характер, с точки зрения целей, времени обучения, выдаётся сертификат по окончании. Неформальное обучение – обучение, которое не предусмотрено в учреждениях образования, как правило, не выдаётся сертификат по окончании, также носит структурированный характер с точки зрения целей и времени обучения. Информальное обучение – обучение в результате повседневной деятельности, связанной с работой, семьёй и отдыхом, не структурировано, является не намеренным»**[11, с. 32–33]**.

Систематизация образования по форме и содержанию

Согласно М. Смиту при формальном образовании идёт чёткая установка, для него характерны нормы и правила. При информальном

образовании всё непредсказуемо, зависит от течения разговора, имеет более широкую направленность, может проходить в любой обстановке **[16]**. О.В. Ройтблат говорит о том, что в отличие от формального образования неформальное более свободно по организации, отличается особенностью преподавательского состава, не сопровождается документами государственного образца, возможна стихийная организация по времени, содержанию, технологиям обучения, образовательной среде. При данной форме образования участники ориентированы больше на действия, чем на получение абстрактных теоретических знаний **[6, с. 25–28]**.

Систематизация в зависимости от того, кто является инициатором получения образования

Как отмечается в некоторых научных трудах, существует два типа организации образовательного процесса: «сверху вниз» и «снизу вверх» **[1]**. Так, например, «Джеффс и Смит на основании этого различают формальное и неформальное образование» **[5]**. Здесь, как правило, формальное образование относится к первому типу, а участники неформального образования сами являются инициаторами получения образования. М.К. Смит, вслед за другими учёными, утверждает, что «при неформальном образовании учебная программа должна быть предпочтительно проведена самими учащимися, т.е. идти «снизу-вверх» **[15]**.

Систематизация по признаку того, кто из участников образовательного процесса выбирает программу обучения

В ряде работ отмечаются различия форм образования, основывающиеся на том, кто из участников образовательного процесса является инициатором получения знаний, и, исходя из этого, меняется содержание передаваемых знаний. Д. Ливингстон различает данные типы образования следующим образом: «При формальном образовании решения принимает учитель, неформальное образование носит добровольный характер в соответствии с интересами учащегося, а информальное образование носит случайный, спонтанный характер, и в этом случае учитель или воспитатель берёт на себя ответственность за те дополнительные знания, которые он даёт, вне формального образования» **[14, с. 2–4]**.

В соответствии с вышеизложенным, можно сделать вывод, что преподаватели вузов используют формальную форму образования, а неформальная характерна для сотрудников экоНКО и ООПТ. В то же время эти формы переплетаются и взаимодополняют друг друга, например, в рамках формального образования возможна передача дополнительных знаний (информальное образование), которые также могут способствовать повышению экологической культуры учащихся и формированию экоцентричного мировоззрения, а неформальное образование может преподаваться в рамках государственных стандартов и с выдачей диплома или сертификата.

◆

Литература

1. Дубовик И.М. Становление и развитие неформального образова-ния за рубежом // novainfo.ru [Электронный ресурс]. URL: http://novainfo.ru/archive/30/stanovlenie-neformalnogo-obrazovaniya (дата посещения 27.07.2015 г.).

2. Дукачева Л.В., Ключарев Г.А. Роль культурно-досуговыхучреждений в информальном образовании // Непрерывное образование в политическом и экономическом контекстах. М.: ИС РАН, 2008. С. 294–299 [Электронный ресурс].

URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/obraz/4_4_Rol.pdf (дата посещения 27.07.2015 г.).

3. Ключарев Г.А., Пахомова Е.И., Кофанова Е.Н. .Образование в новой России. Самообразование взрослых // SocPolitika.Ru 2003. С. 37–46. [Электронный ресурс]. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document4976.shtml (дата посещения 03.07.2015 г.).

4. Куракова Н.Г. Экологическое образование и воспитание // Внешкольная экология [Электронный ресурс]. 2010. URL: http://www.eco.nw.ru/lib/data/10/07/070710.htm (дата посещения 22.09.2015 г.).

5. Мухлаева Т. В. Международный опыт неформального образования взрослых // Человек и образование. 2010. № 4. С.158–162. [Электронный ресурс]. URL: http://www.iovrao.ru/?c=118 (дата посещения 22.07.2015 г.).

6. Ройтблат О.В. Развитие неформального образования в современном социокультурном пространстве России // Человек и образование. 2013. № 1 (34). С. 25–28. [Электронный ресурс]. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2013–1_025-028.pdf (дата посещения 08.07.2015 г.).

7. Чекалева Н.В., Ройтблат О.В., Суртаева Н.Н. Отношение к процессу интеграции формального, неформального и информального образования взрослых // Письма в Эмиссия. Оффлайн. [Электронный ресурс]. 2012. URL: http://www.emissia.org/offline/2012/1755.htm (дата посещения 03.08.2015 г.).

8. Шуклина Е.Л. Технологии самообразования: социологический аспект // Общественные науки и современность. 1999. № 8. С. 140–151. [Электронный ресурс]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/509/542/1216/013yUKLINA.pdf (дата посещения 07.07.2015 г.).

9. Яницкий О.Н. Транснационализация гражданского общества: на примере неправительственных экологических организаций в трех постсоветских странах // Мир России. 1999. С. 135–150. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180814/1999_n1x2c2_p135–150.pdf (дата посещения 05.08.2015 г.).

10. Ouane A. Adult Non-formal Education // UNESCO Institute for Education Hamburg 2003. 8 p. [Электронный ресурс]. URL: http://balid.org.uk/pdfs/Adult_Non-formal_Education.pdf (дата посещения 03.07.2015 г.).

11. European Commission Communication: Making a European Area of Lifelong Learning a Reality // Commission of the European communities 2002. 40 p. [Электронный ресурс]. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fpjp-eu.coe.int%2Fdocuments%2F1017981%2F1668227%2FCOM2001_678.pdf%2Fc34c2f9b–3290–492f–9329-0266401becae&name=c34c2f9b–3290–492f–9329-0266401becae&c=55c5f7f538d9&page=1 (дата посещения 03.07.2015 г.).

12. Eraut M. Non-formal learning, implicit learning and tacit knowledge, in F. Coffield (Ed)//The Necessity of Informal Learning, Bristol: Policy Press. 2000. 12 p.

13. Rogers A. Non-Formal Education Flexible Schooling or Participatory Education? // Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. 2005. 307 p. [Электронный ресурс]. URL: http://download.e-bookshelf.de/download/0000/0008/71/L-G-0000000871-0002368964.pdf (дата посещения 06.07.2015 г.).

14. Livingstone, D.W. Adults Informal Learning: Definitions, Findings, Gaps and Future Research [Электронный ресурс]. 2002. URL: http://www.lindenwood.edu/education/andragogy/andragogy/2011/Livingstone_2001.pdf (дата посещения 09.07.2015 г.).

15. Smith M.K. What is non-formal education?// The encyclopedia of informal education. [Электронный ресурс]. 2001. URL: https://ewgblog.wordpress.com/2013/05/08/what-is-non-formal-education/ (дата посещения 03.07.2015 г.).

16. Smith M.K. Informal, non-formal and formal education: a brief overview of different approaches// The encyclopedia of informal education. [Электронный ресурс]. 2002. URL: http://www.infed.org/foundations/informal_nonformal.htm. (дата посещения 03.07.2015 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Dubovik I.M. Stanovlenie i razvitie neformal'nogo obrazova-niya za rubezhom // novainfo.ru [EHlektronnyj resurs]. URL: http://novainfo.ru/archive/30/stanovlenie-neformalnogo-obrazovaniya (data poseshheniya 27.07.2015 g.).

2. Dukacheva L.V., Klyucharev G.A. Rol' kul'turno-dosugovykhuchrezhdenij v informal'nom obrazovanii // Nepreryvnoe obrazovanie v politicheskom i ehkonomicheskom kontekstakh. M.: IS RAN, 2008. S. 294–299 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.isras.ru/files/File/Publication/Monografii/obraz/4_4_Rol.pdf (data poseshheniya 27.07.2015 g.).

3. Klyucharev G.A., Pakhomova E.I., Kofanova E.N. .Obrazovanie v novoj Rossii. Samoobrazovanie vzroslykh // SocPolitika.Ru 2003. S. 37–46. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.socpolitika.ru/rus/social_policy_research/applied_research/document4976.shtml (data poseshheniya 03.07.2015 g.).

4. Kurakova N.G. EHkologicheskoe obrazovanie i vospitanie // Vneshkol'naya ehkologiya [EHlektronnyj resurs]. 2010. URL: http://www.eco.nw.ru/lib/data/10/07/070710.htm (data poseshheniya 22.09.2015 g.).

5. Mukhlaeva T. V. Mezhdunarodnyj opyt neformal'nogo obrazovaniya vzroslykh // CHelovek i obrazovanie. 2010. № 4. S.158–162. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.iovrao.ru/?c=118 (data poseshheniya 22.07.2015 g.).

6. Rojtblat O.V. Razvitie neformal'nogo obrazovaniya v sovremennom sotsiokul'turnom prostranstve Rossii // CHelovek i obrazovanie. 2013. № 1 (34). S. 25–28. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://obrazovanie21.narod.ru/Files/2013–1_025-028.pdf (data poseshheniya 08.07.2015 g.).

7. CHekaleva N.V., Rojtblat O.V., Surtaeva N.N. Otnoshenie k protsessu integratsii formal'nogo, neformal'nogo i informal'nogo obrazovaniya vzroslykh // Pis'ma v EHmissiya. Offlajn. [EHlektronnyj resurs]. 2012. URL: http://www.emissia.org/offline/2012/1755.htm (data poseshheniya 03.08.2015 g.).

8. SHuklina E.L. Tekhnologii samoobrazovaniya: sotsiologicheskij aspekt // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 1999. № 8. C. 140–151. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/509/542/1216/013yUKLINA.pdf (data poseshheniya 07.07.2015 g.).

9. YAnitskij O.N. Transnatsionalizatsiya grazhdanskogo obshhestva: na primere nepravitel'stvennykh ehkologicheskikh organizatsij v trekh postsovetskikh stranakh // Mir Rossii. 1999. C. 135–150. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.hse.ru/data/2010/12/31/1208180814/1999_n1x2c2_p135–150.pdf (data poseshheniya 05.08.2015 g.).

10. Ouane A. Adult Non-formal Education // UNESCO Institute for Education Hamburg 2003. 8 p. [EHlektronnyj resurs]. URL: http://balid.org.uk/pdfs/Adult_Non-formal_Education.pdf (data poseshheniya 03.07.2015 g.).

11. European Commission Communication: Making a European Area of Lifelong Learning a Reality // Commission of the European communities 2002. 40 p. [EHlektronnyj resurs]. URL: https://docviewer.yandex.ru/?url=ya-serp%3A%2F%2Fpjp-eu.coe.int%2Fdocuments%2F1017981%2F1668227%2FCOM2001_678.pdf%2Fc34c2f9b–3290–492f–9329-0266401becae&name=c34c2f9b–3290–492f–9329-0266401becae&c=55c5f7f538d9&page=1 (data poseshheniya 03.07.2015 g.).

12. Eraut M. Non-formal learning, implicit learning and tacit knowledge, in F. Coffield (Ed)//The Necessity of Informal Learning, Bristol: Policy Press. 2000. 12 p.

13. Rogers A. Non-Formal Education Flexible Schooling or Participatory Education? // Library of Congress Cataloging-in-Publication Data. 2005. 307 p. [EHlektronnyjresurs]. URL: http://download.e-bookshelf.de/download/0000/0008/71/L-G-0000000871-0002368964.pdf (data poseshheniya 06.07.2015 g.).

14. Livingstone, D.W. Adults Informal Learning: Definitions, Findings, Gaps and Future Research [EHlektronnyj resurs]. 2002. URL: http://www.lindenwood.edu/education/andragogy/andragogy/2011/Livingstone_2001.pdf (data poseshheniya 09.07.2015 g.).

15. Smith M.K. What is non-formal education?// The encyclopedia of informal education. [EHlektronnyj resurs]. 2001. URL: https://ewgblog.wordpress.com/2013/05/08/what-is-non-formal-education/ (data poseshheniya 03.07.2015 g.).

16. Smith M.K. Informal, non-formal and formal education: a brief overview of different approaches// The encyclopedia of informal education. [EHlektronnyj resurs]. 2002. URL: http://www.infed.org/foundations/informal_nonformal.htm. (data poseshheniya 03.07.2015 g.).

УДК 338.48(479)

Щекунцова О.С., Рубан Д.А.
Shcekuntsova O.S., Ruban D.A.

Туристический образ региона в электронном пространстве: опыт комплексной оценки

Tourism image of region in the e-space: an experience of complex evaluation

Туристический образ региона в электронном пространстве имеет огромное значение, т.к. ресурсы сети Internet стали к настоящему времени важнейшим источником информации для туристов. На примере Кабардино-Балкарской Республики показано, что представляет такой образ и каковы связанные с ним проблемы, а также апробирована методика его комплексной оценки. Контент-анализ представительной выборки Internet-страниц позволяет сделать вывод о том, что туристический образ указанного региона в электронном пространстве определяется информацией о естественных ландшафтах, отдельных природных особенностях, культурной среде, туристической инфраструктуре, возможном времяпрепровождении, сезонах и конкретных объектах. При этом активно продвигаются природные ресурсы горной части республики. Сформировавшийся туристический образ характеризуется неполнотой и проблемами с узнаваемостью объектов. В этой связи требуется разработка стратегии по его оптимизации.

Ключевые слова*: туристический образ, регион, Internet-страницы, контент-анализ, Кабардино-Балкария*

◆

Tourism image of region in the e-space is of big significance because Internet resources have become importance sources of information for modern tourists. The composition of this image, the relevant problems, and the method of its complex evaluation are demonstrated by example of the Kabarda-Balkaria Republic. Content-analysis of the representative set of web-pages allows to conclude that the tourism image of the noted region in the e-space is determined by information about natural landscapes, particular natural peculiarities, cultural environment, tourism infrastructure, possibilities for time spending, seasons, and real objects. Natural resources of the mountainous part of the republic are promoted most actively. The formed tourism image is characterized by incompleteness and problems linked to object identification. Therefore, development of strategy for this image optimization is required.

Key words*: tourism image, region, web-pages, content analysis, Kabarda-Balkaria*

Введение

К настоящему времени основным источником информации для туристов стало электронное пространство, которое составляют многочисленные ресурсы сети Internet. В этой связи огромный интерес представляет изучение туристических образов отдельных регионов в этом пространстве, сформировавшихся к настоящему времени **[9; 16; 17; 19;**

ЩЕКУНЦОВА Ольга Сергеевна, магистрантка Высшей школы бизнеса Южного федерального университета *(г. Ростов-на-Дону)*.

РУБАН Дмитрий Александрович, к.геол.-минерал.н., доцент Высшей школы бизнеса Южного федерального университета *(г. Ростов-на-Дону)*. **E-mail:** ruban-d@mail.ru

21]. Это важно, в частности, для понимания того, какая информация в сети Internet предопределяет выбор туристами конкретных дестинаций. Результаты подобного рода изучения важны для правильного позиционирования туристической индустрии конкретных территорий путём оптимизации соответствующих образов в электронном пространстве.

В России особого внимания заслуживают регионы Северного Кавказа, где в последние годы туризм стал одним из основных направлений деятельности, но при этом становление соответствующей индустрии ещё требует решения большого числа проблем. Немаловажно отметить, что у большинства потенциальных туристов уже есть чётко устоявшийся образ этих регионов, который подчас требует корректировки и изменения в лучшую сторону. Как показал опыт изучения Адыгеи **[9]**, анализ туристического образа конкретной территории позволяет также развивать и апробировать различные методики, которые впоследствии могут использоваться не только для этих, но всех остальных регионов страны. В настоящей работе делается попытка комплексной оценки туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве. Основными задачами при этом являются, во-первых, качественная и количественная характеристика этого образа, во-вторых, выявление основных связанных с ним проблем, и, в-третьих, апробация методики подобного рода оценки.

Характеристика изученного региона

Кабардино-Балкарская Республика располагается в центральной части Северного Кавказа. Она занимает площадь в 12,5 тыс. км^2, на которых проживают более 850 тыс. человек. Административный центр – город Нальчик с населением 275 тыс. чел.

Природа Кабардино-Балкарии отличается заметным разнообразием **[11]**. Северо-восточная половина региона – наклонная равнина, а юго-западная – горы. Здесь располагается высшая точка Кавказа – г. Эльбрус (5642 м), а также ещё ряд вершин высотой более 5000 м. Многочисленны реки – прежде всего, это р. Терек и её притоки. Ландшафты меняются от степных на равнине до лесных и альпийских в горах. Историко-культурное наследие региона весьма богато **[3; 10]**. Существуют также хорошие предпосылки для успешного социально-экономического развития республики, что, однако, требует решения ряда важных проблем **[5; 14]**.

Туристическая индустрия Кабардино-Балкарской Республики хорошо изучена **[1; 2; 8; 12; 15]**. Здесь развиваются самые различные направления туризма и рекреации. Гостиничное хозяйство представлено многочисленными гостиницами, базами отдыха и т.д. Курортно-оздоровительная сфера также характеризуется хорошим развитием. Туристов привлекают, прежде всего, Приэльбрусье (в т.ч. по причине исключительного удобства для занятий горнолыжным спортом), Нальчик (важный курорт), а также Голубые озёра и Чегемские водопады.

Материал и методика

Представления об образе территории в целом и их туристическом образе в частности изложены в большом числе работ **[4; 6; 7; 13; 16; 18; 20; 21]**. Прежде всего, следует отметить, что туристический образ отражает представления о ресурсах и факторах туризма, туристической индустрии региона, тогда как туристский образ – о туристах из определённого региона. В электронном пространстве туристический образ формируется случайным образом или целенаправленно (в этом случае говорят о продвижении образа) за счёт информации (текстовой, графической, фотографической), представленной в сети Internet. Это объектный образ, который, будучи воспринят пользователями сети, становится

перцептивным; при этом он может существенным образом измениться (по причине того, что пользователь может не обратить внимания на какую-либо информацию, ограничиться просмотром фотографий или же на восприятие им информации окажут влияние те или иные стереотипы).

Очевидно, что в самом электронном пространстве может существовать только объектный туристический образ. Он имеет три составляющих: материализованный образ (конкретные объекты, виды деятельности и т.п.), символический образ (специально созданные символы – логотипы, лозунги и бренды в узком смысле) и качественный образ (например, положительная характеристика территории) *(см. также* **[16]***)*. В настоящей работе объектом анализа является туристический образ Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве. Его составляющие не рассматриваются, т.к. именно материализованный образ доминирует на Internet-страницах, посвящённых данному региону. Основное внимание уделяется элементам, из которых формируется образ.

Методика предпринятой оценки выглядит следующим образом. Прежде всего, с помощью общеизвестных поисковых систем было выбрано 25 Internet-страниц, которые характеризуют туризм в Кабардино-Балкарсксой Республике *(таблица 1)*. Такую выборку можно считать репрезентативной с учётом предполагаемого количества популярных Internet-ресурсов, посвящённых данному региону и поставленных в настоящей работе задач. Основное внимание уделялось справочным порталам и сайтам туристических фирм, т.к. потенциальные посетители республики обратятся скорее именно к этим ресурсам по причине их многочисленности. Выбор Internet-страниц для анализа осуществлялся летом-осенью 2015 г. Далее каждая из них была подвергнута тщательному контент-анализу. Анализ содержания (текстовые блоки и надписи, фотографии, рисунки) позволил выделить основные элементы, из которых складывается туристический образ рассматриваемого региона. Это в свою очередь дало возможность предложить ряд общих критериев для количественного анализа туристического образа путём повторного контент-анализа тех же самых Internet-страниц *(таблица 1)*, который на этот раз ограничивался поиском сведений, отвечающих одному или нескольким из вышеупомянутых критериев. При проведении контент-анализа учитывалось, насколько отдельные элементы доминируют (в виде крупных рисунков или специально выделенных надписей) на Internet-страницах. Всё это обеспечило комплексность оценки туристического образа Кабардино-Балкарии в электронном пространстве.

В настоящей работе представлена только обобщённая информация, достаточная для заключений об образе республики. Результаты контент-анализа конкретных Internet-страниц не могут быть опубликованы по этическим соображениям (прежде всего, чтобы не допустить нанесения какого-либо ущерба коммерческим интересам и репутации организаций, владеющих анализируемыми электронными ресурсами).

Результаты

Туристический образ Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве, согласно результатам проведённого контент-анализа, складывается из большого числа элементов. Они представлены как на фотографиях, так и в тексте. Условно можно разделить эти элементы на следующие группы: естественные ландшафты, отдельные природные особенности, культурная среда, туристическая инфраструктура, возможное времяпрепровождение, сезоны, конкретные объекты.

Естественные ландшафты. К этой группе относятся 4 элемента туристического образа региона в электронном пространстве, каковыми яв-

ляются горы, равнина, лес и степь. Горы фигурируют на подавляющем большинстве проанализированных Internet-страниц. Прочие элементы появляются на них значительно реже, как правило, лишь упоминаясь в тексте. Здесь уместно отметить, что горные ландшафты занимают лишь часть территории республики.

Отдельные природные особенности. В эту группы объединены такие элементы, как водопады, источники, озёра, реки, ущелья, а также характерные для региона животные. Их изображения и упоминания о них в тексте встречаются весьма часто, а на некоторых Internet-страницах вообще доминируют. В особенности это касается водопадов, источников и озёр, которые и в действительности многочисленны в Кабардино-Балкарии. Из объектов животного мира, упоминаемых в проанализированных электронных ресурсах, стоит отметить, прежде всего, коней. Этот элемент тесно связан со стереотипным восприятием культуры северокавказских народов в целом.

Культурная среда. К данной группе относятся разнообразные элементы туристического образа региона в электронном пространстве: историко-культурные объекты (прежде всего, в городе Нальчик) и городские ландшафты, материальное (например, народные музыкальные инструменты или адыгские циновки) и нематериальное (кавказское гостеприимство) наследие, а также кулинарные традиции (кухня в широком понимании). Встречаются эти элементы сравнительно часто, однако доминируют на страницах крайне редко. Достаточно сложно выделить среди них приоритетные – все они упоминаются примерно одинаково, что, в целом, вполне ожидаемо с учётом разнообразия культурной среды Кабардино-Балкарии.

Туристическая инфраструктура. Эту группы составляют только 3 элемента, а именно гостиницы и прочие коллективные средства размещения, транспорт, а также объекты санаторно-курортной сферы. Первая и последняя группы доминируют на целом ряде Internet-страниц.

Возможное времяпрепровождение. Посетителям Internet-страниц легко прийти к заключению, что на территории Кабардино-Балкарской Республики есть 5 основных возможностей для отдыха: активный отдых, включая приключенческий и экстремальный туризм (прежде всего, катание на горных лыжах и альпинизм), собственно рекреация (в той или иной степени пассивный отдых), познавательный туризм (посещение природных и историко-культурных достопримечательностей в ходе самостоятельных или групповых экскурсий), лечебно-оздоровительные процедуры, а также охота. На некоторых проанализированных страницах информация об одной или нескольких из вышеперечисленных возможностей времяпрепровождения доминирует. Значительное и примерно равное внимание уделяется активному отдыху и лечебно-оздоровительным процедурам, несколько меньшее – экскурсиям и собственно рекреации, и совсем небольшое – охоте. В целом, всё это хорошо согласуется с многопрофильностью туристической индустрии региона.

Сезоны. Важно, что туристический образ Кабардино-Балкарии в электронном пространстве содержит сезонные элементы. Регион изображается и описывается как в зимнее, так и в летнее время, причём соотношение этих двух сезонных элементов примерно равное. Тем не менее, обилие снега в высокогорьях и летом, которое представлено на фотографиях, может создать впечатление, что «зимние» (на самом деле снежные) пейзажи преобладают.

Конкретные объекты. В качестве самостоятельных элементов туристического образа фигурируют часто встречающиеся на Internet-страницах конкретные объекты (широко известные достопримечательности) – прежде всего, природные. Это гора Эльбрус, Голубые озёра, До-

лина Нарзанов, Чегемские водопады, а также город Нальчик и посёлок Терскол. К этому же перечню стоит добавить располагающийся на юге региона заповедник. Это действительно важнейшие достопримечательности республики и крупные туристические центры. Изображения и описания Эльбруса доминируют на целом ряде проанализированных Internet-страниц.

Если говорить об элементах туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве в целом, то двумя наиболее распространёнными и часто доминирующими являются горы в целом и Эльбрус в частности. Также значительное количество информации связано с гостиницами, активным отдыхом и лечебно-оздоровительными процедурами.

По результатам контент-анализа можно наметить 7 основных критериев, по которым туристический образ рассматриваемого региона в электронном пространстве может быть оценён количественно. Это природные и историко-культурные ресурсы, гостиничное хозяйство (без учреждений санаторно-курортной сферы), а также активный отдых в горах, рекреация, познавательный туризм и лечебно-оздоровительные услуги. Они соответствуют наиболее важным и рассмотренных выше элементам и их группам. Все Internet-страницы были проанализированы по этим критериям на предмет наличия или отсутствия соответствующей информации.

Как следует из результатов количественного анализа, туристический образ Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве характеризуется заметной разнородностью *(таблица 2)*. В нём доминирует информация о природных ресурсах. Важную роль играют также сведения о познавательном туризме (как правило, развивающемся на основе использования этих же природных ресурсов), лечебно-оздоровительных услугах и активном отдыхе в горах. Сравнительно меньше (хотя всё равно достаточно) внимания уделяется историко-культурным ресурсам и собственно рекреации. Гостиничное хозяйство представлено весьма хорошо, т.к. соответствующая информация встречается почти на половине из проанализированных Internet-страниц. Полученные результаты *(таблица 2)* позволяют сделать два важных вывода. Во-первых, при позиционировании Кабардино-Балкарии в электронном пространстве основной акцент делается на природу (стоит отметить, что речь идёт, прежде всего, о горах), тогда как специфика культурной среды играет второстепенную роль. Во-вторых, данный регион предстаёт обладающим диверсифицированной туристической индустрией и хорошо развитым гостиничным хозяйством. Стоит, однако, обратить внимание на тот факт, что два из основных направлений туристической деятельности (активный отдых в горах и лечебно-оздоровительные услуги) являются специфическими, т.е. могут удовлетворить запросы лишь определённых категорий туристов. Далеко не всех потенциальных посетителей региона заинтересуют катание на горных лыжах или возможность поправить своё здоровье. Наблюдения за спросом туристов на конкретные виды услуг на Северном Кавказе показывает, что массовым спросом пользуется рекреация в узком смысле.

Обсуждение результатов

Туристический образ региона в электронном пространстве вовсе не обязательно соответствует действительности. Помимо возможной некорректности **[9]**, которая в случае с Кабардино-Балкарией выглядит незначительной, важна неполнота сформировавшегося образа. Для её выявления нужно сопоставить выявленный по результатам комплексной оценки туристический образ (см. выше) с фактическими данными о регионе и состоянии в нём туристической индустрии. В целях подобного

рода анализа использовались литературные данные **[1; 2; 3; 5; 8; 10; 11; 12; 14; 15]**, а также собственные наблюдения авторов в изученном регионе.

Удалось установить следующие проявления неполноты сформировавшегося к настоящему времени туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве. Во-первых, акцент на горах не отражает фактического распределения природных ландшафтов на территории региона, где значительная площадь занята наклонной равниной, покрытой степями. Во-вторых, историко-культурные ресурсы для развития туризма не уступают в республике природным, а, возможно, даже богаче, однако это не находит адекватного отражения при продвижении территории в электронном пространстве. Более того, стоит учитывать сочетание, как минимум, трёх культурных традиций в данном регионе: кабардинской, балкарской и русской. Контент-анализ не выявил адекватного отображения этого сочетания на Internet-страницах, тогда как оно – важнейший ресурс для привлечения туристов. В-третьих, города и посёлки равнины и предгорий (за исключением Нальчика) практически никак не представлены на страницах; это касается и целого ряда населённых пунктов горной части республики. Скажем, село Заюково вполне может привлекать туристов одним тем фактом, что считается самым длинным в стране; в городе Тырныауз есть возможности для индустриального и прочих видов туризма. В-четвёртых, выше уже отмечалось, что сформировавшийся к настоящему времени образ не отвечает массовому спросу туристов на рекреацию. Активное продвижение Кабардино-Балкарии как дестинации специфических видов туризма вполне может сделать её менее привлекательной для многочисленных туристов с другими преференциями. В-пятых, на территории республики могут развиваться и уже развиваются и те направления туризма, которые, по сути, никак не отражены в её туристическом образе в электронном пространстве. Речь идёт, в частности, о деловом и экологическом туризме.

Важной проблемой туристического образа является узнаваемость составляющих его элементов. Речь идёт, прежде всего, о тех из них, что относятся к группе конкретных объектов. Фотографии Эльбруса присутствуют на многих Internet-страницах. Однако не всегда сопровождаются подписями. При этом далеко не каждому посетителю страницы знаком внешний вид, очертания этой горы. Более того, не все потенциальные туристы знают о её расположении на территории Кабардино-Балкарии. Это тем более важно с учётом того, что к электронным ресурсам обращаются часто те туристы, которые до этого никогда не были в данном регионе, а потому нуждаются в самой элементарной информации о нём.

Неудачные информационная организация и дизайн Internet-страниц вполне способны негативно повлиять на восприятие туристического образа региона, снижая тем самым его качество. Анализ электронных ресурсов, выбранных в качестве объекта настоящего исследования *(таблица 1)*, позволил обозначить основные проблемы, связанные с их организацией и дизайном. К их числу относятся, во-первых, избыток текстовой информации, что усугубляется в случае использования мелкого шрифта, во-вторых, уже отмеченное выше наличие большого числа фотографий без пояснительных надписей, в-третьих, информационное «перенасыщение» страниц, негативное влияние чего также усиливается в случае недостаточно чёткой расстановки акцентов или полного отсутствия таковых, в-четвёртых, подчас допускаемое смешение гостиниц и санаториев, в-пятых, неудачный выбор цветовой гаммы, затрудняющий восприятие информации, в-шестых, излишне «сухой» (иногда почти что академический) стиль текстовых блоков, отсутствие «эмоциональной

Таблица 1.
Internet-страницы, использованные в целях анализа туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве

Internet-страница	Направление деятельности
kurortmag.ru/region/russia/kabardino_balkariya_respublika	Справочный портал
kurort.yuga.ru/otdih_kbr	Справочный портал
domotdiha.ru/ru/kabardinobalkarskaya	Справочный портал
tourout.ru/area/kabardinobalkaria.html	Справочный портал
tvil.ru/city/respublika-kabardino-balkariya	Справочный портал
turizm.ngs.ru/kabardinoBalkariaRepublic	Справочный портал
priotur.ru/hotels/kabardino_balkariya	Турфирма
vskazku.com/thread–103–1–1.html	Турфирма
pokurortam.ru/objects/sanatoriums/kabardino-balkariya	Справочный портал
nashikurorty.ru/blog/ushhelya-kabardino-balkarii	Справочный портал
dolina-narzanov-nalchik.ru	Санаторий
nik-tur.ru/tours/vse-krasoty-kabardino-balkarii	Турфирма
viktur.ru/caucasus/kabardino-balkaria/excursions–11243–1020.html	Турфирма
kbr-otdih.ru/	Справочный портал
tury.ru/resort/id/1621-russia-kabardino-balkaria-republic	Справочный портал
excursant.ru/trips/ru/kabardino-balkariya	Справочный портал
na-ozero.ru/Respublika_Kabardino-Balkariya/otdih-na-golubih-ozerah.php	Справочный портал
nart.tiu.ru/g1629925-ekskursii-kabardino-balkarii	Турфирма
rostur.ru/russia/kabardino_balkarskaya	Справочный портал
caucasus-explorer.com/tury-v-kabardino-balkariyu	Турфирма
nebo-tour.ru/mesta-i-goroda/otdyh-v-kabardino-balkarii	Турфирма
rostourunion.ru/komissii_rst/yugnyyi_fo/kabardino-balkariya_respublika.html	Справочный портал
tripadvisor.ru/Tourism-g2324087-Kabardino_Balkar_Republic_North_Caucasian_District-Vacations.html	Справочный портал
s-mayak.ru/articles/art1.php	Санаторий
turbaza.ru/respublika-kabardino-balkarskaja	Справочный портал

Источник: составлено авторами.

Таблица 2.
Содержание туристического образа Кабардино-Балкарской Республики по результатам контент-анализа

Критерии оценки	Internet-страницы	
	кол-во	%% от числа проанализированных
Природные ресурсы	22	88
Историко-культурные ресурсы	14	56
Гостиничное хозяйство	12	48
Активный отдых в горах (в т.ч. приключенческий и экстремальный туризм)	15	60
Рекреация	14	56
Познавательный туризм (в т.ч. экскурсионная деятельность)	17	68
Лечебно-оздоровительные услуги (в т.ч. санаторно-курортная деятельность)	16	64

Источник: составлено авторами.

окраски» страницы в целом. Однако наравне с этим имеют место и весьма удачные дизайнерские решения, которые, напротив, способствуют успешному продвижению туристического образа республики.

Можно обозначить две причины вышеперечисленных проблем. Первая из них – явное отсутствие единого подхода к пониманию целей, задач и самих возможностей туризма в Кабардино-Балкарской Республике. Второй причиной стоит признать недостаточность профессионального подхода к созданию электронных ресурсов. Представляется, что решение этих проблем возможно при координации соответствующих усилий административными органами, отвечающими за развитие туризма в данном регионе, а также профессиональными объединениями работников туристической индустрии *(см. также* **[16]***)*. От них требуется, во-первых, выявление всего комплекса проблем, касающегося формирования туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве, во-вторых, определение требуемого туристического образа региона и разработка принципов его формирования и, в-третьих, создание механизмов, позволяющих формировать и продвигать этот образ отдельными организациями – владельцами Internet-страниц. Здесь важно отметить, что часть электронных ресурсов, являющихся важными источниками информации для формирования образа, администрируется за пределами республики. Повлиять на владеющие ими организации возможно, например, путём массового создания конкурентоспособных справочных порталов и отдельных страниц в самой Кабардино-Балкарии, а также за счёт разработки простых, но существенных требований к отображению информации о регионе всеми заинтересованными в этом организациями. Кроме того, республиканские органы или профессиональные объединения могут выдвигать инициативы по оптимизации туристических образов регионов на общероссийском уровне.

Заключение

Комплексная оценка туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве позволяет сделать сле-

дующие общие выводы. Во-первых, этот образ состоит из самых разнообразных элементов. Во-вторых, для него характерно преобладание элементов, связанных с природными ресурсами региона и, прежде всего, его горной части. В-третьих, сформировавшийся туристический образ характеризуется некоторой неполнотой, проблемами с узнаваемостью объектов, а также подверженностью негативному влиянию информационной организации и дизайна Internet-страниц.

При выполнении исследования, результаты которого представлены в настоящей работе, была апробирована методика, которая вполне может использоваться и для прочих регионов России. При этой важной задачей для последующих исследований подобного рода является установление чётких критериев для выбора Internet-страниц, используемых для комплексной оценки туристического образа региона в электронном пространстве.

◆

Литература

1. Бурдева А.И., Мустафаева З.А., Абазова Т.А. Развитие внутреннего туризма – основополагающая база развития международного туризма в Кабардино-Балкарской Республике // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 26. С. 45–49.

2. Галачиева Л.А. Туристско-экскурсионная инфраструктура Кабардино-Балкарии // Курортно-рекреационный комплекс в системе регионального развития: инновационные подходы. 2012. № 1. С. 309–311.

3. Гладкий Ю.П., Чистобаев А.И. Регионоведение. М., Гардарики, 2002. 382 с.

4. Джанджугазова Е.А. Маркетинг туристских территорий. М., Академия, 2004. 224 с.

5. Зайлов А.С., Такбаев А.А. Предпосылки формирования конкурентных преимуществ экономики региона (на примере Кабардино-Балкарии) // Актуальные вопросы экономических наук. 2009. № 7. С. 74–79.

6. Замятин Д.Н. Метагеография: пространство образов и образы пространства. М., Аграф, 2004. 512 с.

7. Замятина Н.Ю. Изучение образов в географии и образ страны в туризме // Современные туристско-рекреационные исследования (российский и зарубежный опыт). М., Советский спорт, 2008. С. 376–390.

8. Кудашева Н.З. Проблемы и перспективы развития туризма в Кабардино-Балкарской Республике // Стратегия устойчивого развития регионов России. 2010. № 2. С. 185–189.

9. Паникарская Н.И., Стаценко А.А., Рубан Д.А. Туристический образ региона в сетевом пространстве: проблема качества информации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2015. № 1. С. 80–92.

10. Подъяпольский Г.Н. Достопримечательные места Кабардино-Балкарии. Нальчик, Эльбрус, 1977. 168 с.

11. Раковская Э.М. Физическая география России. Т. 2. М., Академия, 2013. 256 с.

12. Темираев В.Х., Сокурова Л.В., Баева А.А., Тедтова В.В., Витюк Л.А., Баева З.Т. Приоритетная роль развития сферы услуг в туристско-рекреационном секторе экономики Республики Кабардино-Балкария // Известия Горского государственного аграрного университета. 2013. Т. 50. № 4–4. С. 242–244.

13. Титков А.С. Образы регионов в российском массовом сознании // Политические исследования. 2010. № 3. С. 61–67.
14. Чеченов А.А., Калов З.А. Инвестиционная емкость и привлекательность Кабардино-Балкарии // Terra Economicus. 2005. Т. 3. № 1. С. 136–143.
15. Щекунцова О.С., Рубан Д.А. Развитие туристической индустрии Кабардино-Балкарской Республики: проблема научного обоснования // Проблемы туризмоведения. Ростов-на-Дону, Изд-во ЮФУ, 2015. С. 404–406.
16. Щекунцова О.С., Рубан Д.А. Роль природных объектов в формировании туристического образа Кабардино-Балкарской Республики в электронном пространстве // Проблемы природоохранной организации ландшафтов. Новочеркасск, Лик, 2015. С. 281–286.
17. Щекунцова О.С., Смотрова И.А., Рубан Д.А. Сетевые технологии в развитии регионального туризма // Вестник ТИСБИ. 2015. № 3. С. 161–168.
18. Gallarza M.G., Gil-Saura I., Calderon Garcia H. Destination image: Towards a Conceptual Framework // Annals of Tourism Research. 2002. V. 29. P. 56–78.
19. Lo I.S., McKercher B., Lo A., Cheung C., Law R. Tourism and online photography // Tourism Management. 2011. V. 32. P. 725–731.
20. Mano A., da Costa R.A. A Conceptual Model of the Antecedents and Consequences of Tourist Destination Image // Procedia Economics and Finance. 2015. V.23. P. 15–22.
21. Rodriguez-Molina M.A., Frias-Jamilena D.M., Castaneda-Garcia J.A. The contribution of website design to the generation of tourist destination image: The moderating effect of involvement // Tourism Management. 2015. V. 47. P. 303–317.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Burdeva A.I., Mustafaeva Z.A., Abazova T.A. Razvitie vnutrennego turizma – osnovopolagayushhaya baza razvitiya mezhdunarodnogo turizma v Kabardino-Balkarskoj Respublike // Sovremennye tendentsii v ehkonomike i upravlenii: novyj vzglyad. 2014. № 26. S. 45–49.
2. Galachieva L.A. Turistsko-ehkskursionnaya infrastruktura Kabardino-Balkarii // Kurortno-rekreatsionnyj kompleks v sisteme regional'nogo razvitiya: innovatsionnye podkhody. 2012. № 1. S. 309–311.
3. Gladkij Yu.P., CHistobaev A.I. Regionovedenie. M., Gardariki, 2002. 382 s.
4. Dzhandzhugazova E.A. Marketing turistskikh territorij. M., Akademiya, 2004. 224 s.
5. Zajlov A.S., Takbaev A.A. Predposylki formirovaniya konkurentnykh preimushhestv ehkonomiki regiona (na primere Kabardino-Balkarii) // Aktual'nye voprosy ehkonomicheskikh nauk. 2009. № 7. S. 74–79.
6. Zamyatin D.N. Metagegografiya: prostranstvo obrazov i obrazy prostranstva. M., Agraf, 2004. 512 s.
7. Zamyatina N.Yu. Izuchenie obrazov v geografii i obraz strany v turizme // Sovremennye turistsko-rekreatsionnye issledovaniya (rossijskij i zarubezhnyj opyt). M., Sovetskij sport, 2008. S. 376–390.
8. Kudasheva N.Z. Problemy i perspektivy razvitiya turizma v Kabardino-Balkarskoj Respublike // Strategiya ustojchivogo razvitiya regionov Rossii. 2010. № 2. S. 185–189.
9. Panikarskaya N.I., Statsenko A.A., Ruban D.A. Turisticheskij obraz regiona v setevom prostranstve: problema kachestva informatsii // Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya. 2015. № 1. S. 80–92.
10. Pod"yapol'skij G.N. Dostoprimechatel'nye mesta Kabardino-Balkarii. Nal'chik, EHl'brus, 1977. 168 s.
11. Rakovskaya EH.M. Fizicheskaya geografiya Rossii. T. 2. M., Akademiya, 2013. 256 s.
12. Temiraev V.KH., Sokurova L.V., Baeva A.A., Tedtova V.V., Vityuk L.A., Baeva Z.T. Prioritetnaya rol' razvitiya sfery uslug v turistsko-rekreatsionnom

sektore ehkonomiki Respubliki Kabardino-Balkariya // Izvestiya Gorskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. 2013. T. 50. № 4–4. S. 242–244.

13. Titkov A.S. Obrazy regionov v rossijskom massovom soznanii // Politicheskie issledovaniya. 2010. № 3. S. 61–67.

14. CHechenov A.A., Kalov Z.A. Investitsionnaya emkost' i privlekatel'nost' Kabardino-Balkarii // Terra Economicus. 2005. T. 3. № 1. S. 136–143.

15. SHHekuntsova O.S., Ruban D.A. Razvitie turisticheskoj industrii Kabardino-Balkarskoj Respubliki: problema nauchnogo obosnovaniya // Problemy turizmovedeniya. Rostov-na-Donu, Izd-vo YUFU, 2015. S. 404–406.

16. SHHekuntsova O.S., Ruban D.A. Rol' prirodnykh ob"ektov v formirovanii turisticheskogo obraza Kabardino-Balkarskoj Respubliki v ehlektronnom prostranstve // Problemy prirodookhrannoj organizatsii landshaftov. Novocherkassk, Lik, 2015. S. 281–286.

17. SHHekuntsova O.S., Smotrova I.A., Ruban D.A. Setevye tekhnologii v razvitii regional'nogo turizma // Vestnik TISBI. 2015. № 3. S. 161–168.

18. Gallarza M.G., Gil-Saura I., Calderon Garcia H. Destination image: Towards a Conceptual Framework // Annals of Tourism Research. 2002. V. 29. P. 56–78.

19. Lo I.S., McKercher B., Lo A., Cheung C., Law R. Tourism and online photography // Tourism Management. 2011. V. 32. P. 725–731.

20. Mano A., da Costa R.A. A Conceptual Model of the Antecedents and Consequences of Tourist Destination Image // Procedia Economics and Finance. 2015. V.23. P. 15–22.

21. Rodriguez-Molina M.A., Frias-Jamilena D.M., Castaneda-Garcia J.A. The contribution of website design to the generation of tourist destination image: The moderating effect of involvement // Tourism Management. 2015. V. 47. P. 303–317.

УДК 327 (497.6)

Журбей Е.В.
Zhurbey E.V.

Югославский кризис и позиция администрации Дж. Буша (июнь 1991 г. – январь 1993 г.)

The Yugoslavian crisis and the position of the administration of George. W. Bush (June 1991 – January 1993)

В центре внимания Югославский конфликт и дипломатия республиканской администрации Дж. Буша по его разрешению в период июня 1991 года по январь 1993 года. Отсутствие к моменту возникновения Югославского конфликта у американской администрации четко обозначенного подхода к урегулированию межнациональных конфликтов и разрешению противоречий между принципами нерушимости границ и самоопределения наций усугубили югославскую драму, поставили под сомнение заявку США на глобально лидерство.

Ключевые слова: *Балканы, Югославия, США, Европейский Союз, Босния и Герцеговина, Хорватия, Словения, вооруженный конфликт, межэтнический конфликт, сецессия, сепаратизм, национализм*

◆

The author focuses on the Yugoslavian conflict and diplomacy of the Republican administration of George. W. Bush to resolve it in the period from June 1991 till January 1993. The absence of clearly defined approach to resolving international conflicts and resolving the contradictions among the principles of inviolability of borders and self-determination of nations by the outbreak of the Yugoslavian conflict, exacerbated the Yugoslavian drama, impugned the US claim for global leadership.

Key words: *Balkans, Yugoslavia, USA, European Union, Bosnia and Herzegovina, Croatia, Slovenia, armed conflict, ethnic conflict, secession, separatism, nationalism*

Переступив черту третьего тысячелетия, мировое сообщество, несмотря на явные тенденции к построению единого «открытого общества», основанного на принципах гуманизма, равенства и свободы, никак не может найти ту заветную формулу, на основе которой оно смогло бы решать постоянно возникающие конфликты между субъектами международного процесса. Эйфория от конца «холодной войны» вылилась в безосновательные прогнозы в наступление эры мира и спокойствия, эры «бесконфликтности» **[26]**. Находя ответ на сиюминутные угрозы, мировое сообщество на всём протяжение XX века упорно не желало заглядывать на несколько десятилетий вперёд. Создаваемые международные механизмы (Лига Наций, ООН, ОБСЕ и др.) для решения подобных конфликтных ситуаций были в силу ряда причин не в состоянии адекватно и самостоятельно выполнять возложенные на них обязательства. И как итог – статистические данные конца XX века свидетельствуют об отсутствии явной тенденции к снижению очагов конфликтности на планете.

ЖУРБЕЙ Евгений Викторович, к.и.н., доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находке *(г. Находка)*. **E-mail:** cpr2001@rambler.ru

Объектом нашего исследования является Югославский конфликт 90-х гг. XX века. В данной статье предпринимается анализ дипломатии республиканской администрации Дж. Буша по разрешению Югославского конфликта в период июня 1991 года по январь 1993 года.

Попытка сецессии, предпринятая в июне 1991 г. Хорватией и Словенией, получила дальнейшее драматическое продолжение. Конституция Югославии 1974 г. не предусматривала возможной процедуры выхода одного из субъектов из федерации. Хорватия и Словения не предприняли никаких превентивных шагов в направлении созданий условий для мирного характера сецессионного действия. Во-первых, не были согласованы условия отделения; во-вторых, не были согласованы возможные взаимные территориальные претензии субъектов федерации; в-третьих, специально не определены права национальных меньшинств, проживающих на территории создаваемых государств; в-четвёртых, не был решён вопрос о правопреемстве бывшей СФРЮ и ряд других важнейших вопросов, решение которых могло бы предотвратить кровавую междоусобицу, последовавшую за односторонними действиями Хорватии и Словении. Необходимо отметить, что мировая практика знала как мирные, так и вооружённые попытки сецессии. Однако всё же они преимущественно носили именно вооружённый характер. По причине исторической давности их прохождения (неудачная попытка швейцарских кантонов в 1847 г. выйти из конфедерации; неудачная попытка южных американских штатов в 1861 г; неудачная попытка отделения штата Сан-Луи от Мексики в 1938 г. и др.) отделившиеся республики не учли печального опыта их осуществления.

Дальнейшие вооружённые конфликты в Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговине имели специфические особенности. Например, поводом для военной конфронтации в Словении послужило установление властями этой республики собственного пограничного и таможенного контроля на границе с Австрией и Италией, то есть Словения нарушила соглашение с Союзным исполнительным Вече, по которому она отказывалась самостоятельно взимать таможенные пошлины. Федеральные органы 26 июня издали распоряжение о запрете на установление пограничных пунктов на территории СФРЮ, чтобы восстановить статус-кво, отправили силы Югославской народной армии (ЮНА) занять пункты пропуска на границе, но неожиданно для себя ЮНА натолкнулась на вооружённое сопротивление со стороны словенской армии, которая к этому времени была фактически создана **[19, с. 382]**. Факт неожиданности подтверждается тем, что ЮНА не имела достаточного количества боеприпасов и не располагала приказом открывать огонь. В случае оперативного вмешательства дополнительных сил, по мнению военных специалистов, словенские армейские формирования были бы разгромлены в течение нескольких суток. В действительности ЮНА сама понесла потери в количестве 56 убитых и 300 раненых. В конце июля 1991 года мирное сообщество было удивлено выводом союзных войск из Словении. Но такое развитие ситуации имело под собой вескую основу. В соседней Хорватии разворачивался этнический конфликт.

Хорватское руководство забыло, что свобода самоопределения одной нации кончается там, где начинается свобода самоопределения другой нации. Заявив о своей независимости, хорватское руководство продолжало игнорировать требования хорватских сербов предоставить им автономию в составе Хорватии. Подобный отказ создал конфликтную ситуацию в местах компактного проживания сербского населения: Сербская Краина[1], восточная часть Словонии, Баранья и Западный Срем. Претензии Хорватии на непременное сохранение этих территорий в со-

[1] Сербская автономная область Краина на территории Республики Хорватии

ставе вновь образованного государства были с исторической точки зрения не обоснованы. До включения в 1941 г. немцами сербских земель в состав НГХ они никогда не входили в собственно хорватские земли. «Здесь сербы всегда считали себя народом – соучредителем Югославии, возникшей в 1918 г. и не знавшей внутренних границ. Трагедией для сербов Краины обернулось включение их земель в образованное Гитлером Независимое государство Хорватия (НГХ) и осуществление плана создания этнически чистого католического государства. Планомерное истребление не хорватского населения на территории НГХ унесло жизни сотен тысяч сербов» **[21, с. 109]**.

Сербское население Хорватии воспринимало воссоздание хорватского государства как воссоздание НГХ времён второй мировой войны, а это воспроизводило в памяти все ужасы проведённого геноцида. Лозунг «кто не с нами, тот против нас» стал официальным лозунгом правящей власти. Реальным подтверждением данного утверждения может служить документ, представляющий собой текст плаката, распространённого в Даруваре (Хорватия) двумя правящими партиями – Хорватским демократическим содружеством и Инициативным комитетом по созданию Хорватской демократической партии – с целью помочь хорватам распознать среди соседей т.н. «пятую колонну», то есть сербов. Документ состоит из двух частей, в первой предлагаются советы, по которым хорваты могли распознать «пятую колонну» (сербов и сочувствующих им хорватов) по словам и действиям: «Они говорят о демократии и правах человека; они ставят знак равенства между агрессором и жертвой, они «нейтральны», и для них все одинаково виновны в этой войне; их политические противники являются «усташами» и «экстремистами», «предателями»; хорватское государство для них ничего не значит; они больше хотели бы жить в «демократической Югославии», чем в недемократической, но самостоятельной и суверенной Хорватии» **[3, с. 126]**.

Вторая часть документа детализирует отличительные признаки «пятой колонны»: «В тех, кто ежедневно обивает пороги Сабора и Министерства, чтобы рассказать «истину» о демократии в Даруваре и о том, что они находятся под угрозой...; в тех, для кого жизнь до войны была намного лучше, поскольку все хорошо жили и ладили между собой...; в тех, кто боится идти на отдельные объекты, так как на двери написано: «Запрещён вход ЮНА, четникам и собакам»..; в тех, кто огорчён, что разрушается столько четнических домов.., не вспоминая при этом сожжённые хорватские сёла и города на оккупированных территориях..; в тех, кто полагает, что моральным правом любого четника является выбор места жительства после войны (в Сербии или Хорватии).., в тех, чья телевизионная антенна направлена на восток.., в тех, кто прямо или косвенно помогал врагу (сознательное или несознательное).., в тех, кто упорно хочет идти на переговоры с четниками и врагами…» **[3, с. 126–128]**.

Анализ данного документа позволяет сделать несколько принципиальных выводов. Во-первых, новая хорватская власть делила всё население по национальному признаку, а не по гражданскому. Отстаивая территориальную целостность, Хорватия тем самым фактически признавала права на получение гражданства представителями любых этнических общностей, проживающих на её территории (хорватов, сербов, албанцев, венгров, евреев и др.) **[6, с. 43]**. На деле же граждане (преимущественно сербы) Хорватии, имеющие иную точку зрения на происходящие события, причислялись к т.н. «пятой колонне», деятельность, которой признавалась деструктивной и опасной для нового государства. Сербское население Хорватии численно преобладало на 25 % хорватской территории. До принятия Конституции 1990 г. Хорватия официально считалась республикой (государством) хорватского и сербского

народа. Согласно конституционной преамбуле: «Республика Хорватия учреждается как национальное государство хорватского народа и представителей других народов и меньшинств, которые являются его гражданами…»**[6, с. 43]**. Сербское население причислялось к меньшинству, наряду с другими этносами, при этом оно численно превосходило и албанцев, и словенцев и могло претендовать хотя бы на автономию. Хорватская конституция не предусматривала формирование автономий. Создание автономных образований, несомненно, предотвратило бы накал межэтнических столкновений.

Во-вторых, гражданство в первую очередь предусматривает наделение его носителей равными правами от рождения (правоспособностью), данные права являются неотчуждаемыми. Следуя логике, вышеприведённый документ, являясь некой политической позицией правящей партии, в корне нарушает множество положений собственной конституции. В частности, были нарушена статья 3, утверждающая, что «свобода, равенство, национальное равноправие, поддержание мира, социальная справедливость, уважение прав человека, неприкосновенность собственности… – главные ценности конституционного строя Республики Хорватия» **[6, с. 44]**. Статья 14 также оставалась чисто декларативной: «Граждане Республики Хорватия имеют одинаковые права и свободы независимо от расы, цвета кожи, пола, языка, вероисповедания, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения…» **[6, с. 45]**. Ставя даже под сомнение моральное право сербов (четников) выбрать себе место жительства, нарушается статья 32 конституции: «Каждый, кто на законном основании находится на территории Республики, имеет право свободного передвижения и выбора места пребывания» **[6, с. 45]**. Помимо вышеназванных конституционных нарушений можно отметить нарушение положения гарантирующего свободу убеждений и выражения мнений (статья 38); положения, о запрещении и наказуемости всяких призывов к войне, насилию, разжиганию национальной, расовой или религиозной ненависти (статья 39) и ряд других **[6, с. 45]**.

Попытка военной силой со стороны Хорватии подчинить центру сербские области обернулась кровопролитной межэтнической войной. В такой ситуации сербское руководство не могло не оказать поддержку своим братьям в Хорватии. Население данных областей понесло значительные жертвы. Жертвы были как с сербской стороны, так и с хорватской. Благодаря вмешательству ЮНА удалось снизить интенсивность боевых действий. Вмешательство союзной армии дало повод хорватам обвинить Сербию в агрессии против суверенного государства. Но Хорватия так же, как и Словения, на тот момент не была признана мировым сообществом в качестве таковых. Хорватские представители к тому же участвовали в заседаниях парламента СФРЮ вплоть до начала декабря 1991 года. Хорватская сторона сознательно провоцировала ЮНА, нападая на мелкие подразделения союзных войск, блокируя её казармы. В лице Запада ЮНА представлялась в образе злодея, который желает уничтожить зарождающуюся демократию. Уже с первых дней боевых действий западные средства массовой информации заняли антисербскую позицию. Целью Туджмана было добиться интернационализации конфликта, то есть использовать иностранные силы в борьбе с Сербией.

В начале ноября 1991 года союзное руководство призывает ООН срочно направить в Хорватию международный контингент войск с целью умиротворения противоборствующих сторон **[15, с. 190–192]**. Посылка миротворцев ООН в Хорватию принесла определённый положительный результат, хотя мир часто нарушался. Виновником этих нарушений в большинстве своём была хорватская сторона. Многие специалисты ут-

верждают, что мир держался, скорее всего, на военном паритете двух сторон. Хорватия пока ещё не располагала достаточными военными ресурсами, чтобы окончательно сломить сопротивление сербов.

В соседней с Хорватией и Сербией Боснии и Герцеговине разрастался более мощный этнический конфликт. Его особенностью было то, что каждая из этнических групп этой республики находилась в состоянии войны с двумя другими. Сербы воевали с хорватами и мусульманами, а те в свою очередь друг с другом. «На референдуме, проведённом 8 и 9 ноября 1991 г., 92 % сербского народа Боснии и Герцеговины высказалось за то, чтобы остаться в составе Югославии как федеративного государства» **[16, с. 79–80]**. В свою очередь в феврале 1992 года мусульманская сторона провела собственный референдум, в котором участвовало менее половины жителей республики. Сербы и хорваты бойкотировали этот референдум, мусульманская часть населения высказалась за независимость. «Из-за игнорирования прав и воли сербского народа в Боснии и Герцеговине со стороны мусульманско-хорватской коалиции легальные и легитимные представители сербского народа были вынуждены образовать Сербскую республику Боснию и Герцеговину, сформировать республиканские органы – Скупщину, Президиум, Правительство, и установить власть на территориях, где сербы живут испокон веков и составляют подавляющую часть населения» **[16, с. 80]**. При этом боснийские сербы признавали за мусульманами и хорватами право на самоопределение и даже соглашались на реорганизацию БиГ в конфедерацию или гибкую федеративную ассоциацию трёх национальных республик. Хорваты, которые составляли пятую часть населения БиГ, стремились к объединению с Хорватией.

Обозначив основные вехи разрастающегося Югославского кризиса, можно приступить к анализу внешнеполитической позиции республиканской администрации США по отношению к событиям на Балканах, но прежде определим место СФРЮ в системе внешнеполитических приоритетов Соединённых Штатов накануне кризиса.

Американские подходы к оценке места Югославии в системе внешнеполитических приоритетов после Второй мировой войны формировались под влиянием двух основных обстоятельств. Проявление особого интереса США к Югославии базировались, прежде всего, на том, что, будучи социалистическим государством, СФРЮ проводила свою собственную независимую политику. После разрыва в 1948 году отношений между руководством СССР и Югославией, последняя дистанцируется от СССР и провозглашает политику неприсоединения к различным военно-политическим блокам и становится одним из основателей Движения Неприсоединения. Второе обстоятельство, без учёта которого невозможно понять место Югославии в системе внешнеполитических приоритетов США, состоит в том, что Балканский регион не является для них жизненно важным с точки зрения национальных интересов, при условии, если не рассматривать каждую точку планеты, как жизненно важную для США. Америка не зависит от Балкан ни политически, как от стран Западной Европы, ни экономически, как от стран Персидского залива, ни в военном плане, так как США не граничат с Балканскими странами, а также потому, что среди них нет ядерных держав, а значит, нет угрозы национальной безопасности.

Одностороннее заявление Хорватии и Словении о своей независимости и выходе из федерации ставили США как члена мирового сообщества перед лицом свершившихся фактов. Такой поворот событий породил ряд принципиальных вопросов, на которые требовались скорейшие ответы. Во-первых, является ли достаточным основанием для международного признания односторонняя декларация о независимости? Во-

вторых, имеет ли Югославия как субъект международного сообщества право на защиту своей целостности? В-третьих, существуют ли границы права наций на самоопределение, и как этот принцип сочетается с принципом нерушимости границ? В-четвёртых, есть ли критерии, а если они есть, то каковы они в определении новых государств? Все они стали актуальными с лета 1991 года под влиянием югославских событий.

Позиция США прошла несколько этапов развития. Первоначально администрация Буша стояла на позиции желательного сохранения единства Югославии в том или ином виде. Более того, государственный кризис и признаки дезинтеграции Югославии вызывали тревогу в Белом доме. Ещё в 1989 году администрация Буша и конгресс США осудили нарушение прав человека в Косово, но, несмотря на это «в ходе визита А. Марковича в США (октябрь 1989 года) Джордж Буш подтвердил заинтересованность США в сохранении независимой и единой Югославии». В декабре госдепартамент США, выразив «серьёзную обеспокоенность растущей напряжённостью и конфликтами между республиками и нациями Югославии», подчеркнул, что США поддерживают и будут поддерживать в будущем объединённую федеративную Югославию» **[1, с. 270–271]**.

В 1990–1991 годах США также отстаивали принцип сохранения целостного федеративного государства, так как это вписывалось в концепцию «нового мирового порядка», одним из главных положений которой является обеспечение глобальной стабильности. Нараставшие споры между членами федерации США призывали решать на основе мирных переговоров, что также являлось одним из элементов бушевской концепции «нового мирового порядка».

События лета 1991 года, а именно провозглашение независимости Словенией и Хорватией, не нашли поддержки в Белом доме. Развернувшиеся после этого столкновения США призвали немедленно прекратить и сесть за стол переговоров. Об этом свидетельствует ряд документов. Одним из них является «Советско-американское соглашение по Югославии» от 30 июня 1991 года: «СССР и США с глубокой озабоченностью отмечают драматическое развитие ситуации в Югославии. Они осуждают применение силы в целях разрешения политических разногласий… Решение возникших проблем должно быть найдено самим народом Югославии на основе демократических принципов, путём процесса мирных переговоров и конструктивного диалога» **[23, с. 60]**.

В Гааге 18 октября 1991 года на конференции, посвящённой урегулированию Югославского кризиса США, СССР и ЕС приняли совместное заявление, которое также призывало к мирному разрешению политических противоречий: «Мы осуждаем применение силы для разрешения политических разногласий. Мы также отвергаем использование силы для изменения существующих как международных, так и внутренних границ. Такие действия совершенно неприемлемы в 1991 году в центре Европы. Наш подход к урегулированию этого конфликта определяется принципами ОБСЕ относительно границ, прав меньшинств и политического плюрализма, которые должны уважаться и соблюдаться и самими Югославскими сторонами» **[24, с. 65]**. Из этого следует, что мировое сообщество и США, как член этого сообщества, признают территориальную целостность Югославской Федерации, так как под принципами ОБСЕ относительно границ имеется ввиду нерушимость границ. Все изменения границ на территории Европы должны происходить путём мирных договорённостей и ни в коем случае не путём военного противостояния.

Выступая за сохранение единой и неделимой Югославии, администрация Буша, тем не менее, передала все права на урегулирование конфликта Европейскому Союзу. Продуктивность этого шага впослед-

ствии оказалась нулевой. Участие Европейского Союза и других международных европейских организаций по разрешению межэтнического конфликта в Югославии на период осени 1991 г. имело свою небольшую, но всё-таки предысторию. В конце 80-х гг. Югославия проявила желание интегрироваться в международные европейские структуры (Европейский Союз, Европейский Совет и др.). Европейские партнёры благоприятно смотрели на подобное желание, и уже в июле 1989 г. СФРЮ получает статус специального гостя в Европейском Совете **[20, с. 169]**.

События начала 90-х гг. внесли некоторые коррективы в интеграционные планы. В декабре 1990 г. Совет министров иностранных дел принимает специальную Декларацию об отношениях с Югославией, в которой непременным условием предоставления ассоциированного членства Югославии в ЕС оговаривается сохранение целостности СФРЮ и поиск мирных, дипломатических способов решения всех возникающих конфликтных ситуаций между членами федерации **[20, с. 169]**. Аналогичную позицию заняли все без исключение европейские международные организации.

Помимо коллективной европейской позиции ведущие члены ЕС предпринимают собственные индивидуальные действия в направлении сохранения мира на Балканах. В частности, в июне 1991 г. Италия устами своего министра иностранных дел Дж. Де Микелеса обращается к югославской общественности с призывом найти мирные демократические пути сохранения единого государства **[20, с. 170]**. В дезинтеграции страны и эскалации напряжённости близлежащие страны (Италия, Австрия, Венгрия) видели непосредственную угрозу для себя, в частности в виде потенциального потока беженцев и необходимости оказания им значительной материальной помощи.

Последовавшее в июне месяце решение Хорватии и Словении о независимости также не нашли по началу поддержки у Европы. В конце июня в Праге на 7 Межпарламентской конференции по сотрудничеству и безопасности в Европе было принято решение, призывающее власти противоборствующих сторон к компромиссу на основе выработанной Конференцией программы. Программа предусматривала выполнение трёх основных пунктов: «Во-первых, Словения и Хорватия замораживают на три месяца свои решения о выходе из состава Югославии; во-вторых, назначается председатель Президиума СФРЮ; в-третьих, югославская народная армия прекращает огонь и возвращается в казармы» **[20, с. 172]**.

Пражская Декларация по Югославии была взята за основу всеми сторонами конфликта. На бумаге Словения и Хорватия обязались продолжить мирные переговоры по решению спорных вопросов. Реальные события развивались совершенно в ином ключе. После столкновений вооружённых формирований Словении с подразделениями ЮНА в начале июля ЕС предпринимает более или менее результативные шаги по нормализации ситуации в Словении. 7 июля на острове Брион происходит встреча министров иностранных дел Нидерландов, Португалии и Люксембурга с участниками конфликта. По окончании этой встречи принимается т.н. Брионская декларация, результатом которой стал вывод частей югославской армии их из этой словенской республики **[7, с. 181–182]**. Брионская инициатива одна из немногих реальных позитивных результатов деятельности ЕС периода 1991 г. С этого момента Словения фактически выходит из зоны реального конфликтного действия.

Последовавшие за этим мирные инициативы европейцев августа-ноября 1991 г. (Брюссельская декларация, Гаагские инициативы и др.) потерпели полный провал. После явных неудач в декабре 1991 г., ссылаясь на Заключительный акт Хельсинского Совещания, Устав ООН, принципы самоопределения и права национальных меньшинств, Евро-

пейский Союз принимает два важнейших документа, которые коренным образом сказались на развитии кровавых событий в Югославии. Первый документ – это «Декларация о критериях признания новых государств в Восточной Европе и СССР» **[9, с. 192–193]**. Второй – «Декларация о Югославии», которая уточняла ряд положений первого документа **[8, с. 193–194]**. В этих декларациях содержалась готовность Европейского Союза признать независимость новых государств, если они заявят о своей поддержке критериев такого признания. На основе этих положений 15 января 1992 г. Европейский Союз и ряд других стран (Швейцария, Австрия, Венгрия, Болгария, Польша, Чехословакия, Канада) признают независимость Словении и Хорватии **[20, с. 177]**.

Многие положения этих деклараций вызывают споры и по настоящий день. Исходя из принципа права наций на самоопределение, страны Европы, а затем США, Россия и другие государства мира признали новые государственные образования. При этом не было чёткого ответа, где граница права наций на самоопределение. Если ЕС признаёт это право, оно должно было задаться вопросом, где предел, за которым наступает полное разложение государства. Право наций на самоопределение до сих пор является юридически не конкретизированным положением (нормой) международного права. Самоопределиться можно и в рамках уже существующего государства, а Европейский Союз довёл эту норму до права на отделение. При этом ЕС, будучи региональной организацией, взял на себя функции, которые явно не относятся к его компетентности. Единственной организацией, имеющей право принимать подобные решения, является Организация Объединённых Наций (ООН). Югославия на тот момент продолжала являться субъектом международного права, а решения ЕС только поощряли сепаратистские тенденции отдельных республик и являлись грубейшим вмешательством в дела суверенного государства.

Европейский Союз, принимая Декларацию о Югославии, сделал ссылку на Заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Основным положением этого акта является принцип нерушимости границ. Налицо грубейшее попрание ЕС нормы международного права и неуважение территориальной целостности одного из субъектов этого права. Признавая независимость Хорватии и Словении, страны Западной Европы, а вслед за ними и мировое сообщество признали нерушимость границ этих государств. Нерушимость этих границ была обоснована тем же Заключительным актом, но Хельсинский акт гарантировал территориальную целостность Югославской федерации, а не административные границы её субъектов. Арбитражная комиссия Европейского Сообщества в лице лорда Карингтона предложила обосновывать принцип нерушимости как ни странно пп. 2 и 4 ст. 5 югославской Конституции 1974 г., предполагающими изменение административных границ только по взаимному согласию субъектов федерации **[18, с. 285]**.

Признавая за Хорватией и Словенией её административные границы как государственные, ЕС нарушил принцип, который он использовал при признании их независимости. Этим принципом является принцип наций на самоопределение. «Допуская право на независимость со стороны хорватов и словенцев, Европа отнимала подобное право у сербов, живущих в Хорватии и Словении. Право на самоопределение должно принадлежать всем, а не только некоторым. В конфликте в Боснии и Герцеговине участвуют несколько сторон, и не может быть виноватой лишь одна из них» **[22, с. 70]**. Такое положение вещей говорит о применении двойных стандартов при разрешении югославского кризиса. За одним право на самоопределение признавалось, для других отрицалось, при этом ссылаясь на тот же принцип нерушимости границ.

Политика стран Запада в бывшей СФРЮ продемонстрировала, что представления об общечеловеческих ценностях, о которых много говорится в западном обществе, в практической политике используется весьма своеобразно в зависимости от своих национальных интересов. Борьба «культурно-близких» народов (хорваты, словенцы) трактуется как национально-освободительное движение, «неудобные» народы (сербы, русские, курды), ставя вопрос о признании своего права на самоопределение, нарушают основополагающую норму международного права – нерушимость границ. Непонятно, почему албанцам можно самоопределяться в Косово, но этого нельзя делать в Македонии и Греции. Венгры могли бы потребовать самоопределения не только в Воеводине, но и в Трансильвании и Словакии. Так что ссылка на строго правовой подход в признании бывших республик Югославии со стороны ЕС и США неправомерна.

Спустя два месяца с момента признания независимости Хорватии и Словении со стороны ЕС, Соединённые Штаты совершают кардинальный поворот в своей балканской политике и признают сразу три республики – Словению, Хорватию, Боснию и Герцеговину в качестве независимых государств, подчёркивая также при этом, что США в качестве законных границ этих республик рассматривают предкризисные республиканские границы **[14, с. 304]**. Предпосылки подобного шага во многом были прогнозируемы. В феврале 1991 г. лидер республиканцев в Сенате Р. Доул призвал оказать помощь «некоммунистическим» (прежде всего, Словении и Хорватии) республикам СФРЮ. Его призыв был услышан Конгрессом США. В мае 1991 г. Конгресс принимает решение о приостановлении помощи Югославии по причине блокирования руководством Сербии выбора представителя Хорватии на пост председателя Президиума СФРЮ **[20, с. 176]**. В конце 1991 г. «президент США Дж. Буш заявил на пресс-конференции в Гааге, что США также применят санкции к Югославии и поддержат предложения ЕС о введении эмбарго на поставки нефти в Югославию. Санкции предполагали денонсирование договора о торговле и сотрудничестве ЕС с Югославией, отказ от оказания экономической помощи, отмену торговых преференций, меры по блокированию югославских авуаров за границей, запрет на импорт текстильных товаров» **[20, с. 176]**.

Причины американского поворота на сто восемьдесят градусов в отношении признания Словении, Хорватии и БиГ в первую очередь объясняются стремлением сохранить союзнические отношения с Западной Европой, прежде всего с Германией. Ведь именно Германия внесла наибольший вклад в признание независимости и самостоятельности Хорватии и Словении. «В декабре 1991 г. Германия заявила, что признает в одностороннем порядке независимость Словении и Хорватии ещё до рождественских праздников» **[20, с. 177]**. Сербия обвинила Германию в стремлении к гегемонии на Балканах. Заинтересованность в сохранении союзнических отношений США со своими европейскими партнёрами подразумевала отстаивание геополитических интересов и в первую очередь первостепенных политических интересов. Хотя при этом многие чиновники администрации США от внешней политики считали германскую активность в связи с Хорватией чрезмерной и ассоциировали её с событиями полувековой давности, когда именно Германия стояла у колыбели недолго просуществовавшего прогерманского усташеского хорватского государства. Можно даже предположить, что поспешность, с которой Германия признала Хорватию и Словению, для США были неожиданной, что подтверждается тем, что США не сразу последовали примеру европейских партнёров. Лишь чрезмерная активность частей

ЮНА на территории Хорватии, а затем и БиГ вынудила американскую администрацию пойти на признание сразу трёх республик.

Отсутствие единства по поводу возможного признания отделившихся югославских республик стало, возможно, первым после окончания холодной войны серьёзным разладом в трансатлантических отношениях. Америка не желала их усугублять.

На кардинальном изменении позиции США сказалась также тактика президентской избирательной кампании 1992 года. Лидировавший кандидат в президенты от демократической партии Б. Клинтон резко критиковал «просербскую» политику осторожного президента-республиканца Буша, который вполне обоснованно полагал, что вооружённое вмешательство США потребовало бы посылки в Югославию сотен тысяч солдат сухопутных сил. Клинтон же предлагал «простое» решение – отменить эмбарго на поставку вооружений мусульманам в БиГ и применить американскую авиацию для сдерживания «сербской агрессии». Пересмотр балканской политики Белым Домом и его подключение к активной антисербской политике помимо прочего были направлены на определённую нейтрализацию предвыборного эффекта «простых» решений Б. Клинтона. О побудительных мотивах Вашингтона хорошо написал обозреватель английской «Таймс»: «Анархия, царящая в Боснии и Герцеговине, напоминает американцам об анархии в их собственной стране – недавних беспорядках в Лос-Анджелесе. И вместо того чтобы руководить становлением «нового мирового порядка», глава Белого Дома беспомощно взирает на распространение анархии как внутри страны, так и за рубежом. Спору нет, никаких крайне важных интересов в БиГ не имеется. На карту поставлен крайне важный для Белого дома интерес: переизбрания Буша» **[2, с. 46]**. По всей вероятности, президенту Бушу в преддверии выборов необходимо было в очередной раз продемонстрировать миру свою силу, подтвердить в очередной раз ведущую роль США в урегулировании региональных конфликтов. Шаги США по отношению к Югославии вписывались в концепцию национальной безопасности Америки. После того как США не получили поддержки от своих европейских союзников в отношении политики «нового мирового порядка», Америка возложила на себя ответственность за поддержание на планете глобальной безопасности. В качестве гаранта должна была использоваться военная мощь США.

На позицию США влиял ещё один важный фактор. По мнению ряда политиков, позиция Вашингтона в Югославии – это реакция на давление со стороны мусульманских стран, в частности, богатых нефтью стран Персидского залива, так как присутствие войск США в этом регионе и поддержание дружеских отношений с этими странами является одним из стратегических интересов США. Делая ставку на мусульман в БиГ, США как бы «извиняется» за постоянную поддержку Израиля, за бомбёжку исламского Ирака и исламской Ливии. Американцы, ставя на мусульман, прекрасно понимали: ставить больше не на кого. Сербы испытывают глубокие исторические симпатии к России, хорваты и словенцы к Германии, Австрии и Италии, а США довольно ревностно относятся к успехам немецкой дипломатии на Балканах. Можно также с полной уверенностью говорить о том, что США против создания объединённого Сербского государства, способного стать влиятельной силой на Балканском полуострове, а это вписывается в американскую доктрину внешней политики. В итоге администрация Буша возглавила на Западе кампанию массированного пропагандистского, политического, экономического и военного давления на Сербию и боснийских сербов.

К началу весны 1992 г. только две республики изъявили желание и дальше жить совместно. 27 апреля 1992 г. было создано новое федера-

тивное государство – Союзная Республика Югославия (СРЮ) в составе Сербии и Черногории **[11, с. 317–319]**. В декларации по поводу образования СРЮ чётко обозначилась позиция властей Белграда о признании территориальной целостности окружающих стран и решении всех возникающих взаимных претензий только на основе принципа переговоров **[11, с. 318]**.

Игнорируя решение сербского и черногорского народа о принципах совместного существования и принципах мирного взаимоотношения с соседями, западное сообщество не только не признало правопреемство СРЮ, но практически сразу заняло антиюгославскую позицию. Новое югославское государство было обвинено в эскалации ситуации в Боснии и Герцеговине и проведении в этой республике этнических чисток. 30 мая 1992 г. под давлением ЕС и США Совет Безопасности ООН принимает резолюцию № 757 о введении экономических санкций против Сербии и Черногории **[17, с. 220–222]**. Союзную Республику Югославия объявили единственной виновницей военного конфликта в БиГ, хотя подобное решение должно было быть принято после того, как генеральный секретарь ООН Бутрос Гали выступит с соответствующим докладом по Югославии. Гали выступил с докладом 2 июня 1992 г, из которого стало ясно, что в БиГ присутствуют регулярные части ЮНА и регулярные части хорватской армии и то, что и Хорватия должна нести полную ответственность за военный конфликт в Боснии и Герцеговине **[12, с. 231–234]**.

Несмотря на явно признанные факты присутствия регулярной хорватской армии в БиГ, международное сообщество и в дальнейшем демонстрирует нормы двойного подхода к СРЮ и к бывшим членам СФРЮ. В июле 1992 г. СБСЕ принимает специальную Декларацию по Югославии, в которой утверждалось, что «несмотря на все усилия ООН, Совета Безопасности и других международных организаций, насилие и агрессия в Боснии и Герцеговине и в Хорватии продолжаются. Главная ответственность за это лежит на властях в Белграде» **[10, с. 243]**. Пункт восьмой данной декларации приостанавливал членство Сербии и Черногории в этой международной организации **[10, с. 243–244]**, в то время как Хорватия как один из реальных виновников межнациональной трагедии в БиГ не только имела возможность принимать участие в заседаниях СБСЕ, но и наряду со Словенией и Боснией и Герцеговиной принималась в Организацию Объединённых Наций **[13, с. 319–320]**.

Активную роль в принятии санкций сыграли США. Для Соединённых Штатов единственным виновником стала Сербия. Сербия в данном случае выступала в роли Ирака, а лидер Сербии Милошевич – это Саддам Хусейн. Американская администрация отозвала своего посла из Белграда, закрыла воздушное сообщение с СРЮ и югославские консульства в Нью-Йорке и Сан-Франциско. В случае если бы эти меры не возымели действия, США предполагали рассмотрение вопроса о возможном использовании военной силы. В чём конкретно обвинялось югославское руководство? В том, что Сербия не выводила войска из Боснии, конфликтовала с миротворцами из ООН. При этом Запад игнорировал то, что мусульманские формирования заблокировали казармы ЮНА, которая готова была вывести свои войска из БиГ, то, что сербская община била тревогу по поводу судьбы шести тысяч сербов, которые оказались в контролируемых хорватскими отрядами районах городов Ливно и Оджак, судьбы более трёх тысяч беженцев, которые содержались в качестве заложников под охраной на стадионах, причём десятки из них были арестованы и перевезены в места заключения непосредственно в Хорватию **[25, с. 165–167]**.

Используя своё влияние на членов Совета Безопасности ООН, прежде всего на Великобританию и Россию, США добиваются принятия ещё двух резолюций по Югославии. 13 августа 1992 г. принимается резолюция № 770 о запрете полётов над территорией БиГ **[4, с. 117–118]**, а 22 сентября 1992 г. – резолюция № 777, которая констатировала прекращение существования СФРЮ и рекомендовала генеральной Ассамблее ООН принять решение о том, что Югославии следует подать заявление о приёме в члены ООН, но на это время она не будет участвовать в её работе **[5, с. 119–120]**. В резолюции № 777 чётко прослеживается двойной подход к новым субъектам мирового сообщества. В 1991 г. после распада СССР Россия заявила о том, что она является правопреемницей бывшего Советского Союза и признаёт все договоры и соглашения заключённые СССР. Всем понятно, что Россия не выходила из СССР, союз распался сам. Россия сохранила за собой постоянное место в СБ ООН. В аналогичной ситуации оказалась Сербия и Черногория. Они не выходили из федерации, но их пытались лишить голоса в ООН и других международных организациях. Дискриминация налицо.

В течение 1992 года Запад не решился на вооружённую интервенцию в основном из-за нежелания именно США посылать американские сухопутные силы в Боснию и Герцеговину. На это было несколько причин. Первая из них – понимание того, что без значительных жертв американская армия не сможет навести порядок в БиГ, большие потери приведут к стопроцентному провалу Буша на президентских ноябрьских выборах. Вторая причина – это то, что в целом американское общество было против посылки войск в Югославию и оно призывало сконцентрировать все силы на решении внутриэкономических проблем, так как США переживали острейший экономический кризис. Третья причина – это здравая оценка самих военных того, что боснийские сербы умеют воевать. Лидеры боснийских сербов пригрозили американцам устроить «новый Вьетнам», а «вьетнамский синдром» всё ещё сохраняется в американском обществе. Угрозы боснийских сербов не были блефом. На западе помнили, что в годы Второй мировой войны сербские партизаны сковали в Югославии несколько десятков кадровых дивизий немецкого вермахта и СС, а немцы были очень хорошими солдатами. Учитывая всё это, США взирали на конфликт и не предпринимали активных реальных действий.

На президентских выборах республиканцы во главе с Бушем потерпели фиаско из-за неумения приостановить нарастающий кризис в экономике и чрезмерной концентрации внимания на внешнеполитических проблемах. Последние месяцы до выборов администрация Буша практически «забросила» югославские дела и сконцентрировалась на переизбрании своего лидера.

Из вышеизложенного можно сделать ряд выводов, касающихся внешней политики администрации Буша на Балканах в отношении Югославского конфликта.

Во-первых, не имея стратегических интересов на Балканах и не зная специфики данного региона, США передают все права на урегулирование конфликта странам ЕС, которые, преследуя свои корыстные интересы, признают независимость Словении, Хорватии и БиГ.

Во-вторых, признавая свершившийся факт и не желая портить свои стратегические отношения с европейскими и ближневосточными союзниками, США в начале 1992 года признают независимость сразу трёх бывших республик – Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины, не понимая того, что именно поспешность, с которой были признаны эти республики, привела к разрастанию военного конфликта в данном регионе.

В-третьих, к моменту возникновения кризиса в Югославии США не имели разработанной концепции, которая бы обозначила американский подход к урегулированию межнациональных конфликтов и разрешению противоречий между принципами нерушимости границ, самоопределения наций и соблюдения прав человека. Исходя из права на самоопределение как одного их основных принципов международного права, США и их союзники признали независимость Хорватии, Словении, Боснии и Герцеговины. При этом был нарушен принцип нерушимости границ и уважения территориальной целостности государств, который наряду с принципом права наций на самоопределение является одной из основополагающих норм международного права. США и страны ЕС не дали чёткого ответа на вопрос, существует ли граница права народов на самоопределение. Где предел, за которым наступает полное разложение государства?

В-четвёртых, политика США в Югославии с очевидностью продемонстрировала, что представления об общечеловеческих ценностях, о которых так любят говорить американцы, в практической политике применяются весьма творчески и избирательно, в зависимости от реальных интересов. Если речь о самоопределении «культурно-близких» и «политически перспективных» народов, жаждущих свободы и демократии, тогда этот принцип соблюдается, но если вопрос о признании своих прав ставят народы «неудобные», в ход пускаются разговоры о территориальной целостности и нерушимости границ. В политике США прослеживается двойной стандарт, как к странам, так и к народам. Как США и ЕС могут провозглашать первоочерёдность права на отделение перед правом оставаться жить в едином государстве? Эти права должны быть равными.

В-пятых, администрация пыталась за счёт агрессивной внешней политики в Югославии решить вопрос о переизбрании на второй срок президентства своего лидера Джорджа Буша.

В-шестых, стремясь занять лидирующую позицию в урегулировании Югославского конфликта, Вашингтон явно демонстрировал свою мощь и свою позицию как единственной сверхдержавы.

Литература

1. Гиренко Ю.С. Югославия / Международный ежегодник: Политика и экономика. Вып. 1990 г. / АН СССР, Ин-т мировой экономики и международных отношений; Гл. ред. О.Н. Быков. М., 1990. С.270–271.

2. Гольц А. Санкции: пишем «Югославия», в уме СНГ // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е.Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

3. Все, что вы хотели знать о пятой, а, ей-богу, и о шестой колонне в Даруваре, но боялись спросить // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с..

4. Заявление представителя МИД Российской Федерации (17 августа 1992 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е. Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

5. Заявление представителя МИД Российской Федерации (21 сентября 1992 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е. Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

6. Из конституции Республики Хорватии (декабрь 1990 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с..

7. Из Брионской декларации (Брион, 7 июля 1991 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

8. Из декларации по Югославии (ЕС, Брюссель, 17 декабря 1991 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

9. Из декларации о критериях признания новых государств в Восточной Европе и Советском Союзе (17 декабря 1991 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

10. Из декларации СБСЕ по Югославии // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

11. Из декларации участников совместного торжественного заседания Скупщины СФРЮ, Народной Скупщины Республики Сербии и Скупщины Республики Черногории (27 апреля 1992 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

12. Из доклада Генерального секретаря ООН Б. Бутроса – Гали Совету Безопасности ООН (2 июня 1992 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

13. Из заседания правительства СР Югославии по поводу принятия Словении, Хорватии, Боснии и Герцеговины в ООН // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т.1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

14. Из заявления Президента США о признании бывших югославских республик (Вашингтон, 7 апреля 1992 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

15. Из плана миротворческой акции ООН в Югославии // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

16. Из письма министра иностранных дел Сербской республики Боснии и Герцеговины А. Бухи председателю Верховного Совета Российской Федерации Р. Хасбулатову, председателю комитета по международным делам и внешнеэкономическим связям Верховного Совета Российской Федерации Е. Амбарцумову, народным депутатам Верховного Совета Российской Федерации (13 июня 1992 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е. Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

17. Из Резолюции 757 Совета Безопасности ООН (30 мая 1991 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

18. Из сообщения Арбитражной комиссии Европейского сообщества (15 января 1992 г.) // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

19. Кризис Федерации и концепции его преодоления // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

20. Мировое сообщество и интернационализация Югославского кризиса // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

21. Межнациональные столкновения. Война в Хорватии, Боснии и Герцеговины // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

22. Послание президента Сербии Милошевича президенту России Ельцину и президенту США Бушу (30 мая 1992 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е. Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

23. Советско-американское заявление по Югославии (30 июля 1991 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е. Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

24. Совместное заявление СССР, США, ЕС / (Гаага. 18 октября 1991 г.) // Югославский кризис и Россия: Документы, факты, комментарии (1990–1993) / Отв редактор Е. Ю. Гуськова. Москва: Славянская летопись, 1993. 505 с.

25. Список концентрационных лагерей для сербов в Боснии и Герцеговине // Югославия в огне: Документы, факты, комментарии (1990–1992). Современная история Югославии в документах. Т. 1. Отв. ред. Е.Ю. Гуськова. М., 1992. 372 с.

26. Фукуяма Ф. Конец истории. // Вопросы философии. 1990. № 3. С.134–148.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Girenko Yu.S. Yugoslaviya / Mezhdunarodnyj ezhegodnik: Politika i ehkonomika. Vyp. 1990 g. / AN SSSR, In-t mirovoj ehkonomiki i mezhdunarodnykh otnoshenij; Gl. red. O.N. Bykov. M., 1990. S.270–271.

2. Gol'ts A. Sanktsii: pishem «Yugoslaviya», v ume SNG // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E.Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

3. Vse, chto vy khoteli znat' o pyatoj, a, ej-bogu, i o shestoj kolonne v Daruvare, no boyalis' sprosit' // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s..

4. Zayavlenie predstavitelya MID Rossijskoj Federatsii (17 avgusta 1992 g.) // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E. Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

5. Zayavlenie predstavitelya MID Rossijskoj Federatsii (21 sentyabrya 1992 g.) // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E. Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

6. Iz konstitutsii Respubliki KHorvatii (dekabr' 1990 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s..

7. Iz Brionskoj deklaratsii (Brion, 7 iyulya 1991 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

8. Iz deklaratsii po Yugoslavii (ES, Bryussel', 17 dekabrya 1991 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

9. Iz deklaratsii o kriteriyakh priznaniya novykh gosudarstv v Vostochnoj Evrope i Sovetskom Soyuze (17 dekabrya 1991 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty,

fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

10. Iz deklaratsii SBSE po Yugoslavii // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

11. Iz deklaratsii uchastnikov sovmestnogo torzhestvennogo zasedaniya Skupshhiny SFRYU, Narodnoj Skupshhiny Respubliki Serbii i Skupshhiny Respubliki CHernogorii (27 aprelya 1992 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

12. Iz doklada General'nogo sekretarya OON B. Butrosa – Gali Sovetu Bezopasnosti OON (2 iyunya 1992 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

13. Iz zasedaniya pravitel'stva SR Yugoslavii po povodu prinyatiya Slovenii, KHorvatii, Bosnii i Gertsegoviny v OON // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T.1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

14. Iz zayavleniya Prezidenta SSHA o priznanii byvshikh yugoslavskikh respublik (Vashington, 7 aprelya 1992 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

15. Iz plana mirotvorcheskoj aktsii OON v Yugoslavii // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

16. Iz pis'ma ministra inostrannykh del Serbskoj respubliki Bosnii i Gertsegoviny A. Bukhi predsedatelyu Verkhovnogo Soveta Rossijskoj Federatsii R. KHasbulatovu, predsedatelyu komiteta po mezhdunarodnym delam i vneshneehkonomicheskim svyazyam Verkhovnogo Soveta Rossijskoj Federatsii E. Ambartsumovu, narodnym deputatam Verkhovnogo Soveta Rossijskoj Federatsii (13 iyunya 1992 g.) // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E. Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

17. Iz Rezolyutsii 757 Soveta Bezopasnosti OON (30 maya 1991 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

18. Iz soobshheniya Arbitrazhnoj komissii Evropejskogo soobshhestva (15 yanvarya 1992 g.) // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

19. Krizis Federatsii i kontseptsii ego preodoleniya // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

20. Mirovoe soobshhestvo i internatsionalizatsiya Yugoslavskogo krizisa // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

21. Mezhnatsional'nye stolknoveniya. Vojna v KHorvatii, Bosnii i Gertsegoviny // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

22. Poslanie prezidenta Serbii Miloshevicha prezidentu Rossii El'tsinu i prezidentu SSHA Bushu (30 maya 1992 g.) // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E. Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

23. Sovetsko-amerikanskoe zayavlenie po Yugoslavii (30 iyulya 1991 g.) // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E. Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

24. Sovmestnoe zayavlenie SSSR, SSHA, ES / (Gaaga. 18 oktyabrya 1991 g.) // Yugoslavskij krizis i Rossiya: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1993) / Otv redaktor E. Yu. Gus'kova. Moskva: Slavyanskaya letopis', 1993. 505 s.

25. Spisok kontsentratsionnykh lagerej dlya serbov v Bosnii i Gertsegovine // Yugoslaviya v ogne: Dokumenty, fakty, kommentarii (1990–1992). Sovremennaya istoriya Yugoslavii v dokumentakh. T. 1. Otv. red. E.Yu. Gus'kova. M., 1992. 372 s.

26. Fukuyama F. Konets istorii. // Voprosy filosofii. 1990. № 3. S.134–148.

УДК 327

Золотухин И.Н., Туманов Ю.В.
Zolotukhin I.N., Tumanov Yu.V.

Арктический азимут тропической страны

Arctic azimuth of the tropical country

В статье рассматривается арктическое направление внешней политики Сингапура. Таяние льдов Арктики и экологическая ситуация, связанная с глобальным изменением климата, способствовали вовлечению государства, расположенного в Юго-Восточной Азии, в арктические дела. Деятельность Сингапура нацелена не только на развитие территории Арктики, но и на реализацию своих внешнеполитических приоритетов. Являясь центром мировой экономики, Сингапур избегает конфронтации в полярных широтах, стремясь участвовать в формировании предсказуемой и устойчивой международной среды. В работе отражены дипломатический, экологический, экономический векторы арктической политики Сингапура, а также арктическое измерение российско-сингапурских отношений. Методической основой работы является анализ результатов исследований отечественных и зарубежных авторов, а также материалов, документов по исследуемой проблеме.

Ключевые слова*: Арктика, Сингапур, Арктический Совет, внешняя политика, изменение климата, Северный морской путь, российско-сингапурские отношения*

◆

The article reviews arctic direction of Singaporean foreign policy. Melting Arctic ice caps and ecological situation related to global warming have affected Southeastern state's involvement in Arctic issues. Singaporean activity focuses not only on the development of the Arctic area, but also the implementation of its foreign policy priorities. Being the core of global economy, Singapore avoids confrontation in polar latitudes and endeavors to participate in forming predictable and sustainable international environment. Diplomatic, ecological, economic vectors of Singaporean foreign policy as well as arctic dimension of the Russo-Singaporean relations are represented in the work. The article is based on the analysis of previous researches and findings of Russian and foreign authors as well as the data and documents on focused problem.

Key words*: Arctic, Singapore, Arctic Council, foreign policy, climate change, Northern Sea route, Russo-Singaporean relations*

Введение

Арктика, долгое время считающаяся глубокой периферией международных процессов, за последние десятилетия привлекает пристальное внимание мировой общественности, став объектом острой полемики среди академических кругов и зоной особых интересов со стороны великих держав. Климатические изменения, в силу которых происходит

ЗОЛОТУХИН Иван Николаевич, к.полит.н., доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** zolivnik@mail.ru

ТУМАНОВ Юрий Владимирович, аспирант Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*. **E-mail:** yutway@mail.ru

таяние арктических льдов, влияют не только на уникальные природные условия полярных широт, но и создают новые контуры геополитических и геоэкономических отношений, связанных с проблемами сохранения и использования природных ресурсов Севера и устойчивого развития арктического региона, а также статуса полярных территорий и сфер интересов государств, прилегающих в арктическому сектору. Арктика превращается в один из полюсов мировой политики, где причудливо переплетаются вопросы сотрудничества и конфронтации.

Кроме государств, проблемами Арктики занимаются многочисленные международные организации, но относительно новым фактором международных отношений стало вовлечение в арктические дела внерегиональных участников, удаленных от побережья Северного Ледовитого океана на тысячи километров. С одной стороны, они вносят элемент неопределенности и усугубляют острые политические вопросы, связанные со сферами влияния и арктическими границами, а с другой, участвуют в обсуждении и решении проблем глобального характера. На сегодняшний момент свое присутствие в Артике обозначили не только гранды Европы (Великобритания, Франция, Германия) и Азии (Китай, Индия, Япония), но и государства, не столь заметные в мировой политике. В данном контексте интересной представляется активность в Арктике Сингапура, города-государства Юго-Восточной Азии.

Арктическая дипломатия Сингапура

На первый взгляд, казалось бы, что может связывать тропический остров-государство с льдами Арктики? Однако международное положение Сингапура, который на протяжении 50 лет является центром глобализации и акцентирован на взаимодействие с перспективными центрами мировых экономических процессов, объясняет его очевидное стремление стать ближе к северному полюсу. С другой стороны, статус Сингапура как «глобального города» **[39, p. 6]** делает его зависимым от вызовов внешней среды и требует от сингапурского правительства адекватных действий, чтобы предотвратить вероятные негативные последствия.

Сингапур с первых дней обретения суверенитета делает ставку на выстраивание эффективных внешнеполитических отношений, прекрасно осознавая недостаток военной мощи для защиты национальных интересов. Для маленького города-государства, в котором взаимосвязь внутренней и внешней политики ощущалась очень сильно, обеспечение предсказуемой внешней среды стало одним из важных элементов международной деятельности. Еще с 1960-х годов отец сингапурской дипломатии Синнатхамби Раджаратнам исходил из целесообразности и прагматизма в отношениях с соседями по региону и выстраивания связей с внерегиональными акторами и институтами. Вовлечение в международные процессы строилось на необходимости обеспечения безопасности страны от внешних угроз **[39, p. 4]**, что реализовывалось посредством налаживания и укрепления сотрудничества как на региональном, так и глобальном уровнях.

Благодаря нацеленности на избегание конфронтации и политике открытости маленький Сингапур создает экономику, основанную на активном внедрении в производство высоких технологий, становится важнейшим финансовым, транспортным и информационным хабом всего мира, приобретает колоссальный международный авторитет. Последовательные действия Сингапура в координации внутрирегиональных связей способствовали возникновению Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и ее превращению в один из триггеров интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР).

С другой стороны, Сингапур, сознавая оборотную сторону тесной взаимосвязи с глобальными процессами, стремится реагировать на усложняющиеся условия внешней среды, подчас играя на опережение. В этом отношении показательна политика Сингапура на вовлечение в арктический регион, интерес к которому Сингапур проявлял еще в 1990-х гг. Серьезность своих намерений в отношении ситуации за полярным кругом он обозначил в 2009 г., озаботившись катастрофическими последствиями климатических изменений в Арктике для судьбы государства-острова **[28]**.

С 2011 г. Сингапур начал активно лоббировать место наблюдателя в Арктическом Совете **[16]**[1] , одной из наиболее известных международных организаций, которая занимается вопросами устойчивого развития арктического региона (включая социально-экономическое развитие), предотвращения чрезвычайных ситуаций, охраны окружающей среды в Арктике. Для получения статуса наблюдателя Сингапур назначил Специального Уполномоченного по арктическим делам **[34]**. Обретение Сингапуром, наряду с другими внеарктическими государствами, [2] искомого статуса в 2013 г., стало признанием его высокой международной репутации, а его участие в деятельности Совета (прежде всего в рабочих группах) также дает ему возможность для активизации двусторонних связей с арктическими державами. Примером успешного взаимодействия Сингапура с полярными странами является Норвегия, с которой удалось наладить сотрудничество по таким важным аспектам, как управление водными ресурсами, возобновляемые источники энергии. Стороны тесно взаимодействуют в международных переговорах по изменению климата **[29]**.

Безусловно, присутствие Сингапура в Арктике несоизмеримо с деятельностью «большой тройки» восточноазиатских государств – Китая, Японии и Кореи, для которых важно не столько место наблюдателя в Арктическом Совете, не дающее возможности прямого влияния на арктическую политику **[14, p. 5]**, сколько доступ к ресурсам Арктики. Однако их действия, направленные, в том числе на пересмотр правового статуса Арктики и закрепление своего территориального присутствия в регионе, влекут обострение отношений и могут привести к негативным последствиям, в том числе и военной конфронтации **[1, с. 11]**.

В отличие от азиатских колоссов Сингапур придерживается сбалансированного подхода и уповает больше на дипломатические механизмы, игнорируя геополитические амбиции и концентрируя внимание на глобальных проблемах: защита окружающей среды, устойчивое экономическое развитие Арктики и развитие в регионе человеческого капитала. Также Сингапур нацелен на взаимодействие с организациями, представляющими коренные народы Севера.

Стоит отметить, что главный инструмент проникновения Сингапура в Арктику – это технологии: обслуживающие, научные, образовательные, управленческие, благодаря которым тропическое государство демонстрирует независимую позицию в арктическом регионе, готовность идти на диалог и развивать тесные партнерские отношения **[30]**. Таким образом, Сингапур нюансирует напряженность в Арктике, вызванную

---

[1] В 1993 г. восемью министрами полярных государств (арктической восьмерки: РФ, США, Канада, Дания, Норвегия, Исландия, Швеция, Финляндия) была подписана Нукская декларация, в которой, помимо прочего, были сформулированы критерии для приема новых членов в статусе наблюдателей. Министры подтвердили, что приглашение наблюдателей должно исходить из прагматической и функциональной оценки их участия и вклада в решение экологических проблем Арктики **[4, с. 174]**.

[2] Статус наблюдателей в АС получили члены Евросоюза (Великобритания, Франция, Германия, Польша, Испания, Италия, Нидерланды), а также страны Восточной (Китай, Япония, Южная Корея, Сингапур) и Южной Азии (Индия).

проявлением «полярного ориентализма» **[25, p. 1430]**, и имеет хорошие шансы для углубления взаимовыгодного сотрудничества с арктическими державами. Отношения с США и Канадой в этом ракурсе представляются наиболее благоприятными благодаря тесным экономическим связям североамериканских государств с Сингапуром, в том числе участию последнего в Транс-Тихоокеанском партнерстве.

Вовлечение Сингапура в дипломатический диалог с арктическими государствами может способствовать экспорту переговорной модели ASEAN-way («путь АСЕАН»), что может стать хорошим подспорьем для сглаживания противоречий и формирования формата консультаций и неофициальных встреч по ключевым вопросам.

Наиболее серьезные проблемы, которые определяют характер арктической политики Сингапура, видятся в двух плоскостях – экологической и экономической, последняя, в свою очередь, тесно связана с ролью транзитного центра, которую город-государство традиционно играет в международной экономической системе и на которую может существенно повлиять активизация северных транспортных коридоров.

Экологическое и экономическое измерения арктической политики Сингапура

Экологические проблемы носят всеобъемлющий характер, затрагивают интересы всего человечества. Проблема изменения климата на планете давно стало темой не только научного, но и политического дискурса, особенно обеспокоены этой проблемой страны, которые рискуют пострадать в результате природных катастроф, вызванных климатическими метаморфозами. Арктика является индикатором глобальных процессов изменения окружающей среды, и за последние десятилетия процесс таяния полярных льдов стал вызовом не только для отдельных государств, но и для всего международного сообщества.

Серьезные трансформации произошли с ледниками Северной Америки. В начале XXI века распался ледник Элсмир, от которого осталось несколько небольших сегментов общей площадью менее 900 квадратных километров. В сентябре 2008 после распада шельфового ледника Мархам, осталось всего четыре сегмента: Серсон, Петерсен, Айлс, Уорд Хант, которые являются последними шельфовыми ледниками Северной Америки **[13]**.

Согласно докладу Межправительственной группы экспертов по проблемам изменения климата Организации Объединенных Наций, от 3,5 до 4,1 % ледового покрова Арктики тает каждые 10 лет с 1979 по 2012 гг. **[26]**. В свою очередь эксперты американского Национального управления по воздухоплаванию и исследованию космического пространства (НАСА) прогнозируют, что в ближайшие 100–200 лет уровень Мирового океана поднимется не менее чем на 1 метр, и под угрозой ухода под воду могут оказаться островные государства и крупные города, имеющие выход к побережью, такие как Токио и Сингапур **[32]**.

По замечанию сингапурского министра Сэм Тан Чин Сионга, если свой 50-тилетний юбилей Сингапур встречал на поверхности, но свое столетие рискует отпраздновать под водой **[26]**. Повышение уровня океана также может привести к нехватке пресной воды, наводнениям и распространению тропических болезней. В силу этих причин Сингапуру важно понять тенденции изменений климата в Арктике, где температура повышается в два раза быстрее, чем в других частях мира **[21, p. 67]**. Осознавая влияние природных трансформаций в Арктике на свою судьбу, Сингапур стремится предотвратить угрозу затопления, поэтому экологическая составляющая остается для него важным звеном вовлечения в арктические дела.

На недавней конференции «Глобальное лидерство в Арктике: сотрудничество, инновации, вовлечение и устойчивость»,[1] проходившей 30–31 августа 2015 в Анкоридже, Сингапур подчеркнул свое участие в совместных научных и деловых арктических проектах и вместе с представителями других делегаций, кроме Индии и Китая, подписал совместную декларацию по вопросам изменения климата в Арктике **[15]**.

Особое внимание Сингапур уделяет проблеме загрязнения полярных вод. Государство является подписантом Полярного Кодекса Международной морской организации (ИМО), содержащего положения, касающиеся охраны окружающей среды, связанные с деятельностью судов, плавающих в водах Арктики и Антарктики. Среди них фигурируют такие вопросы, как предотвращение загрязнения нефтью, контроль над загрязнением ядовитыми веществами, предотвращение загрязнения сточными водами с судов и др. **[6]**.

Сингапур выполняет международные обязательства в рамках соглашения по изменению климата, постоянно сокращая выбросы углекислого газа в атмосферу, а также изыскивает альтернативные источники энергии, намереваясь к 2020 г. довести мощность использования солнечной энергии до 350 МВт **[31]**.

Таким образом, придерживаясь экологически ответственного развития, Сингапур стремится сохранить репутацию технологически развитого участника арктических исследований, который, в отличие от своих восточноазиатских соседей, заинтересован не столько в эксплуатации природных ресурсов полярных широт, сколько в устойчивом развитии Арктики.

В то же время экономические интересы Сингапура подразумевают не только экспорт энергосберегающих технологий, но и продукции судостроительной, нефтедобывающей отраслей. По мнению исследователей Центра стратегических оценок и прогнозов, Сингапур является выгодным союзником для многих арктических государств, которых интересует опыт и достижения города-государства в создании, управлении и развитии морской и прибрежной инфраструктуры, а также в судостроении **[5]**.

Сингапур считается одним из мировых лидеров в производстве техники, необходимой для работы в открытом море, ключевых секторов экономики Сингапура. Сингапуру принадлежит 70% мирового рынка морских буровых установок и 2/3 рынка плавучих установок для добычи, хранения и отгрузки нефти. Обе технологии особенно важны для осуществления морского бурения в суровых климатических условиях, таких как Арктика **[40, p. 15]**.

Всемирно известная сингапурская компания Keppel Corporation, инвестируемая правительством, является одним из крупнейших в мире производителей морских нефтяных платформ **[24]**, а ее дочернее предприятие – Keppel Singmarine, в 2008 г. построила для компании «Лукойл-Калининградморнефть» 2 ледохода: «Варандей» и «Тобой» **[23]**. Компания Keppel Offshore and Marine Technology проводит испытания морских буровых установок для их работы в полярных условиях **[27]**. В 2012 г. Keppel и Conoco Phillips объявили о своем намерении разработать совместную новаторскую установку для бурения на шельфе Северного Ледовитого океана **[40, p. 15]**.

---

[1] GLACIER (Global Leadership in the Arctic: Cooperation, Innovation, Engagement, and Resilience; аббревиатура переводится с английского как «ледник») – конференция, проводимая Госдепартаментом США с целью обозначить наиболее актуальные вопросы, стоящие перед Арктикой, а также определить инновационные подходы на местном, национальном и международном уровнях для решения проблем региона. На конференции принимают участие участники Арктического Совета, а также политики и представители коренных народов и общественности Аляски и Арктики **[14]**.

Зельда Сориано отмечает прагматический подход Сингапура, который увязывает свою арктическую дипломатию с необходимостью защиты ключевых отраслей промышленности **[41]**. В этом отношении действия Сингапура в Арктике могут быть интерпретированы как желание обрести выгоду, однако, в данном вопросе Сингапур стремится проявлять гибкость, не желая рисковать возможностью получать дипломатическую и политическую поддержку со стороны арктических держав.

По мнению Сориано, существует вероятность, что Сингапур способен пожертвовать ледокольным бизнесом на Северном Ледовитом океане и даже готов провозгласить запрет как на разведку и добычу нефти, так и на неконтролируемый промысел рыбы в Арктике ради сохранения международного престижа **[41]**.

Георгий Иванов, напротив, склонен полагать, что Сингапур крайне заинтересован в коммерческом использовании Арктики, что продиктовано, в том числе, потребностями города-государства в энергоресурсах. По мнению Иванова, Сингапур на 60% зависит от поставок нефти и газа из-за рубежа: большая часть нефти идет с Ближнего Востока, где крайне нестабильная политическая ситуация, а газ поставляют соседи по Юго-Восточной Азии (ЮВА) – Малайзия и Индонезия. Оба региона сейсмоопасны, причем если Ближний Восток с точки зрения политических проблем, то ЮВА по геологическим причинам. Поскольку данная ситуация усугубляет вызовы энергетической безопасности государства, Сингапуру выгодна диверсификация поставок из других регионов, в том числе и из Арктики **[19]**.

В свою очередь, видный специалист по ЮВА Иэн Стори считает, что экономические интересы Сингапура в Арктике в меньшей степени исходят из потребления природных ресурсов региона. Сингапур преуспел в маркетинге передовых морские технологий, необходимых для разработки арктических ресурсов в ближайшие десятилетия, и будет их развивать и совершенствовать. В то же время он обращает внимание на то, что таяние арктических льдов не только делает тамошние природные ресурсы более доступными, но также улучшает перспективы судоходства в северных широтах и поднимает проблему увеличения объемов грузоперевозок на трансарктических морских маршрутах, которые обеспечивают более короткие сроки сообщения между Европой и Азией. Эксперт придерживается мнения, что в долгосрочной перспективе, один из этих маршрутов – Северный морской путь (СМП), может стать угрозой бизнеса морских грузоперевозок Сингапура **[21, p. 67]**.

Однако с момента получения статуса наблюдателя в Арктическом Совете, Сингапур использует свое положение для активизации арктического судоходства. Один из последних форумов, посвященных развитию морских путей в Арктике, прошел в Сингапуре в ноябре 2015 г. **[38].**

Портовая инфраструктура Сингапура – одна из наиболее развитых в мире, а по суммарному грузообороту сингапурский порт до 2005 г. не имел равных. В период между 2005 и 2012 гг., когда он уступил пальму первенства Шанхаю, общий объем грузов, проходящих через Сингапур, возрос на 27 % (от 423,7 млн. тонн до 538 млн.) **[22]**.

Долгое время положение Сингапура как центра ключевых торговых путей, транспортного хаба, не подлежало сомнению, но городу-государству не следует исключать арктические пути (и прежде всего СМП) как альтернативу традиционному налаженному морскому трафику через Малаккский пролив. Ситуация усугубляется тем фактом, что Сингапур может потерять значительный объем грузоперевозок в случае создания глубоководного порта в г. Тавой, на побережье Мьянмы, что может стать серьезным вызовом для сингапурской портовой индустрии **[18]**.

Во многом перспективность арктических путей для Сингапура, также как возможности для города-государства стать одним из центров трансарктического транзита, сохранив при этом роль хаба в новой конфигурации глобальных транспортных коммуникаций, будет зависеть и от позиции России, для которой СМП является самой важной судоходной магистралью в Арктике.

Россия и Сингапур: арктический вопрос

Интересы России в Арктике исходят из двух перемежающихся плоскостей: обеспечения национальной безопасности и социально-экономического развития. Первая включает в себя отстаивание позиций по международно-правовым вопросам, касающимся границ российского континентального шельфа и использования пространственных особенностей арктического региона для дислокации военно-стратегических сил. Вторая предусматривает комплексное освоение и развитие арктических территорий, что прописано в таких документах, как «Основы государственной политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу (2008)», «Стратегия развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года (2013)».

Особое внимание Россия уделяет развитию СМП, который способен серьезно сократить скорость транспортировки грузов из Европы в Азию и создать конкуренцию Суэцкому и Панамскому каналу и Малаккскому проливу. Оптимистичные прогнозы доводили объемы грузопотока через СМП от 64 млн. тонн в год к 2020 г. до 85 млн. тонн в год к 2030 **[20, p. 7]**.

Даже несмотря на снижение числа судов в 2014–15 гг., в том числе в результате падения цен на нефть и антироссийских санкций, из-за которых иностранные судоходные компании стали избегать заключения контрактов с российскими фирмами **[9]**, СМП остается для России перспективным проектом, реализация которого помимо конкурентных вызовов для Сингапура может также способствовать росту товарооборота между двумя странами **[3]**.

Для России в Арктике будет очень полезен опыт Сингапура в таких сферах, как транспортировка и охрана грузов, предотвращение разливов нефти и управление морского судоходства. Как уже отмечалось, несколько лет назад сингапурская компания Keppel Singmarine построила 2 ледохода для российской компании «Лукойл-Калининградморнефть».

Сотрудничество в Арктике может стать одним из приоритетных направлений сингапурских внешних связей на фоне усиления экономического сотрудничества с Россией. За последние годы отношения между двумя странами развиваются достаточно бурно. За 2014 г. российско-сингапурский товарооборот превысил 8 млрд. $ **[36]**, хотя еще в 2003 он составлял всего 250 млн. $, а в 2007 – 1,54 млрд. **[37]**

В 2006 г. Сингапур и Россия подписали меморандум о взаимопонимании по вопросам экономического сотрудничества в особых экономических зонах, ставшем основой для привлечения сингапурских технологий в российские отрасли. Отношения между сторонами активизировались после подписания в сентябре 2010 г. межправительственного соглашения о поощрении и защите инвестиций (вступившего в силу в июне 2012 г.), включавшего в себя пункты о недискриминационном, справедливом и равноправном режиме для сингапурских инвесторов и инвестиций в России и российских в Сингапуре, о незамедлительной, адекватной и действующих компенсациях в случае экспроприации, о гарантиях свободного движения капиталов, вырученных доходов и иных платежей, а также об обращении в международные арбитражные суды в случае любого спора между инвестором и государством **[16]**.

Важное значение в двустороннем политическом диалоге играет межправительственная комиссия, курирующая вопросы содействия обеспечению широкого сотрудничества между Россией и Сингапуром в таких сферах, как торговля и инвестиции, информационные и коммуникационные технологии, транспорт, здравоохранение, образование, культура и т.д. **[16]** В ноябре 2015 г. на VI заседании комиссии были рассмотрены вопросы о создании российско-сингапурской зоны свободной торговли (ЗСТ) **[8]**.

Проблемами развития и активизации сотрудничества между деловыми кругами двух стран занимается созданный в 2009 г. по инициативе трех важнейших государственных экономических структур РФ – Минэкономразвития, Торгово-промышленной палаты и госкорпорации «Ростех», Российско-Сингапурский Деловой Совет (РСДС). Деятельность Совета направлена на увеличение высокотехнологичной продукции в российско-сингапурском товарообороте, в том числе путем привлечения инновационных компаний к совместным проектам **[7]**.

С российской стороны недавно в состав РСДС вошел ряд компаний, опыт которых может пригодиться в условиях арктических широт. Например, «МНИИПА Системотехника ОВД» занимается аэронавигацией и созданием телекоммуникационных систем, а «Пространственные системы информации» – инженерно-геодезическими работами с применением новейших технологий обработки геопространственных данных **[7]**.

На кулуарной встрече в рамках XXVII Саммита АСЕАН в Куала-Лумпуре в ноябре 2015 г. премьер-министр Сингапура Ли Сянь Лун и его российский коллега Дмитрий Медведев отметили расширение экономической деятельности российских компаний в Сингапуре и сингапурских в России и выразили обоюдное желание развивать дальнейшее сотрудничество, обсудив его направления в том числе на предстоящем Саммите Россия-АСЕАН, который состоится в Сочи в мае текущего года **[33]**.

Российский посол в Сингапуре Леонид Моисеев отметил, что отношения с Россией становятся все более и более привлекательным для Сингапура **[36]**, хотя главным фактором в двусторонней торговле все же остается энергетическая составляющая (львиную долю товарооборота (около 90%) составляет импорт из России нефти и газа) **[35]**. Сингапур превращается в выгодного партнера России, экспортируя морские нефтяные платформы и суда, работающие в Каспийском море, интересуясь разработкой арктических месторождений.

Но сингапурские инвестиции могут стать основой для развития не только российской Арктики, но и российского Дальнего Востока. Чиновники и бизнесмены Сингапура посещают восточные регионы России, изучая возможности возможного сотрудничества в нефтяных, аграрных секторах, изыскивая пути модернизации транспортной инфраструктуры **[36]**.

Среди дальневосточных городов особый интерес для сингапурских компаний представляет Владивосток, в том числе и как территория Свободного порта. В конце 2014 г. в Приморье насчитывалось 22 предприятия с сингапурскими инвестициями и аккредитованные представительства сингапурских компаний **[11]**. Обладая более развитой транспортно-инфраструктурной и логистической отраслями, Владивосток имеет хорошие шансы для вовлечения в международные транспортные артерии, в том числе и в трансарктические, поскольку город является одним из базовых пунктов СМП.

В целом Сингапур видит Россию ключевым партнером и выражает готовность участия в освоении российской части Арктики **[2]**. Среди направлений сотрудничества в арктическом регионе, прописанных в Стра-

тегии развития Арктической зоны РФ, где поощряется международное сотрудничество, инвестиции города-государства также были бы весьма приемлемы в следующих сферах: развитие систем навигации и экспедиционной деятельности, участие в глобальных и региональных технологических и исследовательских проектах **[10]**.

Маловероятным выглядит сценарий ограничения российско-сингапурского сотрудничества в Артике из-за возможных действий со стороны североамериканских партнеров тропической страны. Во-первых, оно только начинает развиваться, во-вторых, вопрос об актуализации судоходства через СМП остается для обеих сторон открытым и может стать поводом для разногласий, в-третьих, сотрудничество не несет прямой угрозы безопасности ни США, ни Канады. Гораздо более серьезным вызовом интересам США и Канады является усиление российско-китайского взаимодействия в арктических широтах **[12]**.

Заключение

Сингапур осознает необходимость участия в Арктике, которая в настоящее время становится индикатором международных процессов. Действия Сингапура направлены не только на активное вовлечение в освоение арктического пространства, но и на устранение рисков дальнейшего развития тропического государства.

Как участник, готовый сотрудничать по широкому кругу вопросов и, в то же время, не желающий идти на обострение отношений в арктическом регионе, Сингапур имеет хорошие шансы на укрепление своих позиций за полярным кругом. Его уникальная роль глобального хаба, сочетающая прагматизм в реализации внешнеполитических приоритетов и приверженность геоэкономической парадигме с необходимостью расширения международных связей и встраивания в новые международные структуры, позволяет ему претендовать на поддержку со стороны других акторов в решении проблем Арктики. Параллельно перед Сингапуром стоит задача формирования комплексной арктической стратегии, нацеленной на долгосрочную перспективу.

◆

Литература

1. Конышев Валерий, Сергунин Александр. С кем России придется иметь дело в Арктике?// Ориентир. 2014. № 4. С. 7–13.

2. Литвинцева Гелла. Индия и Сингапур помогут России в освоении Арктики [Электронный ресурс]. URL: http://провэд.рф/economics/logistics/18630-arktika_transtec.html (дата обращения: 18.11.2015 г.).

3. Магомедов Арбахан. Россия создаёт новые «морские ворота» в Арктике: реанимация Северного морского пути (СМП) и закладка нового порта [Электронный ресурс]. URL: http://glasru.ru/arbahan-magomedov-rossiya-sozdayot-novyie-morskie-vorota-v-arktike-reanimatsiya-severnogo-morskogo-puti-i-smp-i-zakladka-novogo-porta/ (дата обращения: 16.01.2016 г.).

4. Нуукская Декларация (1993 г.) // Арктический регион: проблемы международного сотрудничества. Хрестоматия в 3-х тт. Т.3. Рос. совет по межд. делам [под общ. ред. И. С. Иванова]. М.: Аспект-Пресс. 2013. 663 с.

5. От Великобритании до Сингапура: как мир делит шкуру «арктического» медведя// Regnum. Информационное агентство, 8.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://regnum.ru/news/polit/1854698.html (дата обращения: 26.07.2015 г.).

6. Полярный кодекс ИМО вступит в силу с 1 января 2017 года [Электронный ресурс]. URL: http://portnews.ru/news/189153/ (дата обращения: 25.12.2015 г.).

7. Российско-сингапурский Деловой Совет при ТПП РФ [Электронный ресурс]. URL: http://www.rsbc.today/ (дата обращения: 29.01.2015 г.).

8. Россия и Сингапур начинают консультации о создании ЗСТ [Электронный ресурс]. URL: http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015171109 (дата обращения: 31.01.2015 г.).

9. Слонов Роберт. Северный морской путь: временная заморозка [Электронный ресурс]. URL: http://chinalogist.ru/book/articles/analitika/severnyy-morskoy-put-vremennaya-zamorozka (дата обращения: 10.01.2016 г.).

10. Стратегия развития арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2020 года [Электронный ресурс]. URL: http://minec.gov-murman.ru/files/Strategy_azrf.pdf (дата обращения: 12.01.2016 г.).

11. Усольцев Василий. Сотрудничество Приморья и Республики Сингапур динамично развивается [Электронный ресурс]. URL: http://primamedia.ru/news/primorye/12.11.2014/400302/sotrudnichestvo-primorya-i-respubliki-singapur-dinamichno-razvivaetsya-vasiliy-us.html (дата обращения: 26.12.2015 г.).

12. Andreas Kuersten. Russian Sanctions, China, and the Arctic [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2015/01/russian-sanctions-china-and-the-arctic/ (дата обращения: 29.12.2015 г.).

13. Andrew Hamilton and Sheri Gagnon. Climate Change: Ellesmere Island Ice Shelves [Электронный ресурс]. URL: http://www.canadiangeographic.ca/magazine/oct08/feature_grisefiord_cc3.asp (дата обращения: 16.12.2015 г.).

14. Arctic Council Observer Manual for Subsidiary Bodies, as adopted by the Arctic Council at the 8th Arctic Council Ministerial Meeting. Kiruna, Sweden. May 15, 2013.

15. Asaf Shalev. Climate change, opportunities drive far-flung interest in Arctic [Электронный ресурс]. URL: http://www.adn.com/article/20150902/climate-change-opportunities-drive-far-flung-interest-arctic (дата обращения: 12.01.2016 г.).

16. Bilateral Collaborations between Singapore and Russia [Электронный ресурс]. URL: http://www.iesingapore.gov.sg/Venture-Overseas/Browse-By-Market/Europe/Russia/Bilateral-Collaborations (дата обращения: 14.01.2016 г.).

17. Conference on Global Leadership in the Arctic: Cooperation, Innovation, Engagement and Resilience (GLACIER) [Электронный ресурс] URL: http://climate-l.iisd.org/events/conference-on-global-leadership-in-the-arctic-cooperation-innovation-engagement-and-resilience-glacier/ (дата обращения: 19.12.2015 г.)

18. Florence Chong. Why Singapore is breaking ice in the Arctic… [Электронный ресурс]. URL: http://www.asiatoday.com.au/content/why-singapore-breaking-ice-arctic (дата обращения: 10.01.2016 г.).

19. Georgy Ivanov. Singapore: Oil, Gaz and the Arctic [Электронный ресурс]. URL: http://natocouncil.ca/singapore-oil-gas-and-the-arctic/ (дата обращения: 10.01.2016 г.).

20. Hong S.W. Commercial Transit through the Northern Sea Route. 2012, May 15th. 36 pp.// [Электронный ресурс]. URL: http://www.institutenorth.org/assets/images/uploads/articles/Hong_-_Arctic_Ambitions.pdf (дата обращения: 15.01.2016 г.).

21. Ian Storey. The Arctic Novice: Singapore and the High North//Asia Policy. 2014. N 18. Pp. 66–72.

22. Katherine Cima and Russell Sticklor. Japan, Korea, Singapore and the Arctic Sea Lanes [Электронный ресурс]. URL: http://thediplomat.com/2014/03/japan-korea-singapore-and-the-arctic-sea-lanes/ (дата обращения: 28.12.2015 г.).

23. Keppel Singmarine first Asian yard to build icebreakers [Электронный ресурс]. URL: http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/Keppel-Singmarine-first-Asian-yard-to-build-icebreakers.html (дата обращения: 16.01.2016 г.).

24. Kevin Lim, Christopher Cushing. Keppel Corp Q3 net profit rises 32 pct on property earnings// Reuters, 17.10.2014 [Электронный ресурс]. URL: http://www.reuters.com/article/keppel-results-idUSL3N0I725020131017?type=companyNews. (дата обращения: 12.01.2016 г.).

25. Klaus Dodds, Alan D. Hemings. Britain and the British Antarctic Territory in the wider geopolitics of the Antarctic and the Southern Ocean// International Affairs, 2013, N6 (89): 1429–1444.

26. Kong Lingyu. China, Others in Asia Showing More Interest in Arctic Region [Электронный ресурс]. URL: http://english.caixin.com/2015-02-05/100781752.html (дата обращения: 14.01.2016 г.).

27. Mia Bennet. In Singapore, they say, there are two seasons: summer outdoors and winter indoors [Электронный ресурс]. URL: http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2015/09/29/blog-singapore-and-the-arctic/ (дата обращения: 16.01.2016 г.).

28. Mia Bennett. Singapore steals the show at the Arctic Circle Arctic [Электронный ресурс]. URL: http://foreignpolicyblogs.com/2013/10/24/singapore-steals-the-show-at-the-arctic-circle/ (дата обращения: 09.01.2016 г.).

29. MFA Press Release: Remarks by Minister for Foreign Affairs K Shanmugam, Second Minister for Foreign Affairs Grace Fu, and Senior Minister of State for Foreign Affairs Masagos Zulkifli in Parliament during the Committee of Supply Debate on 5 March 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/media_centre/press_room/pr/2015/201503/press_20150305.html (дата обращения: 13.01.2016 г.).

30. MFA Press Release: Remarks by Minister of State in the Prime Minister's Office and Ministry Of Manpower Sam Tan Chin Siong at the dinner dialogue of the Arctic Circle Singapore Forum on "Advancing Global Cooperation in the Arctic", 12 November 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/media_centre/press_room/pr/2015/201511/Press_201511121.printable.html?status=1 (дата обращения: 11.01.2016 г.).

31. MFA Press Statement: Visit of Minister of State in The Prime Minister's Office and Ministry Of Culture, Community and Youth, Sam Tan to Norway, 18 to 22 January 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/media_centre/press_room/pr/2015/201501/press_201501200.html?status=1 (дата обращения: 12.01.2016 г.).

32. NASA: Токио и Флорида уйдут под воду в следующем столетии [Электронный ресурс]. URL: http://zn.ua/WORLD/nasa-tokio-i-florida-uydut-pod-vodu-v-sleduyuschem-stoletii–186809_.html (дата обращения: 26.12.2015 г.).

33. Olivia Siong. Singapore and Russia affirm growing relations. 23 Nov 2015 [Электронный ресурс]. URL: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/singapore-and-russia/2284264.html (дата обращения: 30.12.2015 г.).

34. Per Erik Solli, Elana Wilson Rowe & Wrenn Yennie Lindgren. Coming into the cold: Asia's Arctic Interests// Polar Geography, 2013 DOI: 10.1080/1088937X.2013.825345

35. Product Imports by Singapore from Russian Federation 2014// World Integrated Trade Solution Database [Электронный ресурс]. URL: http://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/SGP/Year/2014/TradeFlow/Import/Partner/RUS/Product/all-groups (дата обращения: 22.12.2015 г.).

36. Russia-Singapore trade at record high this year – diplomat [Электронный ресурс]. URL: http://tass.ru/en/economy/768869 (дата обращения: 16.01.2016 г.).

37. Russia and Singapore: mutual striving for greater understanding [Электронный ресурс]. URL: http://meridian103.com/issue–1/embassy/russia-and-singapore-striving-understanding/ (дата обращения: 15.01.2016 г.).

38. Singapore launches Arctic sea route forum [Электронный ресурс]. URL: http://fairplay.ihs.com/commerce/article/4256641/singapore-launches-arctic-circle-forum (дата обращения: 24.12.2015 г.).

39. Sinnathamby Rajaratnam. On Singapore: From Ideas To Reality. Edited by Kwa Chong Guan. Singapore, World Scientific Pub Co Inc, 2006. 281 p.

40. Stewart Watters, Aki Tonami. Singapore: the Arctic Newcomer// The Circle. 2013. N 1. Pp.13–15.
41. Zelda Soriano. The Southeast Asian monsoon, the Arctic and Singapore [Электронный ресурс]. URL: http://www.greenpeace.org/seasia/ph/News/greenpeace-philippine-blog/the-southeast-asian-monsoon-the-arctic-and-si/blog/46104/ (дата обращения: 27.12.2015 г.).

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Konyshev Valerij, Sergunin Aleksandr. S kem Rossii pridetsya imet' delo v Arktike?// Orientir. 2014. № 4. C. 7–13.
2. Litvintseva Gella. Indiya i Singapur pomogut Rossii v osvoenii Arktiki [EHlektronnyj resurs]. URL: http://provehd.rf/economics/logistics/18630-arktika_transtec.html (data obrashheniya: 18.11.2015 g.).
3. Magomedov Arbakhan. Rossiya sozdayot novye «morskie vorota» v Arktike: reanimatsiya Severnogo morskogo puti (SMP) i zakladka novogo porta [EHlektronnyj resurs]. URL: http://glasru.ru/arbahan-magomedov-rossiya-sozdayot-novyie-morskie-vorota-v-arktike-reanimatsiya-severnogo-morskogo-puti-i-smp-i-zakladka-novogo-porta/ (data obrashheniya: 16.01.2016 g.).
4. Nuukskaya Deklaratsiya (1993 g.) // Arkticheskij region: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva. KHrestomatiya v 3-kh tt. T.3. Ros. sovet po mezhd. delam [pod obshh. red. I. S. Ivanova]. M.: Aspekt-Press. 2013. 663 s.
5. Ot Velikobritanii do Singapura: kak mir delit shkuru «arkticheskogo» medvedya// Regnum. Informatsionnoe agentstvo, 8.10.2014 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://regnum.ru/news/polit/1854698.html (data obrashheniya: 26.07.2015 g.).
6. Polyarnyj kodeks IMO vstupit v silu s 1 yanvarya 2017 goda [EHlektronnyj resurs]. URL: http://portnews.ru/news/189153/ (data obrashheniya: 25.12.2015 g.).
7. Rossijsko-singapurskij Delovoj Sovet pri TPP RF [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rsbc.today/ (data obrashheniya: 29.01.2015 g.).
8. Rossiya i Singapur nachinayut konsul'tatsii o sozdanii ZST [EHlektronnyj resurs]. URL: http://economy.gov.ru/minec/press/news/2015171109 (data obrashheniya: 31.01.2015 g.).
9. Slonov Robert. Severnyj morskoj put': vremennaya zamorozka [EHlektronnyj resurs]. URL: http://chinalogist.ru/book/articles/analitika/severnyy-morskoy-put-vremennaya-zamorozka (data obrashheniya: 10.01.2016 g.).
10. Strategiya razvitiya arkticheskoj zony Rossijskoj Federatsii i obespecheniya natsional'noj bezopasnosti na period do 2020 goda [EHlektronnyj resurs]. URL: http://minec.gov-murman.ru/files/Strategy_azrf.pdf (data obrashheniya: 12.01.2016 g.).
11. Usol'tsev Vasilij. Sotrudnichestvo Primor'ya i Respubliki Singapur dinamichno razvivaetsya [EHlektronnyj resurs]. URL: http://primamedia.ru/news/primorye/12.11.2014/400302/sotrudnichestvo-primorya-i-respubliki-singapur-dinamichno-razvivaetsya-vasiliy-us.html (data obrashheniya: 26.12.2015 g.).
12. Andreas Kuersten. Russian Sanctions, China, and the Arctic [EHlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2015/01/russian-sanctions-china-and-the-arctic/ (data obrashheniya: 29.12.2015 g.).
13. Andrew Hamilton and Sheri Gagnon. Climate Change: Ellesmere Island Ice Shelves [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.canadiangeographic.ca/magazine/oct08/feature_grisefiord_cc3.asp (data obrashheniya: 16.12.2015 g.).
14. Arctic Council Observer Manual for Subsidiary Bodies, as adopted by the Arctic Council at the 8th Arctic Council Ministerial Meeting. Kiruna, Sweden. May 15, 2013.
15. Asaf Shalev. Slimate change, opportunities drive far-flung interest in Arctic [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.adn.com/article/20150902/climate-change-opportunities-drive-far-flung-interest-arctic (data obrashheniya: 12.01.2016 g.).

16. Bilateral Collaborations between Singapore and Russia [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.iesingapore.gov.sg/Venture-Overseas/Browse-By-Market/Europe/Russia/Bilateral-Collaborations (data obrashheniya: 14.01.2016 g.).

17. Conference on Global Leadership in the Arctic: Cooperation, Innovation, Engagement and Resilience (GLACIER) [EHlektronnyj resurs] URL: http://climate-l.iisd.org/events/conference-on-global-leadership-in-the-arctic-cooperation-innovation-engagement-and-resilience-glacier/ (data obrashheniya: 19.12.2015 g.)

18. Florence Chong. Why Singapore is breaking ice in the Arctic… [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.asiatoday.com.au/content/why-singapore-breaking-ice-arctic (data obrashheniya: 10.01.2016 g.).

19. Georgy Ivanov. Singapore: Oil, Gaz and the Arctic [EHlektronnyj resurs]. URL: http://natocouncil.ca/singapore-oil-gas-and-the-arctic/ (data obrashheniya: 10.01.2016 g.).

20. Hong S.W. Commercial Transit through the Northern Sea Route. 2012, May 15th. 36 pp.// [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.institutenorth.org/assets/images/uploads/articles/Hong_-_Arctic_Ambitions.pdf (data obrashheniya: 15.01.2016 g.).

21. Ian Storey. The Arctic Novice: Singapore and the High North//Asia Policy. 2014. N 18. Pp. 66–72.

22. Katherine Cima and Russell Sticklor. Japan, Korea, Singapore and the Arctic Sea Lanes [EHlektronnyj resurs]. URL: http://thediplomat.com/2014/03/japan-korea-singapore-and-the-arctic-sea-lanes/ (data obrashheniya: 28.12.2015 g.).

23. Keppel Singmarine first Asian yard to build icebreakers [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.seatrade-maritime.com/news/asia/Keppel-Singmarine-first-Asian-yard-to-build-icebreakers.html (data obrashheniya: 16.01.2016 g.).

24. Kevin Lim, Christopher Cushing. Keppel Corp Q3 net profit rises 32 pct on property earnings// Reuters, 17.10.2014 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.reuters.com/article/keppel-results-idUSL3N0I725020131017?type=companyNews. (data obrashheniya: 12.01.2016 g.).

25. Klaus Dodds, Alan D. Hemings. Britain and the British Antarctic Territory in the wider geopolitics of the Antarctic and the Southern Ocean// International Affairs, 2013, N6 (89): 1429–1444.

26. Kong Lingyu. China, Others in Asia Showing More Interest in Arctic Region [EHlektronnyj resurs]. URL: http://english.caixin.com/2015-02-05/100781752.html (data obrashheniya: 14.01.2016 g.).

27. Mia Bennet. In Singapore, they say, there are two seasons: summer outdoors and winter indoors [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.rcinet.ca/eye-on-the-arctic/2015/09/29/blog-singapore-and-the-arctic/ (data obrashheniya: 16.01.2016 g.).

28. Mia Bennett. Singapore steals the show at the Arctic Circle Arctic [EHlektronnyj resurs]. URL: http://foreignpolicyblogs.com/2013/10/24/singapore-steals-the-show-at-the-arctic-circle/ (data obrashheniya: 09.01.2016 g.).

29. MFA Press Release: Remarks by Minister for Foreign Affairs K Shanmugam, Second Minister for Foreign Affairs Grace Fu, and Senior Minister of State for Foreign Affairs Masagos Zulkifli in Parliament during the Committee of Supply Debate on 5 March 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/media_centre/press_room/pr/2015/201503/press_20150305.html (data obrashheniya: 13.01.2016 g.).

30. MFA Press Release: Remarks by Minister of State in the Prime Minister's Office and Ministry Of Manpower Sam Tan Chin Siong at the dinner dialogue of the Arctic Circle Singapore Forum on "Advancing Global Cooperation in the Arctic", 12 November 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/media_centre/press_room/pr/2015/201511/Press_201511121.printable.html?status=1 (data obrashheniya: 11.01.2016 g.).

31. MFA Press Statement: Visit of Minister of State in The Prime Minister's Office and Ministry Of Culture, Community and Youth, Sam Tan to Norway, 18 to 22 January 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.mfa.gov.sg/content/mfa/

media_centre/press_room/pr/2015/201501/press_201501200.html?status=1 (data obrashheniya: 12.01.2016 g.).

32. NASA: Tokio i Florida ujdut pod vodu v sleduyushhem stoletii [EHlektronnyj resurs]. URL: http://zn.ua/WORLD/nasa-tokio-i-florida-uydut-pod-vodu-v-sleduyuschem-stoletii–186809_.html (data obrashheniya: 26.12.2015 g.).

33. Olivia Siong. Singapore and Russia affirm growing relations. 23 Nov 2015 [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.channelnewsasia.com/news/singapore/singapore-and-russia/2284264.html (data obrashheniya: 30.12.2015 g.).

34. Per Erik Solli, Elana Wilson Rowe & Wrenn Yennie Lindgren. Coming into the cold: Asia's Arctic Interests// Polar Geography, 2013 DOI: 10.1080/1088937X.2013.825345

35. Product Imports by Singapore from Russian Federation 2014// World Integrated Trade Solution Database [EHlektronnyj resurs]. URL: http://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/SGP/Year/2014/TradeFlow/Import/Partner/RUS/Product/all-groups (data obrashheniya: 22.12.2015 g.).

36. Russia-Singapore trade at record high this year – diplomat [EHlektronnyj resurs]. URL: http://tass.ru/en/economy/768869 (data obrashheniya: 16.01.2016 g.).

37. Russia and Singapore: mutual striving for greater understanding [EHlektronnyj resurs]. URL: http://meridian103.com/issue–1/embassy/russia-and-singapore-striving-understanding/ (data obrashheniya: 15.01.2016 g.).

38. Singapore launches Arctic sea route forum [EHlektronnyj resurs]. URL: http://fairplay.ihs.com/commerce/article/4256641/singapore-launches-arctic-circle-forum (data obrashheniya: 24.12.2015 g.).

39. Sinnathamby Rajaratnam. On Singapore: From Ideas To Reality. Edited by Kwa Chong Guan. Singapore, World Scientific Pub Co Inc, 2006. 281 p.

40. Stewart Watters, Aki Tonami. Singapore: the Arctic Newcomer// The Circle. 2013. N 1. Pp.13–15.

41. Zelda Soriano. The Southeast Asian monsoon, the Arctic and Singapore [EHlektronnyj resurs]. URL: http://www.greenpeace.org/seasia/ph/News/greenpeace-philippine-blog/the-southeast-asian-monsoon-the-arctic-and-si/blog/46104/ (data obrashheniya: 27.12.2015 g.).

УДК 930:355/359.07

Авилов Р.С.
Avilov R.S.

«Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей

The «test mobilizations» of troops in Priamurskiy Military District in 1896 as a way to appreciate the mobilization readiness of military forces

В данной статье, на материалах военно-окружного делопроизводства Приамурского военного округа, исследуются проблемы мобилизационной готовности войск округа в период между Японо-китайской войной 1894–1895 гг. и Китайским походом 1900–1901 гг. Одним из важнейших способов проверки мобилизационной готовности войск в русской армии были так называемые «поверочные», т.е. пробные мобилизации отдельных частей и соединений. В статье исследуется одна из первых таких мобилизаций, проведённых в Приамурском военном округе, её причины и результаты.

Ключевые слова: *Приамурский военный округ, Дальний Восток России, русская армия, пробные мобилизации, Японо-китайская война 1894–1895 гг.*

◆

This paper examines the problems of mobilization readiness of the troops of Priamurskiy Military District in the period between the Sino-Japanese War of 1894–1895 and the China campaign of 1900–1901, in a source of the military district's military routine correspondence. In Russian Army one of the most important way to control the troop's mobilization readiness were the so-called «test mobilizations» of several troops or divisions. In this article investigates one of the first of such mobilizations, which took place in Priamurskiy Military District, its occasions and results.

Key words: *Priamurskiy Military District, Russian Far East, Russian Army, test mobilizations, Sino-Japan War 1894–1895.*

Во 2-й половине XIX – начале XX в. Дальний Восток постоянно был регионом со стремительно меняющейся внешнеполитической, а отчасти и военно-стратегической ситуацией. Японо-китайская война 1894–1895 гг.[1] стала рубежом, с которого начался новый этап развития сухопутных сил России на Дальнем Востоке **[2, с. 311–312, 315–316]**, поскольку на этот раз военно-политическая ситуация в регионе изменилась не только резко, но и кардинально. «Японско-китайская война доказала слабость Китая и в то же время определила серьёзное военное значение на Дальнем Востоке Японии. Россия вместе с другими державами вынудила Японию покинуть завоёванный ею Квантунский

АВИЛОВ Роман Сергеевич, к.и.н, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*. **E-mail:** avilov-1987@mail.ru

[1] Все даты даны по юлианскому календарю, т.е. по старому стилю. В отдельных случаях в скобках также указана дата по григорианскому календарю, т.е. по новому стилю.

полуостров с Порт-Артуром. Это создавало первый и решительный шаг к тому, чтобы на Дальнем Востоке поставить Японию в ряды наших врагов», – писал позднее А.Н. Куропаткин **[9, с. 148]**. Теперь основную опасность для побережья Приморской области стала представлять именно Япония, которая после реставрации Мейдзи сильно окрепла в военном и политическом плане и постепенно начала теснить Британскую империю и США на Тихом океане. Появилась и реальная возможность вторжения войск этой страны в Россию через территорию слабеющего Китая, где к тому же всё чаще стали наблюдаться различные националистически окрашенные народные движения, также небезопасные для России. **(ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 9 об.–11, 20 об.–21 об.) [3, с. 149–158]**.

Российское правительство вынуждено было учитывать изменение стратегической обстановки в регионе. Начиная с 1895 г. активнее стали проводиться мероприятия, направленные на общее усиление Приамурского военного округа, к числу которых можно отнести и «поверочные», т.е. пробные мобилизации войск округа. Они представляли собой мобилизацию отдельных воинских частей с целью проверить как подготовительные к мобилизации работы, так и общую степень готовности части к выступлению в поход **[16, с. 255]**. В настоящее время для наименования комплекса сходных по задачам мероприятий используется термин «неплановая проверка состояния войск».

Особое внимание при такой проверке обращали на состояние всех необходимых документов, наиболее важными из которых были местные мобилизационные росписания. Именно они клались в основу мобилизационных планов, составляемых в войсках, управлениях и учреждениях и содержащих подробный порядок всех мобилизационных работ и распределение их во времени. Эти планы составлялись на основе особых наставлений **[10]**, включали в себя мобилизационную записку и мобилизационный дневник. Последний имел «чрезвычайно важное значение, потому что даёт во времени перечень работ каждому лицу, принимающему участие в работах по мобилизации». Именно этот документ, в случае его качественного составления, позволял, по получении приказа о мобилизации, всем действовать по плану самостоятельно и быстро, не «испрашивая дополнительных указаний», разъяснений, не перегружая этим телеграфные линии и не тормозя весь мобилизационный процесс.

На начальствующих лиц была возложена обязанность при каждом удобном случае проверять, в том числе на практике, достаточно ли твёрдо и «сознательно» усвоены их подчинёнными мобилизационные обязанности, находятся ли в полной готовности и исправности неприкосновенные запасы **[5, с. 353; 7, с. 369]**.

В Приамурском военном округе, с момента его создания в 1884 г. проверка всего этого обычно происходила во время инспектирования частей войск Командующим войсками округа или каким-либо специально командированным офицером **[1, Ч. I. с. 65–84]**. Никаких поверочных мобилизаций в округе до 90-е гг. XIX в. не знали. Любопытно, что некоторые служившие на Дальнем Востоке офицеры Генерального штаба объясняли их внезапное появление заимствованием опыта Киевского военного округа, где их активно практиковал Командующий войсками, генерал М.И. Драгомиров **[4, № № 68–69, с. 31–32]**.

На самом деле, они являлись прямым следствием именно Японо-китайской войны 1894–1895 гг., показавшей, что у России появился в регионе новый могущественный соперник **[15, с. 83]**, а также вмешательства России в ход завершавших войну Симоносекских мирных переговоров с целью лишить Японию значительной части территориальных приобретений **[8, с. 127–128; 14, с. 4; 18, с. 45–47; 20, с. 286; 21, с. 79–85]** (в том числе Ляодунского полуострова с Порт-Артуром, который японская

армия в ту кампанию первый раз взяла штурмом **[20, с. 197–222]**) **(ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 190. Л. 10–10 об.)**, и мобилизации войск Приамурского военного округа весной 1895 г., которая наглядно демонстрировала серьёзность этих требований к Японии **[3, с. 150–157; 6, с. 246–248; 14, с. 171–176]**.

В целом, в период 1895–1900 гг., т.е. между мобилизацией 1895 г., вызванной угрозой войны с Японией, и мобилизацией 1900 г., вызванной последствиями набиравшего силу восстания ихэтуаней, подобных «поверочных» мобилизаций отдельных частей округа было проведено не менее двух: в 1896 г. **[13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]** и 1899 г. **[11, Приказание № 29 от 10 февраля 1900 г.]**.

В данной статье будет рассмотрена «поверочная» мобилизация 1896 г., представляющая интерес по двум причинам. Во-первых, она была проведена через год после реальной мобилизации войск Приамурского военного округа весной 1895 г., и, соответственно отчётные документы об её итогах позволяют увидеть, насколько возросла мобилизационная готовность войск за прошедший год и удалось ли ликвидировать выявленные в 1895 г. недоработки. Во-вторых, это вообще первая из такого рода мобилизаций, сведения о которых удалось обнаружить к настоящему времени.

Осуществлялась пробная мобилизация 1896 г. не единовременно во всех военных частях округа как реальная, а в виде нескольких независимых мероприятий, проведённых в апреле и июне 1896 г. в отдельных частях округа или группе частей, в случае нахождения их в непосредственной близости друг от друга в пределах одного населённого пункта **[13, Свод главнейших замечаний из отчётов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г.** *(Далее –* **«Свод…»*) // Приложен к Приказу № 368 от 31 октября 1896 г.]***.

Список подлежащих такого рода проверке частей утверждался лично Командующим войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенантом С.М. Духовским. Проверяли части, соединения и учреждения, расположенные в крупнейших и важнейших со стратегической точки зрения пунктах округа, а именно, в г. Хабаровск: 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон и Хабаровского местного воинского начальника; г. Благовещенск: 2-й Восточно-Сибирский линейный батальон; с. Никольское: 3-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон, 1-ю мортирную батарею (с горной полубатареей) 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады; в урочище Новокиевское: 10-й Восточно-Сибирский стрелковый батальон. Также были проверены № 1-й и № 2-й Южно-Уссурийские полевые подвижные госпитали, однако данные об их состоянии пока не обнаружены **[13, «Свод…», Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]**.

Готовились к этой «поверочной» мобилизации, как первому мероприятию такого рода в Приамурском военном округе, очень тщательно. В начале 1896 г. Окружным штабом было издано специальное «Наставление для производства поверочной мобилизации в частях войск, управлениях и заведениях Приамурского Военного Округа», чётко регламентировавшее весь порядок проведения мобилизации. На основании него, в каждой части была создана особая наблюдательная комиссия для наблюдения за ходом мобилизационных работ. В их задачу входило представить Командующему войсками округа и в Окружной штаб подробные донесения как о ходе работ, «так и о своих при этом заключениях» **[13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]** Иными словами, именно они должны были сделать первичный вывод о боеготовности мобилизованных частей, проанализировать выявленные недостатки и указать способы их устранения.

В бюрократическом плане первый блин оказался немного комом, поскольку, когда результаты работы этих комиссий легли на стол генерал-лейтенанту С.М. Духовскому, он обнаружил, что «они составлены по крайне разнообразной форме, а главное – не в требуемой полноте, что чрезвычайно затрудняет общую их сводку и сравнение результатов, достигнутых разными частями войск» **[13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]**. И это при том, что в работе как минимум одной из комиссий принимал участие лично Н.И. Гродеков, временно исполнявший тогда должность Командующего войсками Приамурского военного округа (С.М. Духовской отсутствовал в округе почти год; он выехал из Хабаровска в Санкт-Петербург ещё 17 сентября 1895 г. и вернулся обратно только 31 июля 1896 г.) **[4, № № 59–60, с. 31; 12, Приказ № 210 от 15 сентября 1895 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336. Л. 180; 13, Приказ № 277 от 4 августа 1896 г.]**. В конце октября 1896 г., когда все материалы уже поступили в Окружной штаб, а значит и легли на стол С.М. Духовскому, ему пришлось самому объяснять, что отчёты эти не должны быть подробными перечнями того, что исполнено во время пробной мобилизации, а должны содержать сведения обо всех замеченных упущениях и недостатках, а также о том, что было сделано для их устранения или что, по мнению комиссии, для этого нужно сделать.

В этой связи он распорядился «впредь отчёты о пробных мобилизациях составлять по системе, принятой в «Наставлении для мобилизации частей действующей и резервной пехоты», изд. 1888 г. **[10]** и соответствующих «Наставлений» для прочих родов оружия, т.е. разделять отчёты на те же отделы и §§, которые значатся в «Наставлениях», излагая во всех подробностях замеченные недостатки и свои по ним заключения, и пропуская те отделы и §§, по которым упущений и недостатков не замечено» **[13, Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]**. В дальнейшем, при проведении поверочных мобилизаций в округе использовался именно такой порядок составления отчётной документации, и нареканий со стороны Командующих войсками на работу комиссий более не было.

Не обошлось без некоторых накладок и у принимавших участие в работе комиссий офицеров, в том числе – Генерального штаба. Особенно тяжело пришлось новичкам, мало знакомым с весьма специфическими условиями службы на далёкой окраине. Один из таких комичных случаев описал в своих воспоминаниях барон Алексей Павлович фон-Будберг. Будущий многолетний начальник штаба Владивостокской крепости, герой Первой мировой войны и активный участник войны Гражданской был тогда молодым 27-летним Генерального штаба штабс-капитаном, только что прибывшим на Дальний Восток и назначенным в строевое отделение Окружного штаба Приамурского военного округа, ведавшее всеми вопросами по обучению войск и подготовке их к войне **[1, ч. II, с. 309–310; 4, № № 59–60, с. 28–33]**.

«Первый мой полевой выезд – вспоминал А.П. Будберг уже в начале 1930-х гг. – был на смотр поверочной мобилизации 10 Восточно-Сибирского батальона [автора немного подвела память, поскольку батальон этот хотя и проверялся в ходе мобилизации, но стоял в урочище Новокиевском, а так как речь идёт о части, дислоцировавшейся в Хабаровске, то имеется ввиду 3-й Восточно-Сибирский линейный батальон. – Р.А.]; я был назначен ординарцем к вр. командовавшему войсками Округа генералу Гродекову, для записи делаемых им замечаний и указаний; своей лошади у меня не было и пришлось просить командира стоявшей в Хабаровске батареи дать мне на время смотра верховую лошадь; моя просьба была выполнена, но мне дали какого-то дикого буцефала, который всё время пытался цапнуть зубами за Гродековские лампасы, что ставило меня в отчаянное положение: надо было ехать рядом с началь-

ством, слушать и записывать его замечания и в тоже время следить, чтобы мой конь не отхватил куска ноги Его Превосходительства. Несмотря на 150 мороза я вернулся домой совершенно мокрым и с онемевшими от напряжения руками; при первой встрече с командиром батареи, угостившим меня таким конём, я поблагодарил его за доставленное мне удовольствие, на что получил ответ, что мне дали лучшую в батарее лошадь, знаменитую тем, что она сама умела отыскивать в тайге дорогу домой, куда бы её не завели; из этого я понял, что в оценке лошадей каждый монастырь имел свой устав» **[4, № № 59–60, с. 31]**.

Описанный выше смотр 3-го Восточно-Сибирского линейного батальона проходил в г. Хабаровск 1–4 апреля и выявил картину достаточно удручающую. Работы по мобилизации в батальоне не были распределены между должностными лицами. В результате, должного порядка в мобилизационных документах не было: при мобилизационной записке отсутствовали именные списки, а мобилизационного дневника в части вообще не оказалось. Не были составлены описи вещей по категориям. Конюхи и обозные чины оказались крайне малоопытными в пригонке амуниции и запряжке лошадей, что навело проверяющую комиссию на мысль о необходимости иметь в части «хоть несколько подготовленных к этому людей». Вывод был неутешителен: «В общем недочёты подготовительных работ заставив уже во время самой мобилизации исполнять то, что должно было быть сделано до нея, – придали самому исполнению мобилизации характер спешности и суетливости» **[13, «Свод…»]**. Зато в Управлении Хабаровского местного воинского начальника был порядок – все положенные книги имелись на лицо и велись правильно.

Далее, 4–10 апреля, на примере 2-го Восточно-Сибирского линейного батальона была проверенна мобилизационная готовность частей гарнизона г. Благовещенска в Амурской области. Здесь основные проблемы оказались с организацией обоза, укладка которого оставляла желать «весьма многого». Начальники отделений обоза не твёрдо знали, что везётся в повозках их отделений. Не было в батальоне уделено должного внимания и заблаговременной подготовке личного персонала обоза. «В обозе каждое отделение, каждая повозка должны иметь своего ответственного хозяина; подготовить их надо раньше, – и кому чем придётся ведать в военное время, того тому и учить в мирное», – констатировала поверочная комиссия, явно намекая на известную максиму из суворовской «Науки побеждать» **[13, «Свод…»]**.

Почти параллельно происходил осмотр частей в с. Никольское Приморской области. С 4 по 8 апреля комиссия оценила мобилизационную готовность 3-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона **[13, «Свод…»]**, входившего в состав 1-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6.)**. В этом батальоне мобилизационные документы тоже оказались весьма далёкими от идеала. Когда комиссия обнаружила, что в именных списках, приложенных к мобилизационной записке, попадаются фамилии лиц, давно выбывших из батальона, она вполне справедливо заключила, что «полезнее для дела было бы иметь уже совсем чистые бланки, чем такие несоответствующие действительности списки» **[13, «Свод…»]**. Впрочем, и то и другое было нарушением соответствующих нормативно-правовых документов. Здесь же наглядно проявились и другие особенности дальневосточных войск, которые, по меткому выражению того же А.П. Будберга, «представляли собой в сущности военно-поселённые рабочие команды, с чрезвычайно своеобразным укладом всего своего быта, занятого преимущественно всевозможными работами по удовлетворению насущных хозяйственных потребностей – рубки и сплава дров, заготовки овощей и сена, ловли рыбы, выделки кирпича и других строительных материалов, шитья одежды и

сапог, выделки мебели и пр. и пр. с самым сильным, конечно, уклоном в сторону накопления хозяйственных сумм и личной пользы командного и хозяйственного персонала, жившего порядками, напоминавшими помещичью жизнь времён крепостного права.

Настоящей войсковой службы и правильных занятий почти не было и в помине, ибо весь уклад определялся исключительно хозяйственными потребностями, неудовлетворение которых грозило оставить части без топлива, без овощей, без рыбы; единственной регулярной службой офицеров были однообразные и монотонные и с грехом пополам отбываемые караульные наряды и дежурства» **[4, № 58, с. 14–15]**.

В данном же случае поверочная комиссия отметила, что в мобилизационные соображения батальона не были внесены крупные «домашние» расходы людей в кедровник и на железнодорожные работы **[13, «Свод…»]**. Разумеется, официально учесть отправку людей «в кедровник», явно находившийся на значительном удалении от с. Никольское, было нельзя, однако иметь это ввиду – безусловно, необходимо. В то же время строительством Уссурийской железной дороги войска занимались вполне официально, и этот расход в документах уже точно должен был отмечаться.

Не лишённым недостатков оказалось и делопроизводство по интендантской части, по поводу чего комиссия признала, что при плане мобилизации полезно иметь копии отправляемых требований на разные виды довольствия, «без чего трудно поверить, какие именно вещи и деньги ожидаются к отпуску от Интендантства».

Ознакомление с мобилизационной готовностью артиллерийских частей показало те же недостатки. В горной полубатарее[1] при 1-й мортирной батарее 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады мобилизационный план составлял часть плана 1-й мортирной батареи. В результате, новый пришлось составлять во время самой мобилизации, что было грубейшим нарушением и отразилось на полноте и качестве плана. С практической частью тоже не всё прошло гладко. Так, имела место задержка в пригонке сбруи для полубатареи. Увиденное навело комиссию на мысль о том, что «для ускорения пригонки полезно одновременно с приёмом лошадей и составлением описей производить обмеры [их] роста и шей».

Саму 1-ю мортирную батарею 1-й Восточно-Сибирской артиллерийской бригады, дислоцировавшуюся в том же с. Никольское, мобилизовывали 17–20 июня. Здесь офицеры заранее «путём практики ознакомлены с укладкой орудий и обоза, но сама укладка, видимо, на практике мало подвергалась испытанию перевозкой; иначе предметы одной категории не оказались бы без нужды разбросанными по разным повозкам и не укладывались рядом такие предметы, которые при перевозке неминуемо попортили бы друг друга» **[13, «Свод…»]**.

Пожалуй, наиболее полное представление о типичных ошибках воинских частей Приамурского военного округа при мобилизации дал опыт 10-го Восточно-Сибирского стрелкового батальона, входившего в состав 2-й Восточно-Сибирской стрелковой бригады и дислоцировавшегося в урочище Новокиевское (современный пос. Краскино Приморского края) **(РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 206. Л. 6)**. Проведённая с 12 по 15 июня пробная мобилизация этого батальона показала практически все недостатки, выявленные до этого в мобилизационной готовности других частей. Мобилизационная записка в нём была составлена хотя и обстоятельно, но несколько кратко, – иногда в ущерб ясности. Был слабо разра-

[1] Высочайше утверждённым 27 февраля 1896 г. положением Военного Совета эта горная полубатарея была переформирована в 5-ю горную батарею (пешую) этой же бригады.

ботан отдел о вьючном обозе, не приведены соображения по снабжению прибывающих из запаса людей готовыми вещами, а именные списки вообще не были составлены. Имущество батальона не было разделено по категориям. Описи имуществу, остающемуся в месте постоянной дислокации при выступлении части в поход, тоже составлено не было.

Когда комиссия осмотрела нижних чинов батальона, приготовившихся к выступлению в поход, то оказалось, что укладка ранцев разнообразна, «взято много к походу ненужного: лишние рубахи, тёплые вещи (несмотря на июль месяц), книжки сберегательной кассы, взята вакса, а сала для смазки сапог не взято. Вообще в отношении укладки ранцев видно мало внимания со стороны ротных командиров». Сапоги у некоторых нижних чинов оказались совсем не годные, – недосмотр для пехоты непростительный.

Особое недовольство комиссии вызвало именно наличие у солдат при себе сберегательных книжек. «Необходимо объяснить нижним чинам, что для их же пользы следует при мобилизации книжки сберегательных касс сдавать установленным порядком командиру запасной роты, где они будут сохраннее и не пропадут для семьи в случае смерти» **[13, «Свод…»]**.

На основании полученных от поверочных комиссий данных в Окружном штабе, начальником которого был генерал-майор К.Н. Грибский, составили «Свод главнейших замечаний из отчётов комиссий, наблюдавших за производством поверочных мобилизаций в 1896 г.», который, вместе со всеми остальными документами, и лёг на стол уже вернувшемуся в округ Командующему войсками генерал-лейтенанту С.М. Духовскому. В дальнейшем он был отпечатан в типографии Окружного штаба и доведён до сведения войск в качестве приложения к секретному Приказу войскам Приамурского военного округа № 368, отданному С.М. Духовским 31 октября того же года **[13, «Свод…», Приказ № 368 от 31 октября 1896 г.]**.

Командующий войсками округа предписал принять его к сведению на будущее время и предложил обратить особое внимание на выработку самого тщательного и целесообразного способа укладки повозок обоза в отношении сбережения вещей и удобства пользования ими, при всякой возможности проверяя и совершенствуя уже выработанные способы.

«Общие результаты поверочных мобилизаций убеждают меня, – писал С.М. Духовской, – что в общем работа по подготовке частей к походу идёт правильно, добросовестно и успешно. Уверен, что замеченные недостатки ныне уже исправлены и что путём дружной работы, тщательного составления и своевременного освежения мобилизационных планов, путём фактической поверки всех мобилизационных расчётов, мобилизационная подготовка будет доведена до безукоризненного состояния» **[13, Приказ № 368, от 31 октября 1896 г.]**.

К сожалению, многие из замеченных недостатков были следствием того самого преимущественно хозяйственного отношения к войскам, о котором писал не только А.П. Будберг, но и почти все очевидцы, включая иностранцев **[19, с. 156–158]**. При хроническом недостатке гражданского населения, та огромная роль, которую играли войска в освоении и развитии российского Дальнего Востока, долгие годы сказывалась на их выучке, боевой подготовке, а главное – мобилизационной готовности, самым неблагоприятным образом. Переломить эту ситуацию за один год было невозможно при всём желании.

Именно поэтому, несмотря на то, что на исправление всех этих недостатков было обращено самое серьёзное внимание, и мобилизационная готовность войск Приамурского военного округа после 1895 г. постоянно повышалась, многие из них продолжали периодически всплывать и в

дальнейшем. Например, при поверке зимой 1899 г. 8-ми часовой пробной мобилизации в 6-м и 7-м Восточно-Сибирских стрелковых полках дислоцировавшихся в урочище Новокиевское. Мобилизационная готовность 6-го полка оказалась достаточно высокой, но обоз его не был смазан, при некоторых двуколках не было сальниц, инструмент для откупориванья жестяных коробок с патронами был лишь в одной патронной двуколке, а реальная укладка офицерского обоза не сходилась с ведомостями. В мобилизационный дневник полка не были внесены изменения, вызванные выводом поста из Красносельской заставы, а из полковой канцелярии не были препровождены в роты списки нижних чинов, не идущих в поход по разным причинам.

Замечаний к 7-му Восточно-Сибирскому стрелковом полку было значительно больше, но среди выявленных недостатков оказалось много вполне типичных для дальневосточных частей: делопроизводство, обоз, обувь и т.д. Например, обоз не был смазан, а большинство двуколок не имели ни тормозов, ни приспособлений для припряжки второй лошади. Артельных двуколок оказалось только 7, т.е. при таком количестве две роты должны были быть распределены на довольствие между остальными.

Продовольственные двуколки были уложены без всякого порядка и без соблюдения условий хранения как самого груза, так и двуколки. Сам, груз был разложен, не принимая в расчёт тактического деления полка, а однородный груз не распределён по двуколкам между ротами. Так, сахар на весь полк лежал в одной двуколке. Сапоги у большинства нижних чинов полка были сильно поношенные, с заплатами, а вместо второй пары сапог были всем выданы бродни.

Не лучше обстояло дело и с документами, ибо ведомость вещам, которые надо взять в поход, не соответствовала действительности. Не было ведомости остающегося имущества нестроевой роты, да и необходимая при мобилизации передача описей разного рода имущества тоже не была исполнена. В мобилизационном дневнике полка в обязанности заведующего хозяйством напрасно включили распоряжения, делаемые им по уходе полка, но зато в него не было внесено число людей, выступивших в поход. Более того, в полку не было даже приказа о мобилизации **[11, Замечания Командующего войсками Приамурского военного округа, сделанные во время производства пробной мобилизации, зимою 1899 года. // Приложены к Приказанию № 29 от 10 февраля 1900 г.]**

Таким образом, поверочные мобилизации оказались достаточно эффективным способом проверки и оценки мобилизационной готовности войск, позволяющим своевременно выявить большую часть недоработок в этой сфере и частично их устранить. В результате, даже имевшиеся недостатки не помешали войскам Приамурского военного округа успешно отмобилизоваться в 1900 г., 1904 г. и 1914 г. и прекрасно проявить себя в Китайском походе 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. и Первой мировой войне 1914–1918 гг.

◆

Литература

1. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I-II. Владивосток: Дальнаука, 2013–2014.

2. Авилов Р.С. От Крымской до Гражданской войны: к вопросу о периодизации истории военно-сухопутных сил Российской Империи на Дальнем Востоке (1850–1918 гг.) // European Social Science Journal. 2013. № 2. С. 310–318.

3. Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.). Дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 243 с.

4. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания (1895–1904) // Вестник Общества Русских Ветеранов Великой войны. № № 58, 59–60, 68–69. Из фондов Музея русской культуры в г. Сан-Франциско.

5. Василевский. Руководство для штаб-офицеров и капитанов, подвергающихся испытанию при зачислении в кандидаты на должности уездных воинских начальников и справочная книга для уездных воинских начальников. Испр. и доп. (по 1 февраля 1910 г.) Н. Ходорович. 7-е изд. СПб.: Изд. В. Березовского, 1910. 793 с.

6. Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. 3. 348 с.

7. Военная энциклопедия. Т. 16. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1914. С. 321–640.

8. Ефимов Г. Внешняя политика Китая 1894–1899 гг. М.: Госполитиздат, 1958. 423 с.

9. Куропаткин А.Н. Записки генерала Куропаткина о Русско-японской войне. Итоги войны. Берлин, 1909. 557 с.

10. Наставление для мобилизации частей действующей и резервной пехоты. Свод указаний и соображений по исполнению мобилизационных работ в частях действующей и резервной пехоты. Испр. по 1 января 1888 г. СПб.: Военная типография, 1888. 68 с.

11. Приказания войскам Приамурского военного округа за 1900 г. Хабаровск, Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1900.

12. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1895 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1336.

13. Приказы войскам Приамурского военного округа за 1896 г. Хабаровск, Тип. Штаба Приамурского военного округа, 1896.

14. Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. Т. 1. СПб., 1910. 857 с.

15. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 60. СПб., 1895. 204 с.

16. Сухомлинов В.А. Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2005. 624 с.

17. Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. Boston and N. Y., 1909. Vol. 2. 339 p.

18. Morse H.B. The international relations of the Chinese Empire. Vol. III. 1894–1911. N. Y., Bombay, Calcutta, 1918. 530 p.

19. Norman H. The Peoples and Politics of the Far East. Lnd.: T. Fisher unwin, 1895. 608 p.

20. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. New York, 2010. 412 p.

21. The secret memoirs of Count Tadasu Hyashi. Ed. by A.M. Pooley. N. Y., Lnd., 1915. 331 p.

Транслитерация по ГОСТ 7.79–2000 Система Б

1. Avilov R.S., Ayushin N.B., Kalinin V.I. Vladivostokskaya krepost': vojska, fortifikatsiya, sobytiya, lyudi. CH. I-II. Vladivostok: Dal'nauka, 2013–2014.

2. Avilov R.S. Ot Krymskoj do Grazhdanskoj vojny: k voprosu o periodizatsii istorii voenno-sukhoputnykh sil Rossijskoj Imperii na Dal'nem Vostoke (1850–1918 gg.) // European Social Science Journal. 2013. № 2. S. 310–318.

3. Avilov R.S. Razvitie voenno-sukhoputnykh sil Rossii na Dal'nem Vostoke (1865–1895 gg.). Dis. … kand. ist. nauk. Vladivostok, 2013. 243 s.

4. Budberg A.P., baron. Sibirskie vospominaniya (1895–1904) // Vestnik Obshhestva Russkikh Veteranov Velikoj vojny. № № 58, 59–60, 68–69. Iz fondov Muzeya russkoj kul'tury v g. San-Frantsisko.

5. Vasilevskij. Rukovodstvo dlya shtab-ofitserov i kapitanov, podvergayushhikhsya ispytaniyu pri zachislenii v kandidaty na dolzhnosti uezdnykh voinskikh nachal'nikov i spravochnaya kniga dlya uezdnykh voinskikh nachal'nikov. Ispr. i dop. (po 1 fevralya 1910 g.) N. KHodorovich. 7-e izd. SPb.: Izd. V. Berezovskogo, 1910. 793 s.

6. Vasil'ev A.P. Zabajkal'skie kazaki. Istoricheskij ocherk. CHita, 1918. T. 3. 348 s.

7. Voennaya ehntsiklopediya. T. 16. SPb.: T-vo I.D. Sytina, 1914. S. 321–640.

8. Efimov G. Vneshnyaya politika Kitaya 1894–1899 gg. M.: Gospolitizdat, 1958. 423 s.

9. Kuropatkin A.N. Zapiski generala Kuropatkina o Russko-yaponskoj vojne. Itogi vojny. Berlin, 1909. 557 s.

10. Nastavlenie dlya mobilizatsii chastej dejstvuyushhej i rezervnoj pekhoty. Svod ukazanij i soobrazhenij po ispolneniyu mobilizatsionnykh rabot v chastyakh dejstvuyushhej i rezervnoj pekhoty. Ispr. po 1 yanvarya 1888 g. SPb.: Voennaya tipografiya, 1888. 68 s.

11. Prikazaniya vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1900 g. KHabarovsk, Tip. SHtaba Priamurskogo voennogo okruga, 1900.

12. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1895 g. // GAKHK. NSB. Ed. khr. 1336.

13. Prikazy vojskam Priamurskogo voennogo okruga za 1896 g. KHabarovsk, Tip. SHtaba Priamurskogo voennogo okruga, 1896.

14. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Rabota voenno-istoricheskoj komissii po opisaniyu russko-yaponskoj vojny. T. 1. SPb., 1910. 857 s.

15. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii. Vyp. 60. SPb., 1895. 204 s.

16. Sukhomlinov V.A. Vospominaniya. Memuary. Mn.: KHarvest, 2005. 624 s.

17. Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. Boston and N. Y., 1909. Vol. 2. 339 p.

18. Morse H.B. The international relations of the Chinese Empire. Vol. III. 1894–1911. N. Y., Bombay, Calcutta, 1918. 530 p.

19. Norman H. The Peoples and Politics of the Far East. Lnd.: T. Fisher unwin, 1895. 608 p.

20. Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. New York, 2010. 412 p.

21. The secret memoirs of Count Tadasu Hyashi. Ed. by A.M. Pooley. N. Y., Lnd., 1915. 331 p.

Сокращения

ГА РФ	Государственный архив Российской Федерации
ГАХК НСБ	Государственный архив Хабаровского края Научно-справочная библиотека
РГИА ДВ	Государственный исторический архив Дальнего Востока

Сведения о членах редакционной коллегии

Римская Татьяна Григорьевна *(главный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент, директор филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Шин Беом-Шик – Ph.D., доцент кафедры политических наук и международных отношений Сеульского национального университета *(г. Сеул, Республика Корея)*

Бурлаков Виктор Алексеевич – кандидат политических наук, доцент кафедры журналистики и издательского бизнеса Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Винокурова Анна Викторовна – кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кристофферсен Гайе – Ph.D., профессор Университета Джона Хопкинса *(г. Нанкин, КНР)*

Ганопольский Михаил Григорьевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института проблем освоения Севера СО РАН *(г. Тюмень)*

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Института экономических исследований ДВО РАН *(г. Хабаровск)*

Журбей Евгений Викторович *(ответственный редактор)* – кандидат исторических наук, доцент филиала Дальневосточного федерального университета в г. Находка

Золотухин Иван Николаевич – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Калугина Марина Альбертовна – кандидат политических наук, заместитель директора по науке филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Караман Вадим Николаевич – кандидат исторических наук, зав. библиотекой Приморского государственного объединенного музея им. В.К. Арсеньева *(г. Владивосток)*

Киреев Антон Александрович – кандидат политических наук, доцент кафедры политологии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кирсанова Лидия Игнатьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и психологии Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Кожевников Владимир Васильевич – кандидат исторических наук, профессор кафедры страноведения Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Кузнецов Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Латушко Юрий Викторович – кандидат исторических наук, заведующий Центром островной и прибрежной антропологии АТР Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН *(г. Владивосток)*

Лукин Артем Леонидович – кандидат политических наук, доцент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Литошенко Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и государственно-правовых дисциплин юридического факультета Морской академии Морского государственного университета им. адм. Г.И. Невельского *(г. Владивосток)*

Наумов Юрий Анатольевич – кандидат геолого-минералогических наук, доктор географических наук, член-корреспондент Международной академии наук экологии и безопасности жизнедеятельности, доцент филиала Владивостокского государственного университета экономики и сервиса в г. Находка

Севастьянов Сергей Витальевич – доктор политических наук, профессор кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Филипова Александра Геннадьевна – доктор социологических наук, профессор кафедры социальных наук Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

Шестак Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, заведующая лабораторией социологических исследований Владивостокского государственного университета экономики и сервиса *(г. Владивосток)*

Ячин Сергей Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Дальневосточного федерального университета *(г. Владивосток)*

К читателям

Редакция извещает читателей о возможности подписки на журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования».

Подписка принимается во всех почтовых отделениях.

Информацию о стоимости и условиях подписки Вы можете найти в Объединенном каталоге «Пресса России» (том 1. Газеты и журналы).

Подписной индекс журнала – **42354**.

Кроме того, подписка на журнал может быть оформлена в сети Интернет. Для того чтобы оформить подписку через Интернет, Вы можете зайти на начальную страницу сайта «Ойкумены» (www.ojkum.ru) и перейти по ссылке в раздел «Редакция журнала».

Уважаемые авторы!

С декабря 2006 года выходит в свет научно-теоретический журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Редколлегия журнала приглашает преподавателей вузов, сотрудников академических учреждений Приморского края и дальневосточного региона, а также всех заинтересованных исследователей публиковать свои статьи, материалы и методические разработки на страницах нашего издания.

Журнал включает в себя следующие тематические рубрики:

- Теория и методология регионоведческих исследований
- Историческое регионоведение
- Экономика и природопользование
- Социальные и демографические структуры
- Культурные и идеологические факторы регионализации
- Политические отношения и управление регионом
- Мировая система и международные регионы
- Междисциплинарные и системные исследования региона
- Регион в документах и свидетельствах
- Науковедение
- Научные сообщения
- Рецензии и обзоры
- Научная жизнь
- Методические разработки

Тематика статей, принимаемых к публикации в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», соответствует следующим отраслям науки согласно

НОМЕНКЛАТУРЕ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ НАУЧНЫХ РАБОТНИКОВ:

07.00.00	Исторические науки и археология
22.00.00	Социологические науки
23.00.00	Политология

Требования к объему и оформлению предоставляемых в редакцию материалов

1. Допустимые форматы файла: txt, doc, docx, odt.
2. Файл не должен содержать сложных стилей и форматирования, а также переносов. В заголовках не применять ПРОПИСНЫЕ символы. Простановка буквы **ё** обязательна.
3. Шрифт Times New Roman 14 кеглем через 1, 5 интервала.
4. Поля: верхнее и нижнее – 2 см., правое – 1, 5 см., левое – 2, 5 см.
5. Порядок оформления статьи: УДК, сведения об авторе (авторах) (Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы и должность, рабочий (домашний) телефон, e-mail), название статьи (не более 80 знаков), аннотация (от 500 до 700 знаков), ключевые слова (от 5 до 10), текст статьи, список литературы. Название, аннотация и ключевые слова предоставляются на русском и английском языках. Вся вышеуказанная информация высылается одним файлом. Файлу следует присваивать только имя (фамилию) автора.
6. Библиографические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. В скобках сначала указывается порядковый номер цитируемой работы в списке литературы, затем, через запятую, номер страницы приведенной цитаты. Например: **[2, с. 5]**. Ссылка на неопубликованный архивный документ помещается только в тексте самой статьи в круглых скобках. Например: **(ГАПК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 3. Л. 4–5)**.
7. Расшифровка сокращенний и аббривеатур (кроме общепринятых) обязательна (даётся в конце текста статьи). Например: **ГАПК – Государственный архив Приморского края**.
8. Нумерованный список литературы составляется в алфавитном порядке, по фамилиям первых авторов и названиям работ без учета соавторов и хронологии. В списке сначала указывается литература на кириллице, затем на латинице, и после в других системах письма. Библиографическое описание должно включать полное наименование книги или статьи, место издания, издательство, год, общее количество страниц (для статьи – страницы, на которых она помещена). Ссылка на Интернет в списке литературы оформляется следующим образом: **Автор. Название материала // Название сайта, [Электронный ресурс]. URL: адресная строка (дата обращения: 31.12.2012 г.).**
9. Объем статьи – от 0,5 до 1,0 п.л. (от 20 до 40 тыс. зн. с пробелами). Объём других материалов – до 0,5 п.л.
10. Рисунки, карты, графики и другой иллюстративный материал принимаются в наиболее распространенных (eps, ai, jpeg, bmp, tif) форматах, и предоставляются отдельными файлами. К графикам обязательно прилагать таблицу, на основании которой этот график сделан. Указание источника иллюстраций – обязательно.
11. Ввиду черно-белой печати журнала цветовая гамма иллюстраций, графиков, карт и т. д. не должна содержать более трех цветов (черный, белый, серый 50 %).
12. Материалы предоставляются в редакцию в электронном виде без архивации по электронной почте (e-mail: **oikomene@rambler.ru; ojkum@rambler.ru**) или через форму подачи статей (**ojkum.ru/feedback/submission-of-articles.html**).

Статьи проходят обязательное рецензирование.
Редакция оставляет за собой право отбора публикаций.
Файлы, подготовленные с нарушением требований, не рассматриваются.
Плата за публикацию не взимается.

Научное издание

Ойкумена. Регионоведческие исследования

научно-теоретический журнал

2016 № 1 (36)

Подписано к печати 03. 03. 2016 г. Вышло в свет 25. 03. 2016 г. формат 70x108/16
Усл. п. л. 15,4. Уч. -изд. л. 11,5. Тираж 200 экз. Заказ
Цена свободная

Издательство Владивостокского государственного университета экономики и сервиса
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Отпечатано во множительном участке ВГУЭС
690014, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41

Индекс 42354